

Кристофер Прист

Фуга для темной земли

<http://oldmaglib.com/>

Оригинал: Christopher Priest, "Fugue for a Darkening Island"

Аннотация

...Пока я шел, ноги непрерывно скользили на толстом слое покрытой нефтью гальки. Разглядеть трупы было нелегко; я сначала не догадался, что это трупы, приняв их издали за сгустки мазута. Все тела были черными, я насчитал их семнадцать. На них не было одежды. Кроме одного, это были трупы женщин. Черноту коже давали не естественная пигментация и не мазут; тела были раскрашены, либо вымазаны в смоле. Я шел, разглядывая их, и вскоре обнаружил Изобель и Салли...

Содержание

Кристофер Прист

Фуга для темной земли

У меня белая кожа. Светло-каштановые волосы. Голубые глаза. Я высок ростом – 180 см. В одежде немного консервативен: спортивная куртка, вельветовые брюки, галстук с узлом. У меня есть очки для чтения, хотя я надеваю их больше из притворства, чем необходимости. Я курю сигареты, в умеренном количестве. Иногда употребляю алкоголь. Не верю в Бога; не хожу в церковь; не страдаю недостатками, которых нет у других людей. В брак вступил по любви. Мне очень дорога моя дочь Салли. У меня нет политических амбиций. Мое имя Алан Уитмэн.

Моя кожа выглядит смуглой от грязи. Голова непрерывно чешется, волосы сухие, пропитанные солью. Глаза голубые. Я высок ростом – 180 см. Одет в то же самое, что было на мне шесть месяцев назад. От меня исходит отвратительный запах. Я потерял очки и научился жить без них. Я почти совсем не курю, хотя если удастся добраться до сигарет, то не выпускаю их изо рта. Раз в месяц мне удастся напиться до бесчувствия. Не верю в Бога; не хожу в церковь. Я обругал жену, когда был с ней в последний раз, хотя теперь жалею об этом. Очень люблю свою дочь Салли. Не думаю, что у меня есть политические амбиции. Мое имя

Алан Уитмэн.

Я познакомился с Лейтифом в деревне, разрушенной артиллерийским обстрелом. Он мне не понравился с первого мгновения и я ему, несомненно, тоже. После нескольких минут настороженности мы перестали обращать друг на друга внимание. Я искал в деревне продукты, зная, что раз обстрел кончился совсем недавно, она еще не разграблена дочиста. Несколько домов уцелели, но я обходил их, по опыту зная, что сухопутные войска имеют привычку чистить нетронутые в первую очередь. Более урожайно основательно порыться в полуразрушенных строениях.

Методично работая, к середине дня я наполнил консервами две хозяйственные сумки и нашел в брошенных автомобилях три дорожные карты. Они могут пригодиться в будущих бартерных вояжах. За все это время я больше ни разу не видал своего конкурента.

На окраине деревни я обнаружил делянку, которая явно обрабатывалась сравнительно недавно. В одном ее углу были свежие могилы, отмеченные обломками досок с укрепленными на них металлическими личными знаками погибших солдат. Прочитав имена, я понял, что они из африканских войск.

Место было наиболее уединенным, поэтому я сел возле могил и открыл одну банку. Консервы оказались отвратительными – недоваренными и очень жирными. Я ел с голодной жадностью.

Насытившись, я направился к обломкам рухнувшего неподалеку вертолета. Вряд ли в нем могли быть продукты, однако если удастся обнаружить какие-нибудь приборы, они могут пригодиться для обмена. Лучше всего найти компас, хотя едва ли в вертолете может оказаться достаточно портативный прибор, который легко снять. Подойдя к вертолету, я увидел встретившегося утром мужчину, который сидел в разбитой кабине, согнувшись под приборной доской, и пытался снять альтиметр, орудуя ножом с длинным лезвием. Почувствовав мое присутствие, он стал медленно выпрямляться, одновременно опуская руку в карман. Когда он повернулся ко мне лицом, мы несколько минут внимательно изучали друг друга. Наконец оба поняли, что одинаково реагируем на возникшую ситуацию.

Мы решили, что должны оставить дом в Саутгейте в тот день, когда в конце нашей улицы была воздвигнута баррикада. Сразу это решение осуществлено не было; в течение нескольких дней нам казалось, что мы сможем приспособиться к новому образу жизни.

Я не знаю, кто придумал соорудить баррикаду. Поскольку мы жили в дальнем конце улицы возле лужаек для развлечений, шум ночью не разбудил нас. Но Изобель повезла утром Салли в школу и почти сразу же вернулась с новостью о баррикаде.

Это стало первым вмешательством в нашу жизнь происходивших в стране необратимых изменений. На-

ша баррикада – далеко не первая, даже по соседству с нами их уже было несколько.

Когда Изобель рассказала мне о ней, я отправился взглянуть собственными глазами. Баррикада не производила впечатление очень крепкого сооружения – главным образом, деревянные подпорки да витки колючей проволоки, – но стояло несколько мужчин и я предусмотрительно поздоровался с ними кивком головы.

На следующий день, когда мы были дома, наш покой нарушил шум выселения Мартинов. Мартини жили почти напротив нас. Мы не очень поддерживали с ними отношения, а после высадки афримов и вовсе не общались. Винсент Мартин работал инженером-исследователем на заводе какой-то авиационной продукции в Хэтфилде. Его жена сидела дома, присматривая за троими детьми. Семья была из Вест-Индии.

На момент этого выселения я не имел никакого отношения к Уличному Патролю, ответственному за это дело. Но в течение следующей недели было составлено штатное расписание всех мужчин улицы; каждому члену их семей был выдан пропуск, который полагалось всегда иметь при себе в качестве удостоверения личности. Мы видели в этих пропусках некую потенциально самую важную собственность, какой обладали, потому что к этому времени более не были слепы к происходившему вокруг нас.

Автомобилям дозволялось въезжать на улицу и покидать ее только в определенные часы и охрана на баррикаде следила за соблюдением этого правила неукоснительно. Наша улица выходила на главную дорогу, подчиненную действию правительственных правил дорожного движения. А по этим правилам была запрещена любая придорожная парковка после шести вечера, что, в свою очередь, означало необходимость искать место для автомобиля где-то еще, если ты приехал домой после закрытия проезда в баррикаде. Большинство улиц быстро последовали нашему примеру и тоже закрыли свои въезды. В результате приходилось оставлять машину на значительном удалении от дома и остаток пути шагать пешком, что в то время суток было исключительно опасно.

Нормальный состав уличного дозора – два человека, хотя в нескольких случаях он удваивался, а в ночь перед нашим окончательным решением уехать дежурило четырнадцать человек. Я назначался в наряд трижды; каждый раз с разными людьми. Наша функция была несложной. Один с дробовиком оставался у баррикады, а другой четыре раза проходил по улице туда и обратно. Затем обязанности менялись, и так всю ночь.

Когда я стоял у баррикады, меня больше всего пугали одинокие полицейские машины. Проходили они по много раз, но никогда не останавливались. На заседаниях Патрульного комитета вопрос о том, что делать,

если полиция остановится, многие поднимали не раз, но вразумительного ответа, по крайней мере на моей памяти, так никто и не получил.

На практике мы и полиция оставляли друг друга в покое, хотя ходили байки о сражениях между жителями забаррикадированных улиц и полицейскими отрядами на борьбе с беспорядками. Никаких сообщений об этом ни в газетах, ни по телевидению не было, но отсутствие новостей всегда красноречивее их самих.

Истинное назначение дробовика – отпугивать незаконных поселенцев, которые попытаются появиться на улице; предназначалась ему и вторичная роль – некая форма протеста, мол, если правительство и его вооруженные силы неспособны или не желают защищать наши дома, мы вынуждены взять это дело в собственные руки. Таков был смысл текста, напечатанного на оборотной стороне наших пропусков, таким было credo личного состава уличного патруля.

Мне от всего этого было не по себе. Коробка дома Мартинов без света в окнах прямо напротив нас постоянно напоминала о жестокости патрулей, а бесконечный парад бездомных, еженощно шествовавших мимо баррикад чрезвычайно скверно сказывался на душевном равновесии.

В ночь, когда пала баррикада на соседней улице, я спал. Мне сказали, что численность дозора увеличена, но в ту ночь была не моя очередь.

Мы поняли, что идет сражение по выстрелу почти по соседству от нас; пока Изобель провожала Салли в убежище, устроенное под лестницей, я торопливо оделся и поспешил присоединиться к патрулю на баррикаде. Там собрались все мужчины нашей улицы и угрюмо таращились на армейские грузовики и полицейские фургоны, перегородившие главную дорогу. Нам противостояло около трех десятков солдат с оружием, они явно нервничали и держали оружие наготове.

Мимо прогромыхали три машины с водяными пушками, затем они исчезли, направляясь сквозь сутолоку беспорядочно расставленных на дороге машин к соседней улице. То и дело слышались новые выстрелы, звучали злобные голоса. Время от времени гремели взрывы, они были глухими, но мощными; неподалеку медленно стало разрастаться багровое зарево. Прибывали новые армейские грузовики и полицейские фургоны, из них выскакивали люди и бежали к той улице. Мы все молчали, слишком хорошо понимая вопиющий вызов и полную бессмысленность второй роли нашего дробовика. Он всегда заряжен, но на виду его не держали. В тот момент мне не хотелось бы оказаться с ним в руках.

Мы ждали возле баррикады всю ночь, прислушиваясь к звукам сражения в каких-то пятидесяти метрах от нас. К рассвету шум стал постепенно стихать. Мы ви-

дели выносившиеся трупы нескольких солдат и полицейских. Машины скорой помощи увезли много раненых.

Когда совсем рассвело, около двух сотен белых людей, часть из которых были только в ночном белье, под конвоем полиции проследовали к скопищу карет скорой помощи и грузовиков в полутора километрах от нас. Проходя мимо нашей баррикады, некоторые из них пытались остановиться и поскандальить, но солдаты загоняли их в строй. Когда эти люди отошли подальше, я взгляделся в лица своих и поразился – неужели и у меня такое же выражение тяжелой утраты на лице.

Мы ждали затишья, но звуки беспорядочной оружейной стрельбы слышались еще в течение нескольких часов. Мы не заметили восстановления нормального движения по дороге и предположили, что где-то пришлось организовать ее объезд. У одного из наших был с собой транзисторный радиоприемник и мы с тревогой слушали каждую сводку новостей Би-Би-Си, надеясь найти в них утешение.

К десяти часам события явно перешли в спокойное русло. Большинство полицейских машин отбыло, но армия еще окружала нас. Хотя бы один выстрел слышался каждые пять минут. Несколько домов на соседней улице все еще горели, но признаков распространения пожара не было.

Едва представился случай, я оставил баррикаду и

вернулся домой.

Изобель и Салли все еще сидели под лестницей. Изобель была едва жива; черты лица искажены, зрачки расширены, речь совершенно бессвязная. Салли не в лучшем состоянии. Их рассказ не отличался логикой, это был просто неполный перечень событий, словно из вторых рук: взрыв, крики, оружейная стрельба и треск горящего дерева... Все это они слышали, лежа в темноте. Пока кипятился для них чай подогревалась еда, я осмотрел нанесенные дому повреждения.

В огороде взорвалась бензиновая бомба, предавшая огню наш сарай. Все стекла окон задней стороны дома разбиты. В стенах несколько пуль. Когда я был в задней комнате, в окно влетела еще одна пуля, она прошла в нескольких сантиметрах от моего уха. Я присел на корточки, добрался до окна и выглянул.

Наш дом занимал господствующее положение на местности, из его окон через сады и огороды хорошо видна соседняя улица. Стоя на коленях, я разглядел, что на ней уцелела только половина домов. В окнах некоторых виднелись суетившиеся люди. Один мужчина, небольшого роста негр в грязной одежде, прятался в огороде за забором. Это он стрелял в меня. Второй раз он выстрелил в сторону дома по соседству с моим.

Изобель и Салли оделись, мы вынесли три упакованные на предыдущей неделе чемодана. Я уложил их в машину. Пока Изобель ходила по дому, запирая все

внутренние двери и шкафы, я подсчитал нашу наличность.

Мы поехали к баррикаде. Здесь нас остановили.

– Куда это Вы собрались, Уитмэн? – спросил меня один из дозорных. Это был Джонсон, с которым три ночи назад я вместе дежурил.

– Мы уезжаем, – ответил я. – К родителям Изобель.

Джонсон сунул руку в открытое окно, выключил зажигание и вытащил ключ, прежде чем я успел остановить его.

– Извините, – сказал он. – Никто не уедет. Если мы все разбежимся, нигеры будут здесь в мгновение ока.

Вокруг столпилось несколько человек. Изобель прижалась ко мне, я чувствовал, что она напряжена. Салли была на заднем сидении. Я боялся даже подумать, какое впечатление это на нее производит.

– Мы не можем здесь оставаться. Наш дом смотрит окнами на уже занятые. Всего лишь вопрос времени, когда они подступят к нему с огорода.

Я видел, что некоторые из собравшихся переглянулись. Джонсон, дом которого был не нашей стороне улицы, настаивал на своем:

– Мы должны держаться один за другого. В этом наша надежда.

Изобель наклонилась к моему окну и подняла на Джонсона умоляющий взгляд.

– Пожалуйста, – сказала она, – войдите в наше по-

ложение. А что говорит Ваша жена?

– Всего лишь вопрос времени – повторил я. – Вы же знаете, что происходило в других местах. Если афримы заняли улицу, через несколько ночей в их руках оказывалось все местечко.

– Но на нашей стороне закон, – сказал один из собравшихся, кивнув в сторону солдат по другую сторону баррикады.

Они ни на чьей стороне. Баррикаду можно разобрать. От нее теперь нет пользы.

Джонсон отошел от окна машины и разговаривал еще с одним из наших, Николсоном. Тот входил в состав руководства Патрульного комитета. Через несколько секунд возле окна был Николсон.

– Вы не уедете, – вынес он окончательный вердикт. – Никто не уедет. Уводите отсюда машину и возвращайтесь дежурить на баррикаду. Это все, что мы можем делать.

Он бросил в салон ключ зажигания, который упал на колени Изобель. Она подала его мне, я покрутил ручку и до конца поднял дверное стекло.

Заведя машину, я спросил Изобель:

– Ты хочешь, чтобы мы рискнули?

Она обвела взглядом мужчин перед машиной, колючую проволоку баррикады и вооруженных солдат за ней. Изобель промолчала.

На заднем сидении заплакала Салли:

– Я хочу домой, папа – сказала она.

Я развернул машину и медленно покатил к дому. Из домов по нашей стороне улицы слышались крики женщин. Я бросил взгляд на Изобель, она зажмурилась глазами.

Мы остановились возле своего жилища, я задним ходом подрулил к дому. Он выглядел до странности таким же, как всегда. Никому не захотелось выходить из машины. Я выключил двигатель. Казалось, стоит повернуть ключ зажигания, и все будет кончено.

Через некоторое время я включил первую передачу и мы направились в противоположный конец улицы к лужайке для развлечений. Когда сооружалась баррикада в том конце улицы, упировавшись в главную дорогу, этот конец перегородили только двумя рядами гладкой проволоки и обычно дежурных здесь не было. Ничто с тех пор не изменилось.

Вокруг ни души. Как и на всем протяжении улицы, здесь одновременно ощущались ставшее нормальным отсутствие покоя и какая-то спокойная ненормальность. Я остановил машину, выскочил из нее и опустил проволоку на землю. За ней был деревянный забор на легких кольях. Я пошатал его руками. Сам забор достаточно крепок, но колья шатались.

Я переехал проволоку и осторожно упер бампер машины в забор. На первой передаче мне удалось его свалить. Перед нами была пустынная лужайка для

развлечений. Я поехал по ней, машина кренилась то на один, то на другой бок на прошлогодних выбоинах.

Я выбрался из воды и лежал на берегу реки, с трудом хватая воздух. Физическое оцепенение от нестерпимо холодной воды исчерпало все мои силы. Боль была в каждой мышце, по телу пробегала дрожь. Я продолжал лежать.

Минут через пять я встал и посмотрел на ожидавших по другую сторону потока Изобель и Салли. Я пошел по берегу вверх по течению, волоча конец веревки, пока не оказался напротив них. Изобель сидела на песке, но на меня не смотрела, тупо следя за течением. Возле нее стояла Салли, ее взгляд был очень внимательным.

Я кричал, командуя, что им делать. Салли что-то сказала Изобель, но та отрицательно затрясла головой. Мое терпение кончалось, дрожь в мышцах начинала сменяться судорогами. Я снова крикнул, Изобель встала. Они завязали веревку вокруг талий и на груди, как я научил их, затем, дрожа от страха, подошли к кромке воды. В нетерпении я мог слишком сильно дернуть веревку. Едва войдя в реку, они все равно сразу же плюхнулись животами в воду и стали бестолково молотить руками. Изобель не умела плавать и боялась утонуть. Я видел, что Салли борется с ней, стараясь не дать матери снова выползти на берег.

Перехватив у них инициативу, я потянул веревку и быстро выволок обеих на середину реки. Всякий раз,

как лицо Изобель показывалось над поверхностью, она кричала полным страха и гнева голосом.

Не прошло и минуты, как они были рядом со мной. Салли лежала на илистом берегу, молча тараща на меня глаза. Я хотел, чтобы она отругала меня, но девочка промолчала. Изобель лежала на боку, согнувшись вдвое. Ее рвало водой несколько минут. Отдышавшись, она стала проклинать меня. Я не обращал внимания.

Вода в реке была очень холодной, но воздух теплым. Мы разобрали наши пожитки. За время переправы ничего не потерялось, но все намокло. По первоначальному плану предполагалось, что Изобель будет держать наш рюкзак над водой, а Салли поддерживать ее саму. Теперь и одежда, и еда были мокрыми, спички тоже не годились для разжигания костра. Мы решили, что лучше снять с себя одежду и развесить ее на кустах и деревьях в надежде, что к утру она достаточно подсохнет.

Устроившись несчастным, дрожащим клубком на голой земле мы тесно прижимались друг к другу, чтобы согреться. Через полтора часа Изобель уснула. Салли лежала в моих объятиях с открытыми глазами.

Салли знала, что я тоже не сплю. Мы с ней не смыкали глаз почти всю ночь.

Я провел ночь с женщиной по имени Луиза. Она сняла для нас номер в отеле на Гудж-стрит; я сказал Изо-

бель, что принимаю участие в ночной демонстрации в колледже, поэтому мог не возвращаться домой до утра.

Мы пообедали с Луизой в греческом ресторанчике на Шарлотт-стрит, затем, не желая торчать весь вечер в номере, отправились в кино на Титтенхэм-Корт-Роад. Я не запомнил название фильма. Помню только, что он был заграничным с субтитрами на английском и что речь в нем шла о жестоко окончившихся любовных отношениях цветного мужчины и белой женщины. Было несколько откровенно сексуальных сцен, но многие кинотеатры с удовольствием демонстрировали фильмы, где представлялись разнообразные формы полового акта в мельчайших деталях, потому что, несмотря на отсутствие запрета, бывали случаи, когда полиция врывается во время сеанса в зал. Однако к тому времени, когда мы смотрели этот фильм, он демонстрировался уже более года без подобных инцидентов.

Мы с Луизой сидели в заднем ряду и, когда полицейские ворвались через оба боковые входа, нас поразило, с какой тоностью это делалось и поняли, что рейд тщательно спланировал. Около каждой двери осталось по полицейскому, а остальные редким кордоном окружили зрителей.

Минуту или две казалось, что никакого продолжения этих действий не будет, и мы смотрели фильм, пока не включился верхний свет. Проецирование на экран

несколько минут продолжалось и при свете. Наконец демонстрация фильма резко оборвалась.

Мы просидели минут двадцать, не понимая что происходит. Один из полицейских оцепления был недалеко от меня и я спросил его, в чем дело. Он не ответил.

Нам было приказано выходить из зала ряд за рядом и называть имя и адрес. По счастливой случайности у меня не было с собой никаких документов, поэтому я назвал вымышленные имя и адрес. Меня обыскали, но отпустили, после того как предъявившая документы Луиза подтвердила мои слова.

Мы сразу же вернулись в отель и улеглись в постель. После событий этого вечера я чувствовал себя полным импотентом и, несмотря на изоощренные усилия Луизы, наше половое общение так и не состоялось.

Через три месяца к власти пришло правительство Джона Трегарта.

Как к противнику, мы питали к афримским войскам отвращение. До нас непрерывно доходили слухи об их трусости в бою и надменности в победе, какой бы незначительной она ни была.

Однажды мы повстречались с парнем из Королевских национальных военно-воздушных сил, который был схвачен афримским патрулем. Этот человек, который был пилотом до того, как его искалечили во время пыток, рассказал нам о жестокостях и зверствах в их армейских центрах дознания, по сравнению с кото-

рыми наш штатский опыт в подобных вещах выглядел чем-то обыденным и поверхностным. Пилот потерял одну ногу ниже колена, другая была с порванными сухожилиями, но он считал, что ему повезло больше многих других. К нам он обратился за помощью.

Мы не хотели с ним связываться и Лейтиф собрал совещание, чтобы решить что делать. В конце концов мы проголосовали за доставку калеки в район базы Королевских национальных ВВС и оставили в полутысяче километрах от нее, предоставив самому проехать остальной путь.

Вскоре после этого случая мы попали в облаву к большому афримскому патрулю и нас доставили в один из их гражданских центров дознания.

Мы ничего не сказали ни о пилоте, ни об их методах обращения с военными. В тот раз мы не пытались противиться задержанию. На мой взгляд оно было как-то связано с недавним похищением женщин, но большинство людей нашей группы считало нашу покорность следствием царившего в то время среди нас безразличия ко всему происходившему вокруг.

Нас привели к большому зданию на окраине занятого афримами города, загнали в громадную палатку, разбитую на лужайке перед зданием, приказали раздеться и пройти через санпропускник для выведения вшей. Он представлял собой отгороженное в палатке место, куда напускался густой пар. Когда мы оттуда вы-

шли, нам было велено снова одеться. Одежда лежала там, где мы ее оставили; ее дезинфекцией не занимались.

Затем нас разбили на группы не более трех человек. Моя группа состояла из меня одного. Группы развели по помещениям главного здания для короткого допроса. Меня допрашивал высокий западноафриканец, который, несмотря на работавшее центральное отопление, был в бурого цвета шинели. Входя в его кабинет, я заметил, что стоявшие в коридоре часовые в форме вооружены русскими карабинами.

Допрос был поверхностным. Удостоверение личности, свидетельство о рождении и месте жительства, проверка наличия на документах фотографии с афримской печатью.

– Куда вы направляетесь, Уитмэн?

– В Дорчестер, – сказал я, как мы договорились отвечать в случае ареста.

– У вас там родственники?

– Да, – я дал ему имя и адрес выдуманных родителей.

– У вас есть семья?

– Да.

– Но ее с вами нет.

– Нет.

– Кто в группе главный?

– Мы все сами по себе.

Наступила долгая пауза. Он снова изучал мои бумаги. После этого меня отвели обратно в палатку, где я ждал окончания допроса остальных. Затем два африка в штатском покопались в наших вещах. Обыск был чрезвычайно поверхностным, изъяли только вилку, которая оказалась в одном из рюкзаков сверху. Два ножа, спрятанные в подкладке моей сумки, они не обнаружили.

После обыска пришлось снова долго ждать, пока перед палаткой не появился грузовик с большим красным крестом на белом фоне. Гуманитарный паек Красног Креста для беженцев некоторое время держался на установленном уровне – два килограмма продуктов в протеиновом эквиваленте. Однако с тех пор, как афримы взяли дело в собственные руки, количество выдававшейся провизии пошло на убыль. Я получил две маленькие банки консервированного мясного фарша и двойную пачку сигарет – сорок штук.

Затем нас вывезли из города на трех грузовиках и выгрузили в тридцати километрах от него в том же месте, где задержали. Весь следующий день до наступления ночи мы искали тайник со своими запасами, который устроили при первом известии о возможности облавы. Этого оказалось мало, и на поиски ушло еще полдня.

Ни разу за все время нашего вынужденного посещения территории, занятой афримами, мы не видели ни

одной женщины, не слышали никакого намека на их присутствие там. Ночью мне было не уснуть, я чувствовал, что теряю надежду увидеть Салли и Изобель.

В последних известиях сообщалось, что неопознанное судно, которое двое суток назад появилось в Ла-Манше, вошло в эстуарий Темзы.

Все утро я не пропускал ни одного специального выпуска. Судно не подавало радиосигналов и не отвечало на вызовы с момента появления в проливе. На нем не было никакого флага. Из Тилбура вышел лоцманский катер, но людям с него не удалось подняться на борт судна. По названию на носу судно определили как трамповый грузо-пассажирский пароход среднего тоннажа, приписанный к одному из портов Либерии. По данным Ллойда в настоящий момент оно числилось совершающим чартерный рейс в Лагос.

Случилось так, что в двенадцать-тридцать я был волен уйти из колледжа. Во второй половине дня у меня не было ни занятий, ни каких-то других дел, и я решил отправиться к реке. Доехав на автобусе до Канен-стрит, я пешком дошел до Лондонского моста. У нескольких сот человек, главным образом служащих ближайших контор, оказалось то же намерение и на восточной стороне моста толпился народ.

Некоторые уходили, видимо по необходимости возвратиться на работу, и я постепенно протиснулся к парапету.

Ровно в два-тридцать мы увидели судно, приближавшееся вверх по реке к мосту Тауэр. Его сопровождало несколько мелких судов, большей частью принадлежавших речной полиции. По толпе прокатилась волна пересудов.

Судно приближалось к мосту, который преграждал ему путь. У стоявшего рядом со мной мужчины был полевой бинокль и он сказал мне, что находившиеся на мосту люди разбегаются, а въезд транспорта на него перекрыт. Через несколько секунд мост развели как раз в тот момент, когда судно подошло почти вплотную.

Меня привлек звук сирен. Обернувшись, я увидел четыре или пять полицейских машин, въехавших на Пондонский мост. Люди оставались внутри, но синие мигалки на крышах продолжали работать. Судно приближалось к нам.

Мы видели на сопровождавших катерах людей, которые что-то кричали в мегафоны тем, что находились на борту судна. Слов было не разобрать, до нас доносился лишь слабый резонированный гул. Стало неестественно тихо, когда полиция перекрыла въезд на мост с обеих сторон. Вышедший из машины полицейский стал гнать людей с моста. Ему подчинилось всего несколько человек.

Судно уже было менее чем в пятидесяти метрах от нас, мы хорошо видели огромные толпы людей на его палубах. Многие лежали. Два полицейских катера по-

дошли к мосту, развернулись и двинулись навстречу судну. С одного из них какой-то полицейский чин требовал от капитана остановить машины и принять на борт представителей властей.

Ответа с судна не было, оно продолжало приближаться к мосту, хотя многие из находившихся на палубах что-то кричали полицейским, не понимая в чем дело.

Нос судна прошел под арку моста метрах в пятнадцати от меня. Я посмотрел вниз. Верхняя палуба была забита людьми от борта до борта. Долго разглядывать мне не пришлось, потому что средняя надстройка судна врезалась в парапет моста. Столкновение произошло при небольшой скорости, послышался отвратительный звук скребущего по камню металла. Я заметил ободранную краску и ржавчину на корпусе и надстройке судна, остекление многих иллюминаторов и окон было разбито.

Посмотрев на реку, я увидел, что полицейские катера и два буксира речных властей пытались развернуть корму старого судна и прижать ее к бетонному причалу Нью-Фреш. По валившему из трубы черному дыму и белой пене за кормой я понял, что машины судна продолжали работать. По мере приближения кормы судна к причалу, металл надстройки то и дело ударялся о мост и скреб по парапету.

На верхних и внутренних палубах возникло движе-

ние. Люди бросились в корму. Многие на бегу падали. Едва корма прижалась к бетонному причалу, первые люди стали выпрыгивать на берег.

Судно крепко заклинилось между берегом и мостом; его нос оставался под аркой, надстройка прижалась к парапету, а корма нависла над причалом. Буксиры вертелись вокруг моста, подталкивая судно так, чтобы оно снова не вышло в реку собственным ходом. Полицейские катера были теперь с его левого борта, на палубу забрасывались канаты и веревочные лестницы с металлическими кошками. Спасавшиеся бегством пассажиры мешать полицейским не пытались. Едва удалось закрепить первую лестницу, по ней стали подниматься официальные представители таможни.

Внимание собравшихся на мосту было приковано к покидавшим судно людям: африканцы сходили на берег.

Мы наблюдали за ними с ощущением ужаса и очарования. Мужчины, женщины и дети. Большинство, если не все, в состоянии крайнего голодного истощения. Руки и ноги скелетов, вздувшиеся животы, напоминавшие черепа головы с вылезавшими из орбит глазами; плоские, словно из бумаги, женские груди, укоризненное выражение лиц. Большинство совершенно или почти голые. Многие дети не в состоянии идти самостоятельно. Те, которых никто не взял на руки, остались на судне.

На пассажирской палубе открылись металлические ворота и на причал спустили сходню. Африканцы с нижних палуб тоже повалили на берег.

Некоторые падали на бетон, едва оказавшись на суше, другие бежали к зданиям причала и исчезали либо внутри них, либо между ними. Никто из убежавших ни разу не обернулся ни на нас, стоявших на мосту, ни на тех, кто еще только покидал судно.

Мы ждали и глазели. Казалось, людям на борту судна нет числа.

Со временем все верхние палубы опустели, но люди продолжали и продолжали выливаться на берег из чрева парохода. Я попытался сосчитать количество оставшихся лежать на верхней палубе, мертвых или без сознания. Досчитав до ста, я бросил.

Поднявшиеся на борт люди остановили, наконец, машины и судно было пришвартовано к причалу. Появилось много карет скорой помощи. Наиболее сильно пострадавших погрузили в них и увезли.

Но сотни и сотни брели прочь от причала, подальше от реки, растекаясь по улицам Сити, обитатели которых еще ничего не знали о событиях на берегу.

Позднее я узнал, что полиция и речные власти обнаружили на судне более семисот трупов, большинство детских. Работники социального обеспечения насчитали четыре с половиной тысячи живых, которые попали в больницы и пункты скорой помощи. Определить чи-

сло остальных было невозможно, хотя я слышал, что с судна ушло примерно три тысячи человек, пожелавших попытаться выжить без посторонней помощи.

Вскоре после отвода судна к причалу полиция прогнала нас с моста, объяснив, что его конструкции опасно повреждены. Однако на следующий день движение по нему снова было открыто.

Вечером я узнал, что стал свидетелем первой высадки афримов.

Полицейская патрульная машина подала нам сигнал остановиться и начались вопросы о том, куда мы направляемся, и обстоятельствах, по которым мы снялись с места. Изобель пыталась рассказать о набеге на соседнюю улицу и убедить полицейских в неотвратимой угрозе нашему дому.

Пока мы ждали разрешения продолжить путь, Салли утешала Изобель, заливавшуюся слезами. Я старался не обращать внимания. Хотя я вполне разделял ее чувства и понимал сколь огорчительно расставание с собственностью подобным образом, за последние несколько месяцев мне пришлось на собственной шкуре убедиться в отсутствии у Изобель силы духа. Вполне понятно, что это доставляло немало неудобств еще когда я работал на фабрике сортировки текстиля, но в сравнении с ситуацией в семьях некоторых моих коллег по колледжу, у нас все было в относительном порядке. Я делал все возможное, чтобы сочувствовать

ей и быть терпеливым, но преуспевал лишь в возрождении старых разногласий.

Через несколько минут полицейский вернулся к нашей машине и сообщил, что мы можем продолжать путь, если направимся в лагерь ООН возле Хорсенден-Хиле графства Мидлсекс. Нашим первоначальным намерением было попасть в Бристоль, где теперь жили родители Изобель.

Полицейский сказал, что гражданским лицам не рекомендуются дальние поездки по стране после наступления темноты. Большую часть второй половины дня мы колесили по окрестностям Лондона в попытке найти гараж, где бы нам продали достаточно бензина, чтобы не только полностью заправить бак, но и еще три двадцатилитровые канистры, которые были у меня в багажнике. Ничего удивительного, что уже темнело. Кроме того, мы все трое были голодны.

Я ехал по Западной авеню к Алпертону, сделав большой крюк через Кенсингтон, Фулхэм и Хаммерсмит, чтобы не оказаться возле забаррикадированных афримских анклавов в Ноттинг-Хиле и Северном Кенсингтоне. Сама главная дорога была свободна, хотя мы видели, что каждая боковая и одна или две вспомогательные дороги, пересекавшие основную через определенные интервалы, были забаррикадированы и охранялись вооруженными людьми в штатской одежде. Возле Хангер-Лейн мы свернули на Западную

авеню и через Алпертон вышли на указанный полицейским маршрут. Мы увидели припаркованные во многих местах полицейские машины, несколько десятков полицейских в форме и немало ополченцев ООН.

У ворот лагеря нас снова задержали и допросили, но здесь этого следовало ожидать. Нам, в частности, задавали много вопросов о причине, заставившей нас оставить дом и мерах для его защиты на время нашего отсутствия.

Я сказал, что улица, на которой мы жили, забаррикадирована, что мы закрыли и заперли все двери в доме и взяли с собой ключи, что по соседству находятся войска и полиция. Пока я говорил, один из задававших вопросы записывал мои ответы в небольшой блокнот. Нас обязали сообщить подробный адрес и имена людей на баррикаде. Мы ждали в машине, пока полученная от нас информация передавалась по телефону. Наконец нам показали место внутри лагеря почти у самых ворот, где следовало оставить машину. Взяв личные вещи, мы пешком направились в главный приемный пункт.

Здания оказались гораздо дальше от ворот, чем мы ожидали, а когда нашли их, то очень удивились, что это были, главным образом, легкие сборные домики. На фасаде одного из них красовался раскрашенный щит с надписями на нескольких языках. Щит освещался прожектором. Надпись предписывала нам разделить-

ся; мужчинам положено идти к домику под названием "Пункт D", а женщинам и детям – входить в этот.

– Надеюсь, позднее увидимся, – сказал я Изобель.

Она поцеловала меня. Я поцеловал Салли. Они вошли в домик, оставив меня одного с чемоданом.

Я направился в указанном направлении и нашел "Пункт D". Мне было сказано сдать чемодан для обыска и снять одежду. Я подчинился и мою одежду унесли вместе с чемоданом. Затем я получил инструкцию принять горячий душ и вымыться дочиста с мочалкой. Понимая, что это объясняется стремлением свети к минимуму риск для здоровья, я не стал возражать, хотя принимал ванну прошлым вечером перед сном.

Когда я вышел из душа, мне выдали полотенце и одежду из очень грубой ткани. В просьбе вернуть мою одежду было отказано, но мне сказали, что позднее я смогу пользоваться собственной ночной пижамой.

Я оделся и меня проводили в незатейливый зал, где было полно мужчин. Соотношение чернокожих и белых было примерно один к одному. Я постарался не показать свое удивление.

Мужчины сидели за столами на длинных скамейках, ели, курили и разговаривали. Мне показали раздаточное окно, где можно было взять плошку еды. Если одна порция не удовлетворит мой голод, можно взять вторую. Там же можно было получить сигареты. Мне до-

сталась пачка с двадцатью сигаретами.

Отсутствие Изобель и Салли немного беспокоило, но я решил, что они получили такое же обслуживание в другом месте. Мне оставалось только надеяться, что с ними удастся свидеться до отбоя ко сну.

Пока я расправлялся со второй порцией, то и дело входили новые мужчины и каждый обслуживался так же, как я, независимо от расы. За моим столом было больше негров, чем белых, и хотя сперва я чувствовал себя не очень уютно, здраво рассудил, что мы с чернокожими в одинаковом положении и угрозы они не представляют.

Спустя два часа нас развели по другим домикам неподалеку, где предстояло спать на узких койках с единственным одеялом и без подушек. Изобель и Салли я так и не увидел.

Утром мне была позволена часовая встреча с ними.

Мои дамы рассказали, что с ними плохо обращались и что они не смогли выспаться. Пока мы разговаривали, пришло сообщение, что правительство достигло соглашения с руководителями воинственных афримов и возвращение ситуации в нормальное русло – вопрос нескольких дней.

Мы сразу же решили вернуться домой, а если увидим, что наш дом все еще в опасности, то к вечеру вернемся в лагерь беженцев.

С немалыми трудностями мы добились встречи с

официальным представителем ООН в лагере и сказали ему, что желаем уехать. По какой-то причине он дал согласие с неохотой, говоря, что уйти из лагеря желает слишком много людей, но мудрее оставаться в нем до стабилизации обстановки. Мы уверяли его, что рассчитываем на безопасность в собственном доме, а он предостерегал, что лагерь уже почти укомплектован и если мы его покинем, то нет никакой гарантии получить места по возвращении.

Несмотря на это, после получения обратно багажа и автомобиля мы оставили лагерь. Хотя обыск чемоданов явно состоялся, не пропала ни одна наша вещь.

Во время второй высадки афримов я оказался в небольшом курортном городке на севере Англии, где проходил заинтересовавший меня научный симпозиум. Мне плохо помнится о чем там шла речь, но организовано все было прекрасно и официальная программа строго выполнялась.

Два раза подряд мне случилось разделить столик за ленчем с молодой женщиной из Нориджа; мы подружились с первого раза. Во вторую нашу встречу со мной заговорил один знакомый по университету. Мы поздоровались и он присоединился к нам за столом. Особенного желания видеть его у меня не было, но я отдавал дань вежливости. Моя новая знакомая вскоре оставила нас.

Я думал о ней всю вторую половину дня и сделал

несколько безуспешных попыток найти ее. Не появилась она и во время обеда. Оставалось предположить, что она уехала, не дожидаясь окончания симпозиума.

Я провел вечер в компании университетского приятеля, мы вспоминали наши студенческие дни.

Когда я раздевался, готовясь лечь в постель, раздался стук в дверь номера. Это была та молодая женщина. Она вошла и мы распили остававшиеся у меня полбутылки шотландского виски. Наша беседа была не очень последовательной. Она назвала мне свое имя, которое я теперь уже не помню. Мы делали вид, что поддерживаем умный разговор, хотя предмет беседы был совершенно пустяковым. Создавалось впечатление, что тягостное содержание официальных слушаний этого дня полностью лишило нас обеих способности мыслить, но не способности к установлению взаимопонимания.

Потом мы занимались любовью в моей постели и она осталась на всю ночь.

Следующий день был последним днем симпозиума и кроме небольшой церемонии закрытия в главном зале других мероприятий не было. Мы вместе позавтракали, понимая, что это, вероятно, последняя наша встреча. Во время завтрака и пришла весть о второй высадке афримов. Несколько минут мы поговорили об этом событии и его возможных последствиях.

После смутившей меня дискуссии с Лэйтифом я

предпочел поработать в одиночку в небольшом поселке на южном побережье. Мне было ясно, что Лейтиф не выработал никакого плана и что моя нынешняя миссия так же неопределенна, как и его указания. Насколько я знал, он хотел обзавестись каким-нибудь оборонительным оружием на случай будущих нападений, и мы, направляемые Лейтифом на заготовку продовольствия, должны попытаться добыть и оружие.

Я слабо представлял себе с чего начать или что должна представлять собой приемлемая оборона.

Все магазины уже были опустошены. Складские помещения, словно для парада, выставляли на показ очищенные неоднократно грабежами полки, но в одном складе я обнаружил ручной стеклорез и за неимением лучшего сунул его в карман.

Я пошел к берегу. В старых пляжных домиках и палатках там расположилась лагерем большая группа белых беженцев. Я приближался к ним, хотя они и кричали, чтобы я проваливал. Неторопливой походкой, как в былые дни во время обыкновенных прогулок по пляжу, я брел в западном направлении, пока не скрылся из их поля зрения.

Мне встретился длинный ряд одноэтажных домов, которые, судя по внешнему виду, когда-то занимали состоятельные пенсионеры. Я пытался сообразить, нет ли у африканцев планов воспользоваться ими, раз встреченные мной беженцы не устроили свой лагерь в

них. Большинство домов были не на запоре и ничто не препятствовало возможности заглянуть внутрь. Я стал осматривать подряд все. Продуктов питания не оказалось ни в одном, не было ничего такого, что могло послужить оружием. Однако в большинстве домов еще оставалась обстановка и вещи вроде постельного белья и одеял, которые вполне можно было унести.

Пройдя около трети порядка, я нашел дом, двери которого были крепко заперты.

Это меня заинтриговало. Я забрался в окно. Мебели не было вовсе. Я обыскал дом. В одной из задних комнат половые доски явно снимались. Я подковырнул их ножом.

В пространстве под полом находилась большая коробка с пустыми бутылками. Кто-то напильником процарапал на каждой бутылке косую полосу, чтобы ослабить ее крепость. Рядом была стопка аккуратно сложенной ткани, разорванной на квадратики размером примерно сорок сантиметров по диагонали. В другой комнате, тоже под полом, оказалось десять двадцатилитровых канистр с бензином.

Я имел представление об использовании бутылок с зажигательной смесью и стал соображать, стоит ли рассказывать о них Лейтифу. Мне явно не под силу забрать все самому. Придется привести сюда несколько человек.

За то время, что я был с Лейтифом и другими бежен-

цами, неоднократно возникали дискуссии, касавшиеся рода вооружения, которое было бы для нас полезно. Карабины и пистолеты, конечно, пригодились бы в первую очередь, но на них был большой спрос. Достать их, иначе как украсть, маловероятно. Но и в этом случае осталась бы проблема патронов. Мы все носили с собой ножи, хотя их качество было далеко от совершенства. Мой, например, служил когда-то стамеской для резьбы по дереву, которую я обточил до удобного размера и заострил.

Бутилками-бомбами лучше всего пользоваться против врага, засевшего в тесном пространстве. При нашей жизни в чистом поле вряд ли потребуются что-то поджигать.

В конце концов я сложил бутылки, ткань и бензин в прежние тайники, решив, что если Лейтиф не согласится со мной, за ними всегда можно вернуться.

Туалет был в исправном состоянии и я воспользовался им. Потом я заметил, что в шкафчике ванной сохранилось зеркало. У меня возникла идея. Я вытащил зеркало и с помощью стеклореза раскромсал на длинные, сужавшиеся к концу полосы. Мне удалось сделать семь толстых стеклянных кинжалов. Я как можно тоньше заострил их концы, пару раз порезавшись в процессе работы. Из замшевой кожи, которая давно валялась у меня в мешке, я сделал кинжалам рукоятки, обернув кожей широкие концы.

Я сделал несколько выпадов одним из них. Оружие получилось смертоносным, но пользоваться им трудно. Надо было придумать какой-то способ носить его с собой так, чтобы не причинить себе вреда, если оно разобьется. Я сложил семь новых кинжалов ровной стопкой, намереваясь завернуть в мешковину, чтобы они дорогой не разбились. Уже заворачивая, я заметил дефект стекла одного из лезвий у самой рукоятки. Этот кинжал легко мог сломаться и поранить руку владельца. Я его выбросил.

Пора было возвращаться к Лейтифу и другим. Близились ночь. Я дождался наступления темноты. Стемнело раньше, чем обычно, потому что стояла низкая облачность. Почувствовав, что идти не опасно, я собрал пожитки и зашагал обратно к лагерю.

Проведенное на берегу время подействовало на меня странным образом успокаивающе и я почувствовал, что было бы очень хорошо задержаться здесь подольше. Мне пришло в голову убедить в этом Лейтифа.

Я прятался на самом верху в амбаре, потому что старший брат сказал, что меня схватит домовый. Мне было семь лет. Будь я постарше, мог бы разобраться в своих страхах. Они были бесформенны, обретая лишь облик чего-то таинственного, чернокожего, непрестанно готового меня схватить.

Но я лишь трусливо лежал на самом верху в потайном уголке, о существовании которого никто не знал.

Это было небольшое углубление между тремя кипами соломы и крышей амбара.

Уютная безопасность этой норы восстанавливала мою уверенность в себе, спустя некоторое время страхи отступали и я погружался в детские фантазии с аэропланами и пистолетами. Когда снизу послышалось шуршание соломы, моей первой панической мыслью был домовый и я замер от ужаса. Шуршание продолжалось. Наконец я осмелился как можно тише подползти к краю своего убежища и посмотреть вниз.

На соломе в углублении между кипами лежали юноша и девушка, обнимая друг друга. Юноша был сверху. Глаза девушки были закрыты. Я не понял, чем они занимались. Через несколько минут молодой человек немного приподнялся и помог девушке снять одежду. Мне показалось, что ей не хотелось этого, но противилась она недолго. Они полежали еще немного и она стала помогать раздеваться ему. Стараясь не шелухнуться, я лежал спокойно и тихо. Когда они оба оказались нагишом, он снова лег на нее и они стали шумно дышать. Глаза девушки по-прежнему были закрыты, хотя веки время от времени вздрагивали. Я очень плохо помню, какое это на меня произвело впечатление; знаю только, что мне было любопытно посмотреть насколько широко девушка может раздвинуть ноги – все женщины, с которыми мне приходилось общаться (моя мать и тетки) были, казалось, не в состоянии развести

колени больше, чем на несколько сантиметров. Еще через несколько минут они оба перестали двигаться и лежали рядом в полной тишине. Только после этого глаза девушки открылись и она увидела меня.

Много лет позже мой брат оказался среди первых британских национальных гвардейцев, погибших в сражениях с африканцами.

Слова официального лагерного представителя ООН всплыли в памяти, как только я повел машину по Северной окружной дороге. По радио подтверждалось обещание амнистии, предложенной чрезвычайным кабинетом Трегарта, но комментаторы высказывали предположение, что руководители африканцев не откликнулись на обещания приемлемым для правительства образом.

Вероятно они не доверяли Трегарту. Уже имели место несколько случаев, когда его кабинет начинал социальные реформы, направленные против африканцев, и не было никаких оснований допускать, что теперь, когда на их стороне военное превосходство, Трегарт пойдет на компромисс в ущерб собственной власти. При состоявшемся расколе вооруженных сил и взаимных угрозах с позиции силы любая политика умиротворения вызывает подозрение и не работает.

По оценкам комментаторов уже откололось более 25 % армии. Эти части расквартировались в расположении африканских руководителей в графстве Йоркшир.

Три эскадрильи штурмовой авиации Королевских ВВС тоже пошли на измену.

В вечерней программе мы слышали речи целой группы ученых мужей от политики, спекулировавших на том, что общественное мнение в поддержку афримов шло на убыль и что Трегарт со своим кабинетом должен предпринимать более активные военные действия.

Единственным внешним признаком того, что произошли какие-то события, была необычайная легкость движения по дороге. Нас всего несколько раз остановил полицейский патруль, но за последние несколько месяцев мы к этому привыкли и почти не обращали внимания. Мы научились правильно отвечать на вопросы и следить за связностью изложения своей истории.

Я огорчился, заметив, что многие из встреченных нами полицейских были из состава гражданского резерва специальных сил. Рассказы о жестокостях этих сил циркулировали непрерывно; в частности, ходили слухи об арестах цветных без ордера и освобождении только после надругательства над личностью. С другой стороны, становились жертвами их приставаний и белые, если было известно или даже только подозревалось, что те участвуют в антиафримской деятельности. Политическая ситуация в целом была неопределенной и сбивала с толку, поэтому в то время мне ка-

залось, что не может быть ничего плохого в формальном размежевании сил.

Едва повернув на запад от Финчли, мне пришлось остановить машину и залить бак. Я намеревался использовать только часть своего запаса, но обнаружил, что две канистры за ночь опустели. Следовательно, мы оставались без резерва. Я ничего не сказал Изобель и Салли, потому что не сомневался, что рано или поздно возобновлю запасы, хотя ни один гараж, из попавшихся нам по дороге за целый день езды, не был открыт.

Пока я заливал бензин в бак, из ближайшего дома вышел мужчина с пистолетом и стал обвинять меня в том, что я симпатизирую афримам. Я поинтересовался, что послужило основанием для подобного подозрения. Никто, сказал он, не ездит в это время на автомобиле, не имея поддержки одной или другой политической группировки.

На ближайшем полицейском блок-посту я сообщил об инциденте, но мне посоветовали не придавать этому значения.

По мере приближения к нашему дому поведение всех троих все явственнее отражало овладевавшее нами дурное предчувствие. Салли стала непоседливой и то и дело просилась в туалет. Изобель курила сигарету за сигаретой и болезненно огрызалась. Я бессознательно норовил увеличить скорость, хотя знал, что обычно в подобных случаях лучше ехать медленнее.

Чтобы разрядить обстановку, я откликнулся на очередное требование Салли и остановил машину возле общественного туалета в трех километрах от нашего жилья. Изобель повела Салли в туалет, а я воспользовался их отсутствием, чтобы послушать по радио последнюю сводку.

Вернувшись в машину, Изобель спросила:

– Что мы станем делать, если не сможем попасть на нашу улицу?

Она сказала именно то, о чем все мы боялись заговорить вслух.

– Я уверен, что Николсон прислушается к нашим доводам, – ответил я.

– А если нет?

Я не знал что ответить и сказал:

– Я только что слушал радио. Говорили, что афримы принимают условия амнистии, но занятие пустых домов продолжается.

– Что значит, пустых?

– Мне бы даже не хотелось думать об этом.

С заднего сидения подала голос Салли:

– Папа, мы почти дома?

– Да, дорогая, – ответила Изобель.

Я запустил двигатель и тронулся. Через несколько минут мы были у въезда на нашу улицу. Полицейские машины и армейские грузовики исчезли, но оплетенная колючей проволокой баррикада была на месте. На

противоположной стороне дороги стоял темно-синий фургон с телевизионной камерой на крыше. Возле нее возились двое мужчин. Спереди и с каждого борта камеры ограждало толстое стекло.

Я остановил машину в пяти метрах от баррикады, но оставил двигатель включенным. Возле баррикады никого не было видно. Я посигналил и тут же пожалел об этом. Из ближайшего к баррикаде дома показалось пять человек. Все с карабинами. Они направились к нам и это были афримы.

– О, Боже, – вздохнул я.

– Алан, поговори с ними. Возможно они не пользуются нашим домом!

В ее голосе слышались истерические нотки. Ничего не решив, я сидел на месте и смотрел на приближавшихся людей. Они выстроились в шеренгу у баррикады и бесстрастно уставились на нас.

Изобель продолжала настаивать. Я вышел из машины и направился к ним.

– Я живу в доме 47. Пропустите нас, пожалуйста, – сказал я. Ответа не последовало, они просто смотрели на меня. – Моя дочь больна. Мы должны уложить ее в постель.

Они смотрели.

Я повернулся к телевизионщикам и крикнул:

– Может мне кто-нибудь сказать, пропустят ли нас сегодня?

Они не ответили, хотя один из мужчин на крыше фургона направил в нашу сторону микрофон, опустил вниз камеру и подрегулировал ее настройку.

Я снова повернулся к африканцам.

– Вы говорите по-английски? – спросил я. – Мы должны попасть в дом.

Долго было тихо, потом один из вооруженных патрульных крикнул, невероятно коверкая слова:

– Подите прочь!

Я забрался в машину, включил передачу и, развернувшись на пустынной дороге, поехал прочь от дома, прибавляя скорость. Когда мы миновали телевизионный фургон, афримы открыли огонь и лобовое стекло машины покрылось трещинами, которые сделали его прозрачным. Я ударил по стеклу согнутой в локте рукой и оно рассыпалось дождем осколков. Изобель завопила и сползла с сидения, закрыв голову руками. Салли крепко обняла меня сзади за горло и что-то бессвязное кричала в ухо.

Когда мы отъехали метров на сто, я снизил немного скорость и дернулся вперед, чтобы вырваться из рук Салли. В зеркале заднего обзора я видел, что телеоператор развернул камеру и снимал наше бегство.

Я стоял вместе с другими на пляже Брайтона. Мы смотрели на дрейфовавшее в Ла-Манше старое судно, которое имело крен на левый борт двадцать градусов, как сообщалось в газетах. Оно находилось примерно

в миле от берега во власти сильного волнения. Спасательные суда из Хова, Брайтона и Шорхэма ожидали команду по радио, чтобы взять его на буксир. Между тем мы на берегу видели, что судно тонет. Многие из нас приехали сюда, преодолев не один десяток километров.

Я добрался до нашей главной группы, не наткнувшись на патрули, и как только представился благоприятный момент подошел к Лейтифу и отдал ему кинжалы из зеркального стекла.

Ничего не сказав об успехах других добытчиков, он критически осмотрел кинжалы и не смог скрыть недовольствие моей инициативой. Взяв один в руку, он взвесил его на ладони и попытался укрепить на поясе. Всегда недовольное лицо Лейтифа стало еще более хмурым. Я хотел было принести извинения за грубую обработку кинжалов, вполне объяснимую ограниченным выбором материала и инструмента для изготовления оружия, но промолчал, потому что ему это было ведомо и без меня.

От критических замечаний он вежливо воздержался, но его практическое действие не заставило себя ждать – Лейтиф выбросил мои поделки.

Я это видел и решил ничего не говорить ему о бензиновых бомбах-бутылках.

В годы отрочества, как и большинству мальчиков, мне пришлось пройти много озадачивавших стадий на

пути освоения сексуальной стороны жизни.

Неподалеку от местечка, где я жил с родителями и братьями, был большой участок брошенной земли, заваленный горами строительных материалов и во множестве мест изрытый бульдозерами. Я понимал, что планировалось освоение этого участка, но по каким-то неизвестным мне причинам строительство отложено. Место стало идеальной площадкой для моих игр с друзьями. Хотя нам строго-настрого запрещалось там бывать, сотни укромных уголков позволяли скрываться от любых форм власти над нами, включая родителей, соседей и местного полицейского констебля.

В тот период меня мучили сомнения, могу ли я позволить себе подобное ребячество. Мой старший брат поступил в хороший университет и уже полгода отучился на первом курсе. Младший брат посещал одну со мной школу и по всем предметам успевал гораздо лучше, чем я в его возрасте. Мне было известно, что коль скоро я хочу не отстать от старшего брата, к занятиям надо относиться много серьезнее, но мой разум и тело были неугомонны, никакому контролю поддаваться не желали и я проводил на заброшенной стройке массу времени с ребятами не только из своей школы на год-два моложе меня.

Предложения новых развлечений обычно исходили не от меня, я лишь шел на поводу у инициаторов. В большинстве случаев при любом изменении характе-

ра времяпровождения я оказывался в числе последних, кто на это соглашался. В результате все наши игры были для меня чем-то второстепенным и по-настоящему не увлекали.

Таким образом, между моим отношением к тому, чем я занимался, и тому, чем мне следовало бы заниматься, существенного различия не было.

Точно так же, когда иногда по вечерам в нашей компании стали появляться три местные девочки, я не торопился с оценкой того, как их присутствие отражается на поведении остальных.

Случилось так, что я знал одну из девочек. Наши родители водили дружбу и нам с ней уже приходилось бывать в общей компании. До этого момента наши отношения не выходили за рамки поверхностных, при общении с ней я ни разу не задумывался о различии наших полов. Когда она впервые появилась с подругами на заброшенной стройке, я даже не попытался воспользоваться слабым преимуществом знакомства с ней перед другими мальчишками. Наоборот, ее присутствие смущало меня картинами возможного разоблачения перед родителями тайного для них мира моих развлечений.

В первый вечер с нами девочки чувствовали себя неловко. Разговор был бесцельным, шутки банальными. Они делали вид, что им с нами неинтересно, а я и остальные мальчишки старались показать, что это нас

несколько не трогает. Такой образец поведения сохранился и во время нескольких следующих как бы случайных встреч.

В это время родители взяли меня с собой в короткое отпускное путешествие. По возвращении я обнаружил, что отношения мальчишек к девочкам перешли из духовной фазы в более материальную. У некоторых были духовые ружья и они упражнялись в стрельбе, стремясь поразить девчонок своей меткостью. Налицо была демонстрация поддельной враждебности, иногда мы даже затевали рукопашные схватки с девочками.

Но даже в них я не мог усмотреть хотя бы маломальские сексуальные мотивы.

Однажды вечером кто-то из мальчишек принес колоду карт. Некоторое время мы играли в детские карточные игры, но это быстро наскучило. Тогда одна из девчонок сказала, что знает одну игру с «Последствиями». Она взяла колоду и стала сдавать нам каты, объясняя правила игры. Они были просты: каждый получает по одной карте с верха колоды и первые мальчик и девочка, у которых оказались одинаковые карты – например, по даме или семерке – считаются подходящими друг другу для "Последствий".

Я не все понял, но взял карту. Это была тройка. На первой сдаче одинаковых карт у мальчиков и девочек не оказалось, но тройка была еще у одного мальчика.

Это вызвало непристойные замечания, над которыми я посмеялся вместе со всеми, хотя никакого юмора в них не видел. На следующей сдаче тройка оказалась у знакомой мне девочки.

Короткое разъяснение убедило всех, что победитель я, так как получил тройку первым. Не имея представления что меня ожидает, я готов был уступить очередь.

Девочка, предложившая игру, сказала, что правила обычно соблюдаются строго и передавать очередь я не могу. Мне следует, сказала она, уйти вместе с доставшейся мне в пару за ближайший отвал и пробыть там десять минут.

Мы встали и пошли куда было велено под свист и улюлюканье оставшихся.

Когда мы остановились за кучей земли, я не знал, что делать, но признаться ей в этом было выше моих сил. Впервые в жизни оказавшись наедине с девочкой, я просто таращился на нее с жалким видом.

Наконец она спросила:

– Ты что-нибудь придумал?

– Нет, – ответил я.

Она села на землю, а я стоял перед ней, поглядывая на часы.

Потом задал ей несколько вопросов. Мне стало известно сколько ей лет и ее второе имя. Она сказала в какую ходит школу и что собирается делать после

ее окончания. Отвечая на мои вопросы, она сообщила, что у нее была масса друзей-мальчишек. Когда она спросила много ли подруг у меня, я ответил, что несколько есть.

Как только истекли отведенные минуты, мы вернулись к остальным.

Сдавать карты положено было мне. Я перетасовал колоду и сдал на второй круг. На этот раз вопрос о победителе не возник, потому что мальчику и девочке выпало по десятке. Они оставили нас и ушли за земляной вал. Пока их не было, прозвучало несколько грязных шуток. Атмосфера ожидания была напряженной. Хотя я тоже чувствовал напряжение, мое воображение отказывалось рисовать картины происходившего по ту сторону отвала земли.

Десять минут истекли, но они не вернулись. С мальчиком была предложившая игру и нам казалось, что она-то не станет нарушать правила. Кто-то из ребят предложил пойти за ними и мы побежали с громкими криками и свистом. Они вышли из-за бугра навстречу нам и все вернулись к игре. Я заметил, что оба не смотрели ни друг на друга, ни на нас.

На третьем круге с одним из ребят ушла за бугор та, с которой там был я. Через пару минут я заявил, что мне игра надоела, и направился в сторону дома.

Как только они перестали меня видеть, я бросился напрямик к отвалу. Мне удалось близко подойти сбоку

к скрывавшейся за ним паре незамеченным и притаться за кучей неокрашенных оконных рам. Из-за этого укрытия я и наблюдал за ними.

Они стояли. На девочке было школьное платье и спортивная куртка. Мальчик был близко к ней спиной ко мне. Они тихо разговаривали.

Внезапно он обхватил ее за шею и потащил к земле. Некоторое время они боролись, что мы все позволяли себе прежде. Сначала она действовала активно, но через минуту откатилась от него и лежала, не проявляя агрессивности. Он приблизился к ней и очень несмело положил руку ей на живот. Голова девочки высывалась из-за его плеча лицом в мою сторону и я увидел, что ее глаза плотно закрыты. Мальчик распахнул на ней куртку и моему взору предстали небольшие выпуклости груди возле его руки. Она лежала на спине, поэтому выступали они не так, как обычно. Мальчик в упор смотрел на них и у меня началась эрекция. Засунув руку в карман брюк, я позаботился, чтобы это доставляло поменьше неудобства. Пока я занимался собой, рука мальчика скользнула вверх и ладонь охватила одну грудь. Он ерзал ладонью то в одну, то в другую сторону с возрастающей скоростью. Через некоторое время девочка вскрикнула словно от боли и подкатилась к нему. Хотя теперь она была спиной ко мне, я видел ее руку, гладившую бедро мальчишки.

Возбуждение становилось невыносимым и хотя я

очень хотел оставаться на месте, эта сцена совершенно выбила меня из колеи. Я поднялся от штабеля рам и пошел к тому месту, откуда повернул к ним. Рука все еще была в кармане, выброс произошел прямо на ходу. Я все дочиста вытер носовым платком, затем возвратился в компанию, объяснив, что родителей не оказалось дома.

Через пару минут девочка и мальчик тоже пришли. Как и предыдущая пара, они старались ни с кем не встречаться взглядами.

Мы приготовились к четвертому кругу, но девочки сказали, что им надоело и они хотят домой. Наши попытки убедить их остаться ни к чему не привели. Мы некоторое время слышали их хихиканье. Убедившись, что девочки ушли, тот, что был за земляным валом последним, расстегнул ширинку брюк и показал нам пенис. Он был темно-красного цвета, эрекция еще не прошла. Он мастурбировал у нас на глазах, мы наблюдали с завистью.

Следующим вечером девочки пришли снова. К этому времени у меня был заготовлен способ сдачи себе верной карты. Я помассировал груди всем троим, а одна даже позволила запустить руку под платье и бюстгальтер, чтобы я мог потрогать соски. После этого картами больше не пользовались, а просто установили очередь. К концу следующей недели я имел половое сношение с той, что была мне знакома по дру-

жеским отношениям наших родителей, и гордился тем, что кроме меня она не позволила этого никому из нашей компании.

Потом началась пора экзаменов, на которых успеха я не добился. Мне пришлось наверстывать упущенное и со временем я отошел от бывшей компании. Через два года я поступил в университет.

За то время, пока я стоял на пляже, ветер усилился и волны, накатывавшиеся на гальку в двадцати пяти метрах от меня, стали обдавать лица зевак брызгами. Я был в очках и в считанные минуты стекла затуманились тонким налетом соли. Я снял их, положил футляр и сунул его в карман.

Море сделалось очень бурным, белые барашки пены поблескивали до самого горизонта. Солнце еще ярко светило, но с юго-запада надвигалась громадная черная туча. Меня окружала большая толпа людей, наблюдавших за дрейфом судна.

Из транзисторного приемника, который был у кого-то возле меня, донеслось сообщение, что помощь судну оказываться не будет и всем спасательным судам приказано вернуться к местам стоянки. Всего в миле от нас виднелось много судов, которые держались неподалеку от терпевшего бедствие судна. Капитаны этих судов очевидно сомневались, подчиниться приказу с берега или действовать по своему усмотрению. На некотором расстоянии от дрейфовавшего судна держался фрегат

Королевского ВМФ. Он повторял буквально все перемещения судна, но в происходившее не вмешивался.

В какой-то момент я отвернулся, чтобы оценить число людей на берегу, и увидел, что толпы стояли вдоль всей Королевской дороги, тянувшейся над пляжем, сотни людей были и на Центральном пирсе.

Ровно в четыре минуты третьего спасательные суда отошли от судна и направились каждое в свой порт. По моей оценке менее чем за четверть часа судно должно было пройти выступающий в море пирс и стать невидимым с моего места. Я поразмыслил, не переместиться ли по берегу следом за ним, но решил остаться.

Не прошло и десяти минут, как судно затонуло. В последние несколько минут его крен заметно увеличился, было видно, что люди прыгали за борт. Судно скрылось под водой быстро и очень обыденно.

Спустя пятнадцать минут основная масса зевак разошлась. Я не двигался, очарованный каким-то первобытным ощущением ветра, шума и вида мощного прибоя, тем, чему только что был свидетелем. Я ушел с пляжа только через час или около того. Из оцепенения меня вывело появление нескольких африканцев, которые ухитрились добраться до берега. При мне на пляж их вышло не более пятидесяти, однако от своих брайтонских знакомых я узнал, что в течение нескольких следующих дней море выбрасывало их сотнями с

каждым приливом. Человеческие обломки кораблекрушения обретали плавучесть, вздуваясь от распиравших животы газов.

Когда наступила ночь, я остановил машину на обочине. С выбитым лобовым стеклом ехать стало холодно, но и без того топливо было на исходе, а дискутировать на эту тему с Изобель в присутствии Салли мне не хотелось.

В целях безопасности мы держали путь на север от Лондона, ночь застала нас где-то в окрестностях Каффли. Я с сомнением подумывал о попытке вернуться в лагерь ООН, но после двух долгих и крайне изнурительных путешествий туда и обратно в течение последних двадцати четырех часов ни я, ни обе мои дамы страстного желания повторить то же самое не имели, будь у нас альтернатива. Факт исчезновения запаса бензина и утреннее предупреждение официального лагерного лица убеждали нас в необходимости искать какой-то альтернативной вариант.

Мы достали из чемоданов самую теплую одежду и надели ее. Салли уложили на заднем сидении и накрыли тем, что смогли отыскать. Мы с Изобель молча докуривали остававшиеся сигареты и ждали, пока девочка уснет. Никто из нас ничего за день не ел, не считая плитки шоколада, которую мы нашли в торговом автомате возле шеренги закрытых магазинов, попавшейся по дороге. Пошел дождь и через несколько

минут с резиновой рамки уплотнения лобового стекла струйка воды полилась на приборную панель, а с нее на пол.

– Нам лучше ехать в Бристоль, – сказал я.

– А как же дом?

Я отрицательно покачал головой:

– Не стоит и надеяться в него вернуться.

– Не думаю, что нам следует ехать в Бристоль.

– А куда еще мы можем направиться?

– Обрато в лагерь ООН. По крайней мере, на следующие несколько дней.

– А потом?

– Не знаю. Обстановка должна улчшиться. Нельзя же нас просто так вышвырнуть из дома. Должен быть закон...

Я перебил ее:

– Это не ответ. Дело зашло слишком далеко. Ситуация с афримами возникла из-за нехватки жилья. Я не вижу возможности их согласия на компромисс, если потребуют освобождения уже захваченных ими домов.

– Почему? – спросил Изобель.

Я не ответил. В течение нескольких недель, предшествовавших нынешним событиям, Изобель проявляла все меньший интерес к развитию афримской ситуации и это только увеличивало дистанцию между нами. Тогда как я непрерывно сталкивался с крушением общества, которое знал, Изобель стремилась отрешиться от

реальности, будто надеялась выжить, просто игнорируя происходившее. Даже сейчас, когда для нас стал недоступным собственный дом, она довольствовалась лишь тем, что позволила мне принимать решения.

Прежде чем устроиться на ночь, я прошелся от автомобиля в направлении ближайшего дома, из окон которого лился теплый желтоватый свет. За сотню метров от него меня охватил страх и я повернул обратно. Дом принадлежал владельцу выше среднего класса, на подъездной дороге стояли два дорогих автомобиля и трейлер.

Я представил себе, как выгляжу: небрит, в одежде, которую давно пора сменить. Трудно, какой может быть реакция обитателей этого дома, постучи я в дверь. Лондонская анархия не докатилась до этих мест, здесь еще не имели дела с бездомным и воинственным африканским народом.

Я вернулся к машине.

– Мы едем искать отель на ночь, – сказал я.

Изобель не ответила, уставившись в темноту бокового окна.

– Тебя это не заботит?

– Нет.

– Что, по-твоему, надо делать?

– Нам и здесь хорошо.

Дождинки по-прежнему залетали в машину через брешь, которая недавно была лобовым стеклом на-

шей машины. За несколько минут прогулки я насквозь промок. Мне хотелось, чтобы Изобель прикоснулась ко мне, как-то посочувствовала... но поморщился, представив ее ладонь на своей руке.

– А Салли? – сказал я.

– Она спит. Если тебе хочется искать отель, я возражать не стану. Это нам по карману?

– Да.

Однако надо было подумать. Можно остаться или уехать. Я взглянул на часы. Начало девятого. Если мы заснем в машине, в каком состоянии будем к утру?

Я запустил двигатель и медленно поехал обратно к центру Каффли. Мне не был знаком ни один отель по соседству, но я не сомневался, что какой-нибудь попадется. Первый оказался полным, во втором мест тоже не было. Мы направлялись к третьему, когда бензобак, наконец, опустел. Я вырулил на обочину и автомобиль остановился, когда потерял инерцию.

Решение пришло само собой и я даже почувствовал некоторое облегчение; реальной надежды найти место в отеле не было. Изобель сидела с закрытыми глазами и молчала. Ее лицо и одежда были мокрыми от хлеставшего сквозь пустую раму дождя.

Я включил обогреватель и гонял его, пока двигатель не остыл. Изобель сказала, что устала.

Мы договорились по очереди спать на коленях друг друга; я предложил ей поспать первой. Она подобрала

колени на своем сидении и положила голову на мои. Я обнял ее руками, чтобы согреть и попытался устроиться поудобнее сам.

Через несколько минут Изобель забылась. Я просидел почти без сна всю ночь в очень неудобной позе.

Салли позади нас время от времени шевелилась во сне; из нас торих только она смогла, вероятно, по-настоящему отдохнуть за ночь.

Лейтиф показал мне найденную листовку. Она была напечатана отступниками из Королевских ВВС и извещала, что гражданским оккупантам деревень дается десятиминутное предупреждение: перед атакой самолеты трижды пролетают над деревней на низкой высоте.

Дело было на дороге, пролегавшей через Новый Лес. Я ехал в сумерках приближавшейся ночи, зная, что задержались мы слишком долго. Ничего умного в том, что мы сделали не было, а учитывая поведение полиции, глупее и быть не могло.

В машине со мной была девушка. По имени Петти. Мы проводили время в отеле Лаймингтона и торопились попасть в Лондон до девяти вечера. Она спала, положив голову мне на плечо. Ее разбудила остановка машины у дорожного блок-поста в окрестностях Саутгемптона. Возле поста, который представлял собой временное ограждение из двух старых автомобилей и строительных материалов, стояло несколько

мужчин. У каждого было какое-нибудь оружие, хотя карабин имел только один. До меня дошло почему последние несколько километров на дороге не было попутного транспорта. Теперь я догадался, что местные жители знали о заграждении и пользовались другим маршрутом.

Нам пришлось повернуть обратно и долго ехать по сельской местности в объезд. Только в Винчестере мы попали на магистральную дорогу к Лондону. В отеле нас предупредили, что подобных препятствий можно было ожидать в Бэйзинстоке и Кэмберли, поэтому пришлось сделать крюк еще и в объезд этих лондонских предместий.

По дороге к юго-западной границе Лондона гражданских групп обороны почти не было, но мы встречали много полицейских машин; то и дело попадались остановленные для проверки автомобилисты. Нам повезло проехать без единой задержки. Я не выезжал из Лондона несколько месяцев и не имел представления, что въезд в город и движение по дорогам в такой степени ограничены.

Высадив Петти возле ее квартиры в Баронс-Корт, я направился домой в Саутгэйт. Ни на одной из главных дорог блок-постов гражданских групп сопротивления не было, но возле Кингс-Кросс меня остановила полиция и произвела обыск машины.

Домой я добрался почти к часу ночи. Изобель легла

спать, не дождавшись меня.

На следующее утро я зашел в соседний дом и ухитрился убедить хозяина позволить отсосать из бака его автомобиля четыре литра бензина. Я заплатил ему два фунта. Он сказал, что всего в четырех километрах есть гараж, где до прошедшей ночи торговали бензином, и подробно объяснил, как найти туда дорогу.

Я вернулся к машине и сказал Изобель и Салли, что если повезет, то за день мы доберемся до Бристоля.

Изобель ничего не сказала, но я знал, что она не хочет ехать к родителям. С моей точки зрения другого решения не было. В равной мере не стоило сомневаться, что в собственный дом нам больше не вернуться, поэтому перспектива отправиться в относительно удаленный от него и достаточно знакомый нам город всех успокаивала.

Я залил в бак добытый бензин. По дороге к гаражу мы услышали по радио новость о первом расколе в полиции. Примерно четверть полицейских сил отошла на сторону афримов. Должна была состояться встреча начальников полицейских ведомств афримов и министерства внутренних дел Трегарта, к концу дня ожидалось заявление правительства.

Мы с трудом нашли гараж и узнали от владельца о существовании стандартной нормы отпуска бензина: четырнадцать литров. Вместе с тем, что у нас было в баке, этого могло хватить от силы на двести киломе-

тров. Мы могли добраться до Бристоля, если не придется делать слишком большие объезды, отклоняясь от кратчайшего пути.

Я сказал об этом Изобель и Салли, они просто облегченно вздохнули. Мы решили ехать, как только где-нибудь поедим.

В Поттерс-Баре мы нашли небольшое кафе, где нам подали хороший завтрак за нормальную цену. Ничто в кафе не напоминало об афримской ситуации, по радио передавалась только легкая музыка. По просьбе Изобель нам продали термос, наполнив его горячим кофе. Затем мы умылись в туалете кафе.

День выдался нетеплым, но дождя не было. Ехать с выбитым стеклом было неприятно, но можно. Я решил не слушать радио и сразу же разглядел определенную мудрость в стремлении Изобель не позволять происходившим вокруг нас событиям портить настроение. Хотя быть в курсе развития ситуации несомненно важнее всего, ее пассивность одержала надо мной победу.

Новое беспокойство обрело форму непрекращающейся вибрации двигателя. Возможности заниматься его профилактикой не было, но я знал, что один из клапанов необходимо заменить. Тем не менее, у меня была уверенность, что это дело можно отложить до прибытия в Бристоль, и ничего не сказал своим пассажирам.

Насколько мне представлялось, хуже всего будет в начале путешествия, когда придется избегать забаррикадированных участков дороги в предместьях Лондона. Поэтому я обогнул город по его северо-западной границе и направился в Уотфорд (без баррикады), затем Рикмансуорт (с баррикадой, но и открытым для транспорта объездом), а далее напрямик через Амершэм, Хай-Уикомб и затем на юг к Хенли-на-Темзе. Чем больше мы удалялись от Лондона, тем меньше и меньше попадалось явных признаков возможных неприятностей. Мы почувствовали себя спокойнее. Нам даже удалось залить в бак еще бензина и наполнить запасные канистры.

В маленьком кафе на пути в Ридинг нам подали ленч. Затем мы направились к главной дороге на Бристоль, не сомневаясь, что доберемся до наступления ночи.

Проехав восемь километров в западном направлении от Ридинга, автомобиль стал терять скорость; вибрация резко усилилась, мощность двигателя явно упала. Я не останавливал машину сколько было возможно, но на первом же подъеме дороги она встала сама. Я обследовал все, что мог, но системы подачи топлива и зажигания были в порядке; оставалось предполагать, что клапан, наконец, сломался.

Я уже собирался обсудить возникшую проблему с Изобель и Салли, когда подле нас остановилась поли-

цейская машина.

Несколько месяцев я работал барменом с неполным рабочим днем в одном в лондонском районе Ист-Энд. Была необходимость в дополнительном заработке. Я тогда готовился к выпускным экзаменам и от стипендии быстро ничего не оставалось.

Я с изумлением узнал, что Ист-Энд представляет собой ряд почти не связанных друг с другом гетто: еврейского, негритянского, китайского, греческого, киприотского, итальянского и английского. До этой работы я полагал, что Ист-Энд населен главным образом белыми. Трактир верно отражал космополитизм района, хотя было очевидно, что сам трактирщик от этого не в восторге. В баре часто возникали перебранки и нас инструктировали убирать со стойки бутылки и стаканы, если дело приближалось к драке. Одной из моих обязанностей, как бармена, было разнимать дерущихся.

Я работал в трактире уже три месяца, когда хозяин решил нанять поп-группу на уикенды; через пару недель начались неприятности. Тип завсегдатая заметно изменился.

Вместо старых пьяниц с предсказуемыми манерами поведения и свойственным всем пьяницам самоунижением трактир стал привлекать молодежь. Большая часть бывших клиентов среднего возраста появляться перестала и через пару месяцев любому посетителю было меньше тридцати лет.

В то время в моду входила цветная и небрежно сидящая одежда, но завсегдатаи трактира эту тенденцию не разделяли. Со временем я понял, что это было внешним выражением врожденного консерватизма, распространенного в Ист-Энде очень широко.

Трактирщика звали Гарри, его фамилию я никогда не знал. Когда-то он был борцом в схватках на выносливость и на стене позади стойки висело несколько его фотографий, для которых он позировал в атласном халате и с длинной косичкой. От самого Гарри я не слышал рассказов о его подвигах на борцовском ринге, хотя его жена как-то сказала, что он заработал на этом достаточно денег, чтобы купить трактир.

Перед самым закрытием в бар приходило несколько друзей Гарри примерно его возраста. Он часто приглашал их остаться после закрытия, чтобы выпить с ними. В таких случаях он предлагал мне несколько шиллингов и я оставался обслужить их. В результате мне пришлось быть свидетелем множества разговоров старых друзей и я узнал, что их предубеждения и взгляды расового или политического толка были так же консервативны, как подходы к манере одеваться прочих посетителей бара.

Несколькими годами позже Джон Трегарт и его партия получили надежную поддержку избирателей именно в районах со свободным смешением разнорасового населения.

Мы еще несколько дней стояли лагерем. Ни у кого не было решения, что делать дальше. Большинство мужчин в результате похищения потеряли жен или партнерш по постели. И хотя из того, что случилось с Уилленом, мы прекрасно понимали сколь бессмысленно близко подходить к афримам, едва ли не инстинктивно продолжали оставаться там, откуда забрали наших женщин. Я тревожился, не переставая беспокоиться за судьбу Салли. До Изобель мне было мало дела. Стало немного легче, когда спустя неделю прошел слух, что мы отправляемся к Августину.

Лично у меня не было тяги к его обители, но это, по крайней мере, означало, что мы стронемся с места с какой-то конкретной целью.

Пока мы грузили пожитки на ручные тележки и готовились к отправке, Лейтиф подошел ко мне и подтвердил, что мы действительно направляемся к Августину. Это, сказал он, благотворно повлияет на моральный дух людей.

По-видимому он был прав. Во всяком случае за какие-то два часа настроение изменилось и, несмотря на бодрящий осенний холод, первые несколько километров мы шли, непринужденно и по доброму отдавая дань юмору.

– У вас есть имя? – спросил я.

– Да.

– Вы назовете мне его?

– Нет.

– У вас есть причина скрывать подобные сведения?

– Да. То есть, нет.

– В таком случае назовите мне его.

– Нет.

Таким был мой первый разговор с будущей женой. Ее звали Изобель.

По мере понимания британской общественностью масштабов надвигавшейся беды, страна скатывалась к стойкому осознанию безысходности и полной растерянности, напомиравшему настроению первых месяцев Второй мировой войны, о чем мне иногда рассказывали родители, вспоминая горький опыт собственной жизни.

В нашем колледже, как и в большинстве других учреждений страны интеллектуального толка, образовалось общество, открыто заявлявшее о своей обеспокоенности бедственным положением африканцев.

Нашими мотивами были принципы гуманизма, хотя несколько членов общества – главным образом, из числа тех, кто ранее придерживался консервативных взглядов и примкнул к обществу из политических соображений, – придерживались более академичного подхода. Именно такие люди первыми дискредитировали движение, потому что не смогли возразить печати и другим средствам массовой информации, обвинявшим проафриканские группы в поддержке революционе-

ров левого крыла.

Неоспоримой истиной было объединение африканских иммигрантов в вооруженные группы, получение ими оружия из-за границы, наплыв этих групп в города, захват домов и выселение из них бывших белых владельцев.

Большинство людей и сами видели, что эти обвинения справедливы, но наше общество было уверено, что ответственность за это лежит на правительстве. Проявлением большей благотворительности бедственное положение африканцев было бы можно смягчить и лишить оппортунистов возможности эксплуатировать эту ситуацию. Но радикальная политика способна лишь на радикальные меры. Упорный консерватизм Трегарта и его правительства, имевшего поддержку значительной части населения страны, допускал лишь очень незначительное проявление либерализма по отношению к незаконным цветным иммигрантам.

В остававшиеся до окончания семестра недели мои коллеги и я делали все возможное, чтобы наша уверенность в виновности правительства передалась студентам. Окончание семестра положило конец и нашему влиянию. Читая последние лекции, я был полон сомнений и страхов. Еще до того, как покинуть территорию колледжа, я стал внутренне осуждать себя и убеждать не ломать больше копыя в этом направлении.

В ближайшие же недели, по мере распространения волны беспорядков на промышленных предприятиях, когда уличные демонстрации стали повседневным делом, я воочию убедился, что наши попытки пробудить симпатию к африканцам могли дать что-то хорошее. Существовала небольшая, но очень громкоголосая часть общества, твердо державшаяся собственных моральных принципов, и все больше и больше обыкновенных людей вступало в прямое столкновение с африками, которые пошли по пути вооруженного бунта.

Во время одной из самых многолюдных лондонских демонстраций я увидел несколько студентов колледжа, которые несли громадный плакат с названием нашего общества. У меня не было намерения присоединиться к этому маршу, но я отбросил сомнения и влился в шумные ряды демонстрантов, став участником ее жестоких последствий.

Двери колледжа закрылись навсегда, следующий семестр так и не начался.

К нам подошли два полицейских и сказали, что мы находимся на закрытой территории и должны покинуть ее немедленно. Поступили сообщения, говорили они, что в находившемся неподалеку военном лагере произошел мятеж и вся прилегающая к нему зона оцеплена правительственными силами.

Я сказал полицейским, что наш автомобиль неис-

правен и хотя мы не оспариваем то, что они нам сообщили, от появления вблизи места этих события никакие власти нас не предостерегли.

Похоже, полицейские были не намерены выслушивать оправдания.

Они повторили свои указания и потребовали убираться немедленно. Салли заплакала, когда один из полицейских открыл дверцу машины и выволок ее. Я запротестовал и тут же получил удар по лицу тыльной стороной ладони.

Он повернул меня лицом к машине, прижал к ней и обыскал карманы. Найдя в бумажнике документ, из которого следовало, что я был преподавателем колледжа, полицейский конфисковал его. Я снова высказал протест, но это не возымело действия.

Изобель и Салли тоже обыскали.

Покончив с обыском, они выбросили на дорогу наши вещи. Канистры с бензином переместились из багажника нашей машины в багажник полицейской. Я вспомнил то, о чем сообщалось ранее по радио, и попросил полицейских предъявить удостоверения. Мое требование опять было проигнорировано.

Нам было сказано, что через полчаса их машина вернется. К этому времени нас здесь не должно быть. Иначе, пригрозили они, нам придется пенять на себя.

Когда они повернулись к нам спинами, направляясь к своей машине, я бросился вперед и дал пинка тому,

который ударил меня. Мой ботинок ладно пришелся по его копчику и он рухнул вперед на землю. Второй бросился на меня. Я попытался встретить его ударом кулака в лицо, но промахнулся. Он обхватил меня за шею, пригнул к земле, заломил руку за спину и ткнул лицом в грязь. Сбитый мною с ног поднялся, подошел ко мне и три раза сильно пнул в бок.

Когда они уехали, Изобель помогла мне добраться до переднего пассажирского сидения автомобиля. Бумажный салфеткой она вытерла кровь, бежавшую у меня изо рта.

Как только я достаточно восстановил силы, мы отправились через поле в направлении противоположном тому, в котором рассеянно махнул полицейский, когда говорил об армейском мятеже.

Я чувствовал сильную боль в боку и хотя мог с трудом идти, нести что-то тяжелое был не в состоянии. Поэтому Изобель пришлось тащить два наши большие чемодана, а Салли нести тот, что поменьше. Я только взял под мышку транзистор. Включив его на ходу, я смог поймать всего одну волну Би-Би-Си, но по ней передавалась лишь легкая музыка.

Мы все трое были в отчаянии. Ни Изобель, ни Салли не спрашивали меня что нам делать дальше... потому что с того момента, как мы впервые оставили дом, каждый вполне осознавал, что события, участниками которых мы стали, совершенно неподвластны нашему

контролю. Ближе к вечеру снова пошел дождь и мы сидели под деревом на краю поля, перепуганные, потерявшие ориентировку, целиком захваченные потоком событий, которых никто из нас не ожидал и остановить теперь не надеялся.

Я узнал из газеты, которую читал регулярно, что настроения в стране поляризовались в трех направлениях.

К первому принадлежали люди, которым пришлось соприкоснуться с африканцами и пострадать от них, либо те, что в любом случае предвзято относились к цветным, держали сторону правительственной политики и считали депортацию африканцев необходимой. Согласно нескольким опросам, такие настроения преобладали.

Вторая группа граждан не ставила под сомнение необходимость позволить африканцам обосноваться в Британии и предоставлять всю посильную благотворительную поддержку до тех пор, пока те не смогут интегрироваться в наше общество нормальным образом.

Третьих совершенно не беспокоило, высаживаются африканцы или нет, лишь бы это не касалось их лично.

Явное безразличие этой третьей группы было мне неприятно, пока я не понял, что сама благосклонность судьбы, оставившей меня в стороне, вероятнее всего относит меня именно к этой группе.

Я задавался вопросом о собственной моральной позиции. Хотя инстинкт оставался мне верен – в то время

у меня были амурные дела с женщиной, которая занимала почти все мои мысли, – именно осознание изолированности от событий подвигло меня на вступление в проафимское общество колледжа.

Политический и общественный климат не отвечал тому роду моральных взглядов, которые мне пришлось принять.

Вскоре после избрания Трегарта на второй срок было введено множество новых законодательных актов, обещанных манифестом его правительства. Полиция получила широкие полномочия на вторжение в дома и задержания, что позволяло ей эффективнее действовать против людей, которых даже некоторые министры трегартовского кабинета называли подрывными элементами. Демонстрации по любому политическому поводу стали строго контролироваться полицией, а вооруженные силы получили право помогать в деле поддержания мира.

По мере того, как суда из Африки продолжали прибывать к британским берегам, возможности игнорировать проблему незаконных иммигрантов не оставалось.

После первой волны высадок правительство издало предупреждение, что судам не будет позволено приближаться к берегу вплоть до применения силы. Прямым его следствием стал инцидент в Дорсете, где армия противостояла африканцам, пытавшимся выса-

диться с двух перегруженных судов. Со всей страны в Дорсет собрались тысячи людей, пожелавших быть свидетелями события. Дело кончилось стычкой армии с общественностью. Афримы же сошли на берег.

Предупреждение правительства было подправлено. В нем теперь говорилось, что незаконные иммигранты подлежат аресту и депортации. Перед высылкой из страны им будет оказываться необходимая медицинская помощь.

Между тем поляризация подходов ускорялась незаконными поставками оружия африкам. Чем более их присутствие превращалось в военную угрозу, тем глубже становился раскол в стране.

Частная жизнь каждого в районах, непосредственно ощутивших развитие ситуации на себе, – и очень многих в далеких от мятежных действий местах, – целиком сосредоточилась вокруг этой насущной проблемы. Силы полиции разделились, произошел раскол в армии и ВВС. Флот оставался верен правительству. Когда высадился отряд американской морской пехоты, личный состав которого намеревался действовать в качестве инструкторов на стороне тех, кто стали известны как националисты, и когда Организация объединенных наций приняла решение о размещении своих сил для поддержания мира, военный характер ситуации стал очевидным.

К этому моменту никто не мог считать себя сторон-

ним наблюдателем.

– Я слышал, мы идем к Августину.

Шагавший рядом со мной мужчина смотрел только вперед:

– Кровавое время.

– И у вас утрата?

– Отвяжитесь, а?

Я ничего не говорил, позволяя им обмениваться мыслями и строить логические выводы. За последнюю неделю такие или подобные разговоры мне приходилось слышать десятки раз.

– Это было решение Лейтифа. Остальные хотели остаться.

– Я знаю. Добрый старина Лейт.

– Он тоже остался ни с чем.

– Одна из них была его? Он ни разу не обмолвился об этом.

– Да. Говорят, он тайком крутил с женой Олдертона.

– Я не верил этому.

– Это факт.

– А что же Олдертон?

– Ничего не знал.

Второй мужчина рассмеялся:

– Вы правы. Эта утрата коснулась и меня.

– Всех нас.

Смеяться стали оба. Они гоготали словно старые ку-мушки в этой жуткой холодной тишине сельской мест-

ности.

Ночь мы провели на открытом воздухе, но утром нам посчастливилось найти еще открытый магазин, где по нормальной цене купили туристское снаряжение. До этого момента у нас еще не было серьезного плана, если не считать понимания необходимости продвигаться к Бристолю при малейшей возможности.

Мы шли весь день, ночевали снова на открытом воздухе, но на этот раз с большими удобствами. Всю ночь лил дождь, но у нас была от него надежная защита. Поначалу трудности казались непреодолимыми, но бодрости духа мы, тем не менее, не теряли, хотя по случайно подслушанному разговору Изобель с Салли перед тем, как девочка заснула, я по тону голоса жены догадался, что искусственный оптимизм стоил ей немало напряжения.

Что касается меня, то я переживал, как понял позднее, фазу настоящего подъема силы духа. Сколь бы парадоксальным это ни казалось, относительная свобода, которой мы наслаждались в то время, когда военное положение в городах повергло население в рамки невероятных ограничений, вполне компенсировала все остальные обстоятельства, вроде утраты абсолютно всей собственности, отсутствия крыши над головой и слишком далекого от нас Бристоля.

Нам встретилась лесополоса и мы остановились в ней на несколько дней лагерем. Как раз в эти дни у нас

стало портиться настроение.

За провиантом мы наведывались в ближайшую деревню, где нам продавали все, что мы просили, не задавая вопросов. Но к концу недели, когда какой-то отряд афримских войск совершил на деревню набег, жители соорудили баррикады, отказав в снабжении и нам.

Мы решили идти дальше и двинулись в южном направлении. Я все более отдавал себе отчет в молчаливом негодовании Изобель по поводу происходившего с нами и поймал себя на том, что соревнуюсь с ней за доверие Салли. Из-за этого Салли стала орудием наших конфликтов (на деле она им была всегда) и очень страдала от этого.

Через день после того, как промокли снаряжение и пожитки во время переправы через реку, нарыв конфликта созрел.

У нас не было контакта с остальным миром. Батареи транзистора почти окончательно сели, а побывав в воде, вовсе перестали работать. Пока Изобель и Салли вытаскивали одежду и все остальное для просушки на солнце, я ушел в себя, пытаюсь соорудить из всего, что мне было известно, некий план наших дальнейших действий.

Мы только знали, что попали в ужасно трудное положение и что наши личные проблемы усугубляла окружающая нас ситуация. Нам была слишком хорошо из-

вестна мера грядущих тягот, но мы могли бы справиться с ними лучше, если бы знали текущую политическую обстановку.

(Много позже я узнал, что как раз в то время по инициативе Красного креста и Объединенных наций была развернута широкомасштабная благотворительная программа, которая преследовала цель попытаться снова обеспечить жильем людей вроде нас, лишившихся собственности в результате сражений. Эти усилия с самого начала оказались обреченными на неудачу, так как по мере усиления противостояния обе организации стали дискредитироваться в глазах общественности, а проводимая ими работа использовалась всеми конфликтующими сторонами в качестве тактического, политического или социального оружия против других. Результатом этого явилось массовое недоверие ко всем благотворительным организациям и со временем их функция свелась к поверхностной поддержке людей в их нынешнем положении).

Было очень нелегко примириться с неприятностями существования, которые выпали на нашу долю.

Я исходил из того, что любую ситуацию надо воспринимать, как predetermined. Таким было и мое отношение к Изобель. Наш брак был ничем иным, как соглашением, которое себя исчерпало. Пока мы жили в собственном доме, оба могли не обращать внимания на тот факт, что наши отношения лицемерны и что по-

литические события того периода как-то на нас сказывались.

Но нынешняя политическая ситуация так изменила образ нашего существования, что мы больше не можем притворяться.

За эти несколько минут раздумий в одиночестве я с поразительной ясностью увидел, что наш брак достиг своего логического конца и что настал момент, когда от притворства надо отказаться. В голову лезли практические соображения, но я отмахивался от них. Изобель позаботится о себе сама или отдастся в руки полиции. Салли пойдет со мной. Мы с ней вернемся в Лондон, а там решим что делать.

Не так уж часто в жизни я приходил к продуманным решениям и только что принятое мне не нравилось. Память о минувшем – добрая память – сдерживала меня. Но на моем боку еще не зажили синяки от сапога полицейского и они ярче любых воспоминаний не позволяли забыть истинную природу нашей совместной жизни.

Прошлое ушло от нас, та же участь постигла и настоящее. Моменты внутреннего расположения к Изобель, когда я думал, что мы можем еще раз вместе найти способ уживаться друг с другом, представлялись мне фальшью. Раскаяния не существует.

У Августина мы должны были быть на следующий день и пришлось ночевать в поле. Никому из нас не

нравилось спать на открытом воздухе. Мы предпочитали устраиваться в брошенных домах или сельскохозяйственных постройках. Мне всегда было нелегко, если приходилось спать на голой земле в холод. Кроме того, около полуночи выяснилось, что разбитый нами лагерь оказался всего в километре от зенитной батареи. Орудия несколько раз открывали огонь и хотя прожекторы дважды обшаривали небо, нам не удалось разглядеть в кого они палили.

Мы отправились на заре. Все продрогли, чувствовали себя неотдохнувшими и были раздражены. Километров за восемь от владений Августина нас остановили морские пехотинцы США и обыскали. Действовали они по привычке, обыск был поверхностным и занял не более десяти минут.

Лейтиф послал меня и еще двоих вперед, чтобы проверить, на месте ли хозяйство Августина. Все, чем мы располагали для установления направления, была перерисованная географическая сеть с отметкой, попавшая к нам через систему оповещения беженцев. Хотя оснований сомневаться в этой информации не было – наша система оповещения считалась единственной надежной формой распространения новостей, – не исключалась возможность, что ее подсунула та или другая воюющие группировки. В любом случае прежде всего необходимо убедиться, что мы никому не помешаем и никто не мешает нам.

Мы пошли вперед, а Лейтиф организовал приготовление кормежки.

Если верить схеме, мы вышли на необработанное поле. Очевидно оно лежало под паром больше года и заросло травой и сорняками. Признаков обитания здесь людей достаточно – отхожее место в углу, много лысых пятен на траве, мусорная свалка, следы костров, но поле было пусто.

Мы несколько минут молча искали. Наконец один из моих товарищей обнаружил кусок белого картона в полиэтиленовом пакете под небольшой кучкой сложенных условным знаком камней. На картонке была надпись «Августин» и новая схема-план. Мы сверились по карте. До указанного места чуть больше километра.

Лагерь расположился в лесу, но нашли мы его сравнительно легко. Там было несколько палаток от крохотных из грубого брезента, под которым мог уместиться один, от силы двое, до среднего размера шатра, какими пользуются цирки на колесах. Весь лагерь был огорожен веревкой, которая шла в обе стороны от выступавшей вперед большой палатки. Любой, желавший попасть в лагерь, обязан входить через нее.

Перед входом укреплен небрежно окрашенный щит с надписью «Августин». Ниже значилось "Чернокожие на выбор". Мы вошли внутрь.

Стол на козлах; за ним сидел молодой парень.

Я спросил:

– Августин здесь?

– Он занят.

– Слишком занят, чтобы повидаться с нами?

– Сколько вас?

Я назвал парню количество мужчин нашей группы. Он вышел из палатки в сторону лагеря. Через несколько минут появился Августин. Очень немногие беженцы знали национальность Августина. Британцем он не был.

– Вы привели мужиков? – спросил он меня.

– Да.

– Когда они появятся?

Я ответил, что в течение часа. Он взглянул на часы.

– Ладно. Но чтобы к шести вас здесь не было.

Мы согласились.

Он добавил:

– Вечером мы ждем других. Порядок?

Мы снова согласно кивнули и пошли к нашему временному лагерю, где ждали Лейтиф и остальные. Мне пришло в голову, что если мы сразу же расскажем, где находится лагерь Августина, они не станут ждать и наши шансы окажутся под угрозой. Мы отказались назвать точное место, сказав, что лагерь переехал. Когда до всех дошло, что распространяться мы не намерены, нам дали поесть. Утолив голод, мы повели группу к Августину.

Лейтиф вошел в палатку вместе со мной и двумя

другими разведчиками. Остальные повалили следом, некоторые остались ждать снаружи. Я заметил, что за время нашего отсутствия Августин привел в порядок свой внешний вид и установил деревянный барьер поперек палатки, чтобы воспрепятствовать нашему проникновению на территорию лагеря.

Он сидел за тем же столом на козлах. Рядом с ним была высокая белая женщина с длинными черными волосами и удивительно голубыми глазами. Она окинула нас взором, который я назвал бы презрительным.

– Сколько вы можете заплатить? – спросил Августин.

– Сколько вы хотите? – ответил вопросом на вопрос Лейтиф.

– Никаких продуктов.

– Продукты – лучшее, что мы можем предложить.

– Не надо продуктов. Нам нужны карабины или женщины.

Лейтиф ответил:

– У нас есть свежее мясо. И шоколад. Много консервированных фруктов.

Августин пытался выглядеть недовольным, но я видел, что ему трудно отказаться от предложенного.

– Ладно. А карабины?

– Нет.

– Женщины?

Лейтиф, не упоминая о похищении, ответил, что с

нами нет ни одной женщины. Августин плюнул прямо на стол.

– Много ли рабов-негров?

– У нас их нет.

Я ожидал, что Августин не поверит. Лейтиф как-то говорил мне, что в последнее посещение этого места Августин был более общительным и по секрету сообщил, что "доподлинно знает" о наличии негров-рабов или заложников во всех группах беженцев. Помимо чисто моральной стороны дела, будь это даже непреложным фактом, постоянные обыски и допросы пресекли бы подобную практику. Во всяком случае в тот момент Августин, похоже, поверил нам на слово.

– Хорошо. Какие продукты?

Лейтиф подал ему лист бумаги со списком продуктов, которыми мы могли поделиться. Женщина тоже читала, заглядывая через его плечо.

– Мяса не надо. У нас его достаточно. Оно слишком быстро портится. Побольше шоколада.

Наконец бартерная сделка была улажена. Зная сколько приходилось платить прежде, я понимал, что Лейтиф поторговался превосходно. Мне казалось, что его вынудят заплатить гораздо больше. Судя по тому, что Августин явно блефовал, его избыток питания был не настолько большим, как ему хотелось представить; видимо испытывал он лишения и в других отношениях. Меня особенно озадачило его настойчивое требо-

вание оружия.

Мы вышли из палатки к оставленным ручным тележкам и сгрузили с них оговоренное количество продуктов. На этом с бизнесом было покончено и нас пропустили через палатку на небольшую расчищенную площадку. Августин гордо возглавлял наше шествие мимо его шлюх.

Мужчин оказалось почти втрое больше, чем девиц. Мы согласились вести себя разумно и разделились на три группы. Затем стали тянуть жребий, чтобы определить очередность между группами. Моя оказалась первой. Две другие остались ждать, а мы пошли вдоль шеренги девиц, которые выстроились, словно взвод на проверке.

Все девицы – негритянки. Они так походили одна на другую, что невольно пришла мысль об их подборе по вкусу самого Августина: высокие, полногрудые, широкобедрые. Возраст – от зрелой молодухи до юной девочки, несомненно еще подростка.

Мне приглянулась женщина лет двадцати пяти. Когда я заговорил с ней, она обнажила зубы, будто осмотру подлежали и они.

После обмена парой слов девица повела меня в дальний конец лагеря к небольшой палатке. Внутри было так мало места, что она сняла одежду снаружи. Пока девица раздевалась, я огляделся. Перед входом каждой палатки обнажались и все остальные женщи-

ны.

Раздевшись догола, она забралась внутрь. Я снял брюки и положил их на землю рядом с ее одеждой. Затем последовал за ней.

Она лежала на подстилке из нескольких одеял, брошенных прямо на землю. Торцевых полостей палатка не имела, и будь девица на несколько сантиметров выше ростом, из-под навеса высывались бы и голова, и ноги.

Я заглянул под брезент и вид ее растянувшегося на одеялах обнаженного тела возбудил меня. Влезать пришлось на четвереньках. Она предоставила мне пространство, разведя в стороны ноги. Я улегся на нее и запустил левую руку между нашими телами. Потискав для начала правую грудь, я скользнул рукой вниз и крепко вцепился в пучок жестких волос.

Сперва я опирался на правую руку, но когда она обхватила меня руками, пришлось вытянуть эту руку вдоль тела. Уже приступая к делу, я ощутил холодную твердость металла у нее под боком. Прилагая все усилия не обнаружить тайну открытия, я пощупал пальцами как можно дальше и пришел к заключению, что это спусковой крючок и предохранительная скоба карабина.

Пока мы спаривались, мне удалось оттолкнуть карабин к краю навеса. Я был удовлетворен достаточной ненавязчивостью своих движений, во всяком слу-

Чае она не показывала никаких признаков того, что догадывается об их назначении. В конце концов карабин удалось отодвинуть на треть метра, но он еще не выскунулся из-под одеял.

Желание обладать оружием так сильно овладела моими страстями, что сексуальная озабоченность отодвинулась на второй план и эрекция пошла на убыль, хотя я и продолжал делать полагавшиеся движения. Пришлось снова сосредоточить внимание на девице и ее теле. В результате этого раздвоения на достижение точки кульминации у меня ушло больше времени, чем обычно. К концу мероприятия и она, и я были в испарине.

Мы оделись и возвратились на площадку перед палаткой. По непристойным замечаниям мужчин я понял, что отсутствовал дольше всех остальных. Моя девица встала в строй и выбором партнерш занялась вторая группа.

Когда они парами двинулись к дальним палаткам, я прошел мимо остальных, а затем и через входную палатку, где Августин, продолжая восседать за козлогим столом, вел жаркую беседу со своей дамой, и направился к оставленным у кромки леса тележкам. Миновав их, я стал углубляться за деревья.

Пройдя метров двадцать, я оглянулся. Августин с подозрением следил за мной, стоя у входа в палатку. Непристойным жестом я показал ему, что намерен помо-

читься. Он махнул в ответ рукой и я пошел дальше.

Когда из лагеря меня не стало видно, я повернул по широкой дуге, оставляя лагерь слева от себя; затем, крадучись, стал приближаться к нему с боковой стороны. Никто меня не заметил.

Скрываясь за деревьями и кустами, я еще немного прошел по кругу, пока не оказался напротив палатки, в которой побывал. Удостоверившись, что за мной не наблюдают, я двинулся вперед на четвереньках. Границу лагеря пришлось пересекать на животе, я едва не задел головой за веревку ограждения.

Мужчина под навесом последними словами поносил девицу, богохульствуя, оскорбляя и проклиная ее расу, поливая словесным дерьмом цвет ее кожи. Она отвечала сладострастными стонами.

Я сунул руку под боковину палатки, нащупал карабин и вцепился в него. Медлительность, с которой я вытаскивал оружие, давалась мне с трудом и вот-вот могла обернуться панической спешкой. Наконец я вытащил его и уполз под сень леса. Схоронив карабин в широко разросшемся колючем кусте ежевики, я вернулся в лагерь.

Проходя мимо Августина, я удостоился грубого замечания на тему мочеиспускания. Он жрал шоколад, весь подбородок был в густых коричневых пятнах.

С закрытием колледжа я оказался второй раз в жизни в серьезном финансовом кризисе. Некоторое вре-

мя мы существовали на сэкономленные деньги, но не прошло и месяца, как стало ясно, что необходимо искать какое-то альтернативное занятие. Хотя я несколько раз звонил в администрацию колледжа, добиться вразумительного ответа так и не удалось, не считая заверений, что мне удастся выйти из затруднительного положения. Задача найти работу по найму стала для меня главной.

Мне бы следовало знать, что в то время страна переживала период чрезвычайных экономических трудностей. Политика регулирования платежного баланса, на которой Джон Трегарт и его правительство пришли к власти, срабатывала теперь плохо, если вообще что-то давала. В результате цены продолжали расти, все больше людей становилось безработными. Поначалу, не сомневаясь ни в себе, ни в значимости моей степени магистра английской истории, я путешествовал по офисам издателей, намереваясь получить временную должность редактора или консультанта. Вскоре от иллюзий не осталось и следа. Мне стало ясно, что в мире книг, как и буквально во всем остальном, расходы и штаты урезаются при любой возможности. Осталось лишь сокрушенно покачать головой, когда я узнал, что по той же универсальной причине мне заказан путь и на канцелярскую работу. Вопрос о работе руками, в общем и целом, не стоило и поднимать: с середины семидесятых управлением трудовыми ресурсами в индустрии

стрии занимались только профсоюзы.

Подавленность моего настроения дошла до предела и я обратился за помощью к отцу. Несмотря на официальную отставку по возрасту, он ухитрился остаться директором небольшой сети компаний и все еще имел влияние. Ни одного из нас эта мимолетная встреча не взволновала, поскольку уже несколько лет мы общались исключительно формально, но очень любезно. Он добился для меня незначительной должности на текстильной фабрике в цехе резки тканей, но я так и не нашел способа выразить ему свою благодарность в полной мере. Когда несколько месяцев спустя отец умер, я безуспешно пытался ощутить нечто большее, чем несколько минут огорчения.

Как только насущные финансовые проблемы были решены, я обратил внимание на развитие проблем национального масштаба. Признаков прекращения событий, которые не позволяли мне называть состояние страны нормальным, обнаружить не удалось. Самым важным знаком было закрытие правительством моего колледжа. Хотя на первых порах общественность поднимала крики о явном произволе в отношении государства к университетам, ее интерес вскоре переметнулся на другие события.

Я даже не стану пытаться как-то охарактеризовать свою работу на фабрике. Коротко говоря, мои обязанности были связаны с наблюдением за резкой тканей

разной фактуры и цвета на куски определенной длины, проверкой правильности маркировки и упаковки кусков, после чего оставалось проследить, чтобы каждая партия отправлялась в назначенное место.

За неделю я усвоил все относящиеся к делу детали и с этого момента работа превратилась в шаблонную цепь операций, которые я выполнял лишь постольку, поскольку это давало мне деньги.

Я сказал Изобель:

– Нам надо поговорить. Отойдем на минутку.

– Я тоже должна поговорить с тобой.

Мы оставили Салли возле палаток и отошли туда, где я только что сидел. Мы стояли молча, от одного присутствия другого чувствуя себя неловко. Я понимал, что впервые нахожусь с ней по-настоящему один на один после перерыва в несколько дней, если не недель. Эта мысль напомнила мне, что мы не были близки более трех месяцев.

Я старался не смотреть на нее.

– Алан, мы должны что-то сделать, – сказала она. – Так не должно продолжаться. Меня охватывает ужас от того, что может произойти. Мы обязаны вернуться в Лондон. Все это не для Салли.

– Я не знаю что делать, – возразил я. – Мы не можем вернуться, нам не добраться до Бристоля. Остается только ждать.

– Но ждать чего?

– Откуда я знаю? Пока все снова не придет в норму. Тебе положение известно не хуже, чем мне.

– Ты думаешь о Салли? Ты хотя бы видел ее в последние дни? Ты думаешь о том, что происходит со мной?

– Я знаю что происходит со всеми нами.

– И ничего, черт побери, не делаешь!

– Если у тебя есть дельные соображения...

– Укради автомобиль. Застрели кого-нибудь. Делай что угодно, но вытащи нас из этих чертовых полей и верни в приличную жизнь! Где-то она есть и мы должны туда добраться. В Бристоле все было бы как надо. Или мы могли бы вернуться в лагерь. Я уверена, что они примут нас, стоит им увидеть Салли.

– Что же все-таки с Салли?

– Ничего, раз ты даже не заметил.

– Что ты имеешь в виду?

Она не ответила, но думаю, я угадал ее намерение. Это обычный прием использования Салли против меня.

Я сказал:

– Будь благоразумна. Ты не можешь требовать, чтобы я решил все проблемы. Ни я, ни ты ничего не можем сделать. Будь какая-то возможность, мы бы попробовали.

– Что-нибудь надо сделать. Мы не можем вечно жить в палатках посреди чужого поля.

– Послушай, вся страна превращена в ад, я не знаю что происходит и сомневаюсь, что нам было бы лучше в Лондоне. Полиция на всех главных дорогах, войска в большинстве городов. Газет нет, по радио ничего не сообщается. Все, что я могу предложить, – оставаться там, где мы есть, столько, сколько потребуется, пока все не образуется. Даже если бы у нас был автомобиль, нам вероятнее всего не позволили бы ехать. Сколько дней мы не видели на дорогах ни одной машины?

Изобель разразилась слезами. Я попытался ее утешить, но она оттолкнула меня. Я стоял рядом и ждал пока она успокоится. Мне становилось не по себе. Когда я обдумывал то, что собирался сказать ей, все выглядело совсем просто.

Не переставая плакать, Изобель отступала от меня, а когда я попытался ее удержать, толкнула в боковой бок. Я увидел, что Салли пристально смотрит в нашу сторону.

Изобель, наконец, утихла и я спросил:

– Что бы тебя устроило больше всего?

– Не вижу смысла говорить с тобой об этом.

– Однако, смысл есть.

Она пожала плечами:

– Думаю, мне хочется, чтобы у нас все было, как до начала этого кошмара.

– Жизнь в Саутгейте? В бесконечных скандалах?

– И твоём отсутствии черт знает до какого часа ночи в объятиях очередной шлюшки, – добавила она.

Изобель была в курсе моих амурных делишек года два, если не больше. Ее выпады уже давно утратили способность задевать меня.

– Ты предпочитаешь ту жизнь нынешней? Неужели это правда? Подумай хорошенько, действительно предпочитаешь?

– Я давно думаю об этом, – сказала она.

– И обо всем, что нам дал этот брак. Неужели ты искренно желаешь снова вернуться ко всему этому? – Я предвидел ее вопрос и знал на него ответ. Наш брак окончился, еще не начавшись.

– Все что угодно... лишь бы не то, что сейчас.

– Это не ответ, Изобель.

Я снова обдумывал, сказать или не говорить ей о своем решении. Сколь бы бессердечным оно ни казалось при нынешнем ее состоянии, это было альтернативой ситуации, которая нам обоим ненавистна. Пусть даже она хотела возврата к прежнему, а я собирался идти до конца. Имеет ли это значение? задавал я себе вопрос.

– Ладно, – сказала она. – Давай разделимся, как тебе это? Ты возвращаешься в Лондон и находишь где нам жить. А я забираю Салли и мы пытаемся добраться до Бристоля. Погостим там, пока не получим весточку от тебя.

Я ответил, не раздумывая:

– Нет. Ни в коем случае. Я не позволю тебе забрать Салли. Я ее тебе не доверю.

– Что ты хочешь этим сказать? Мать я ей или нет?

– Это вовсе не означает, что ты можешь все.

Секунду или две я вглядывался в лицо Изобель, вспыхнувшее неподдельной ненавистью, потом отвернулся. Моя неверность Изобель в прошлом скорее была бегством от нее, чем стремлением к другой в поисках чего-то, что она не могла мне дать. Это произошло из моего внутреннего несогласия с реальностью этого брака, а вовсе не из какого-то конструктивного осознания недостатков наших взаимоотношений. Хотя я знал, что моя половая жизнь с Изобель, в большинстве случаев не дававшая удовлетворения, была в числе первопричин наших конфликтов, что истоки этого неудовлетворения коренились в какой-то психологической странности самой Изобель, это давно перестало быть главным. Несостоятельность наших отношений проявлялась во всем; распутать этот клубок я был не в состоянии. До настоящего момента мною руководила подозрительность. И если она заставила Изобель продемонстрировать откровенную ненависть, значит подозрения оправдались.

– Вот что меня устраивает, – сказала она. – Ты явно не в состоянии предложить какой-то альтернативный вариант.

– У меня есть предложение.

– И что же это?

Я изложил ей свой план. Она отправляется в Бристоль одна, Салли остается со мной. Я предложил ей большую часть оставшихся денег и столько снаряжения, сколько она пожелает. Когда она спросила, почему мне захотелось так поступить, я без обиняков изложил ей свой взгляд на вещи. Самым резким тоном я заявил, что наш брак и так давно закончился, что общественная катастрофа лишь обнажила наши отношения – их несостоятельность стала очевидной. Я сказал, что если она упорно продолжает думать о возможности налаживания нашего брака, то это самообман, а в долгосрочном плане – риск для будущего Салли. Наш разрыв неизбежен по самой природе сложившихся отношений. Я уверял ее, что со мной Салли будет в безопасности, а когда обстановка в стране вернется в нормальное русло, мы оформим развод и Салли получит предусмотренную законом защиту.

– Как знать, – сказала Изобель и ушла.

При первой возможности я проверил карабин и убедился, что он как раз того типа, для которого у нас были патроны. Они принадлежали Лейтифу, поэтому я был вынужден открыть ему, что добыл оружие.

Патроны у Лейтифа появились еще до моего присоединения к группе, но я не имел представления, откуда они взялись.

В разговоре один на один он сказал, что у него есть двенадцать патронов для моего карабина, но сразу же посоветовал избавиться от оружия в наших общих интересах. Когда я спросил его, почему, он ответил, что по его сведениям за ношение огнестрельного оружия без специального разрешения полагается смертная казнь.

Из этого я сделал вывод, что его донимала зависть.

Я возразил, ссылаясь на необходимость защиты, и сказал, что будь мы вооружены раньше, нам удалось бы не дать женщин в обиду. По моим наблюдениям, продолжал я, жестокость обращения с беженцами растет, но теперь нет никакой организованной силы, которой мы могли бы доверять.

Лейтиф привел контраргумент, подчеркнув участвовавшие допросы и напомнив мне, что до сих пор мы ухитрялись избегать применения против нас силы, тогда как другие группы беженцев подвергались побоям, заключению под стражу и насилию со стороны воинских формирований.

Он утверждал, что дело в нашей очевидной беззащитности.

Я сказал ему, что готов взять на себя любые последствия обладания найденным карабином, что в случае захвата нас на допрос я сразу же спрячу его; если же меня поймут с карабином на плече или схватят во время стрельбы из него, я заявлю, что ни один человек

группы о его существовании не знал и не имел к оружию никакого отношения.

Лейтифа, казалось, удовлетворила моя решимость оградить от любых неприятностей его людей и он отдал-таки мне патроны.

Я разобрал карабин, почистил его и смазал, затем стал учиться целиться. Не желая расставаться ни с одним патроном или привлечь внимание остальных, стрелять я не стал. Один из наших кое-что знал об огнестрельном оружии. Он сказал, что мой карабин дальнобойный и точный, что обращаться с ним надо осторожно.

В последующие дни я стал ощущать какую-то неуловимую подвижку в переоценке ценностей, которые лежали в основе самоорганизации группы.

Я прибыл в город после полудня, когда приготовления к торжествам достигли заключительной стадии. Площадь в центре города очистили от автомобилей и люди ходили по ее открытому пространству так, словно забыли, что в обычные дни город задыхался от плотности дорожного движения на пролегавшей через него трассе к побережью.

Перед большинством витрин находившихся на площади магазинов были сооружены деревянные прилавки с товарами. Несколько рабочих, стоя на лестницах-стремянках, натягивали поперек выходивших на площадь улиц флаги расцветивания. Почти все окон-

ные карнизы домов украшало множество цветов.

В более широкой части площади перед зданием городского совета была сооружена небольшая площадка детских аттракционов с каруселью, спиральной горкой, рядом раскачивающихся лодок и несколькими киосками для состязаний на приз.

Пока я стоял на ступеньках отеля, у тротуара остановился большой автобус, из которого вышло пять-шесть десятков пассажиров, маршем направившихся в ресторан а-ля Тюдор в дальнем углу площади. Я подождал, пока все они скрылись внутри, затем пошел в противоположном направлении, удаляясь от центра города по боковым улочкам.

Когда я возвратился, праздник был в полном разгаре.

Я впервые увидел девушку возле выставки дамских сумочек магазина кожгалантереи. В то время в моде у девушек была одежда из очень легких тканей, юбки носили на десяток сантиметров выше колен. Она была в бледно-голубом и носила длинные прямые волосы. На мой вкус девушка была очень красива. Пока я пересекал площадь, направляясь к ней, она отошла от прилавка и затерялась в толпе. Я постоял возле магазина кожаных изделий, надеясь снова заметить ее, но не смог. Через несколько минут я сменил место и остановился в узком проходе между тиром и аттракционом, где швыряют в цель кокосовые орехи.

Часом позже я вернулся в отель и заказал кофе. Посидев в баре, я снова вышел на площадь и увидел ее фигуру на фоне борта одного из грузовиков, доставивших на площадь аттракционы. Она шла под прямым углом к линии моего зрения, задумчиво глядя под ноги. Дойдя до ступеней здания городского совета, она поднялась на крыльцо. Оказавшись на верхней площадке, девушка посмотрела в мою сторону. Наши взгляды встретились. Я направился к ней.

Когда я приблизился к ступеням, она отвернулась и вошла в здание. Не желая следовать за ней, я поднялся на крыльцо и остался стоять, уставившись на дверь. Позади меня послышался резкий хлопок и вопль, затем крики нескольких человек. Я не стал оборачиваться. Пару минут шум площади наполняли и крик, и музыка. Наконец музыку кому-то пришлось в голову выключить и наступила тишина. Слышалось лишь одинокое рыдание женщины.

Только когда на площади появилась карета скорой помощи, я повернулся и увидел, что на карусели произошел несчастный случай. Ноги маленького ребенка попали между неподвижной платформой и вращающейся частью аттракциона.

Я ждал, глядя на суету вокруг ребенка, но бригада скорой помощи явно не знала как его вытащить. Наконец подкатили какое-то противопожарное приспособление и трое мужчин с электропилой вырезали ку-

сок деревянной платформы и освободили ребенка. Он был без сознания. Когда машина скорой помощи уехала и музыка заиграла снова, я понял, что девушка стоит возле меня. Я взял ее за руку и повел прочь от центра по тем улочкам, где прогуливался несколькими часами раньше.

Красота девушки лишила меня дара речи. Мне хотелось бы выглядеть как можно лучше и произвести на нее впечатление, но подходящие слова на ум не приходили.

Вечером мы пришли в мой отель и я угостил ее обедом. Когда мы поели, она занервничала и заявила, что должна идти. Я проводил ее до двери отеля, но следовать дальше она мне не позволила. Я вернулся в холл и остаток вечера провел у телевизора.

Утром я купил местную газету и узнал, что ребенок умер по пути в больницу.

Свидание с Изобель было назначено на вторую половину дня и мне надо было убить время. Большую часть утра я глазел, как разбирали аттракционы и грузили их части на машины. К полудню площадь очистили и полиция восстановила на ней нормальное дорожное движение.

После ленча в отеле я одолжил у приятеля мотоцикл и выехал на главную дорогу. Через полчаса я встретился с Изобель. Настроение было приподнятым. Она надела то же бледно-голубое платье, о чем я специально

попросил накануне. Мы снова прогуливались, на этот раз не по городским улицам, а по тропинкам на природе. Мне хотелось заняться с ней любовью, но она бы наверняка не позволила.

На пути к городу мы неожиданно попали под летний ливень, промочивший нас насквозь. Я планировал снова угостить ее обедом в отеле, но вместо этого мы помчались к ее дому. Она не позволила мне войти. Я пообещал приехать на следующей неделе. Она согласилась увидеться со мной.

Когда я вошел в фойе отеля, один из портье доложил, что мать погибшего ребенка покончила с собой. Она, как сказал портье, подстрекала ребенка прыгнуть на вращающуюся карусель. Некоторое время посудачив о трагедии, я отправился в ресторан. Утолив голод, я пошел в местный кинотеатр на двухсерийный фильм ужасов. Во время перерыва между сериями я заметил Изобель, сидевшую на нескольких рядов впереди меня. Она целовалась с молодым человеком примерно ее возраста. Меня она не заметила. Я сразу же ушел из кинотеатра, а утром вернулся в Лондон.

В одной деревне я нашел транзисторный приемник. Его батарейки сели. Я их вынул и медленно подсушил, как только оказался возле костра. Пока батарейки были еще теплыми, я вставил их в приемник и включил его.

Би-Би-Си вещала только на длинных волнах, пере-

межая новости долгими заставками легкой музыки. Хотя приемник работал два часа подряд, пока батарейки окончательно не сели, я не услышал ни сводок с полей сражений, ни информации о положении беженцев, ни политических комментариев. Мне лишь удалось узнать, что в Южной Америке разбился самолет.

Когда я в следующий раз добыл батарейки для радиоприемника, удалось поймать только волну "Радио Мира"... вещавшего с переоборудованного судна-рудовоза, которое стояло на якоре возле острова Уайт. Тематика вещания этой радиостанции ограничивалась долгими молебнами, чтением Библии и церковными гимнами.

Мы снова испытывали недостаток продуктов питания. Лейтиф принял решение сходить в какую-нибудь из ближайших деревень и организовать бартер. Все стали изучать карты.

По опыту мы знали, что наилучшая политика – избегать поселков и городков с населением более тысячи человек и любых, расположенных близ главной дороги. Было установлено, что очень многие подобные места оккупированы одной из конфликтующих сторон и там действуют законы военного времени, либо находится небольшой гарнизон или лагерь. По этой причине большинство городов и крупных поселков мы заведомо исключали из сферы наших операций; основную массу необходимого приходилось добывать в изо-

лированных деревушках, на одиноких фермах и хуторах. Если нам везло и находилось место, где удавалось получить все необходимое, мы либо разбивали поблизости лагерь, либо продолжали бродить по соседству.

Лейтиф наметил по карте деревушку примерно в трех километрах к западу от нас. Один из наших людей не согласился с ним, сказав, что слышал, будто в городке, расположенном в пяти километрах от этой деревушки, находится штаб сил националистов. Он уверял, что нам повезет больше, если мы сделаем крюк и отправимся в деревни к северу или югу от этого городка.

Некоторое время мы поспорили на эту тему, но Лейтиф в конце концов отверг предложение. Он сказал, что наша главная забота – продукты питания, а поскольку возле этой деревушки есть несколько ферм, получить ее там больше шансов.

На подходе к деревне нам встретились две-три фермы, которые были надежно забаррикадированы и явно оборонялись.

По неписанному закону сельчан беженцам позволялось пересекать поля и разбивать на них лагерь, если земля находилась под паром, при условии, что они не крадут продукты питания и не пытаются войти в дома. Я подсознательно помнил это правило во время скитаний по дорогам и, как любой другой, старался

действовать в его рамках.

Как-то к группе Лейтифа ненадолго присоединилось несколько беженцев из Восточной Англии, но они явно отличались манерами "всяк за себя" и Лейтиф расторг этот союз.

Мы прошли мимо ферм, не задерживаясь.

Как было принято, Лейтиф и еще трое шли впереди колонны, следом катили тележки с нашим скарбом, туристским снаряжением и товаром для бартера, позади тележек шагали остальные члены группы.

По указанию Лейтифа, я, как владелец карабина, шел рядом с головной тележкой, в двойном дне которой было спрятано оружие. Прежде туда обычно запиховали то, что требовалось скрыть на время обысков и допросов.

По этому его указанию я понял, что Лейтиф пересмотрел взгляд на карабин. Если прежде он настаивал, что безоружность – лучшая форма самозащиты, то теперь я воспринял это, как подтверждение необходимости обороняться, даже если нет явной угрозы со стороны потенциального агрессора.

Мы подошли к деревушке по второстепенной дороге, которая шла через нее от городка и вливалась в главную дорогу более чем в десяти километрах к востоку от нас. Опять же из опыта мы знали, что к незнакомой деревне лучше подходить по дороге, чем со стороны полей. Хотя здесь мы сразу же оказывались вид-

ны, как на ладони, такое появление могло способствовать установлению доверия к нашему бартеру.

Согласно карте, в деревеньке не было какого-то связующего ядра; дома широко разбросаны вдоль двух дорог: той, по которой мы шли, и другой, пересекавшей первую под прямым углом. Между концами этого креста дома растянулись чуть ли не на два километра – типичная деревенька здешних мест.

Мы молча прошли первый дом. Он был брошен, о чем свидетельствовали разбитые окна. Следующий находился в таком же состоянии, и еще один. Брошенными оказались все дома вдоль первых двухсот метров дороги.

Едва мы прошли ее поворот, навстречу прогремел выстрел и один из шагавших рядом с Лейтифом мужчин упал на спину.

Мы остановились. Те, кто катил тележки, присели, прячась за ними, остальные метнулись на обочину в поисках укрытий. Я поглядел на упавшего. Он лежал в пяти метрах от того места, где присел я. Пуля пробила горло, вырвав громадный кусок шеи. Кровь хлестала из яремной вены, глаза остекленелым взглядом таранились в небо. Он продолжал издавать слабые скрежещущие звуки тем, что осталось от его горла. Через несколько секунд они стихли.

Впереди нас дорогу перегораживала баррикада. Она не походила на те, которые мы привыкли видеть, –

кое-как устроенное заграждение из булыжника, старых автомобилей и строительного хлама. Это было специально сконструированное долговременное укрепление из кирпича на цементной кладке. В центре были узкие ворота, через которые мог пройти пешеход, на обоих концах – участки более высокой кладки, за которыми укрывалось несколько мужчин. Я увидел, как один из них снова выстрелил, и пуля угодила в деревянный передок тележки в полуметре от меня. Я присел еще ниже.

– Уитмэн! У тебя карабин. Отстреливайся.

Я посмотрел на Лейтифа. Он лежал на земле, вместе с двумя другими пытаюсь укрыться за низкой земляной насыпью.

– Они слишком хорошо защищены, – ответил я.

Перед домами по обе стороны от баррикады тоже были сооружены оборонительные бетонные стены. Я задавался вопросом, можно ли подойти к деревушке с полей, но ее обитатели явно настроены настолько враждебно, что и это вряд ли удалось бы.

Открыв двойное дно тележки, я вытащил карабин и зарядил его. У меня не было сомнения, что все члены группы не спускают с меня глаз. Стараясь держаться как можно ближе к тележке, я направил дуло карабина в сторону баррикады и попытался выбрать верную цель.

Какое-то время я выжидал.

В течение этих нескольких секунд в голове промелькнуло огромное множество мыслей. Это был не первый случай в моей жизни, когда я держал в руках смертоносное оружие, но я впервые умышленно прицеливался в кого-то, чтобы убить или ранить. Именно в такие моменты человек пытается найти рациональное объяснение своим действиям, доказать самому себе их безотлагательную необходимость.

– Почему вы медлите? – тихо спросил Лейтиф.

– Я не вижу, в кого целиться.

– Стреляйте поверх их голов. Нет... погодите. Дайте мне подумать.

Я опустил дуло, стрелять мне не хотелось. Секунды ожидания шли, но я уже знал, что хладнокровно застрелить кого-то не смог бы. Поэтому, когда Лейтиф велел убрать карабин на прежнее место, я выполнил его указание с большим облегчением. Прикажи он стрелять, возникла бы почти неразрешимая для меня ситуация.

– Дело плохо, – сказал он так, чтобы услышал не только я, – дальше нам соваться незачем. Мы должны отступить.

Думаю, мне это стало очевидно после первого же выстрела. Я понимал, что для Лейтифа такое решение имеет огромное значение с точки зрения потери авторитета. Мужчина, который предупреждал о гарнизоне националистов, был рядом с ним, но ничего не сказал.

Сверху на главной тележке у нас была приготовлена белая простыня. Мы несколько раз уже пользовались ею, когда надо было продемонстрировать нейтралитет. Лейтиф попросил передать ее ему. Он поднялся на ноги, разворачивая белое знамя. Никто с баррикады не выстрелил. Меня восхитила его храбрость; будь я на его месте, рискнул бы чьей-нибудь жизнью, но не своей. Когда я в опасности, мое стремление быть честным с самим собой преобладает над всеми остальными эмоциями.

Через несколько секунд Лейтиф велел нам вернуться на дорогу и медленно отходить. Я заставил себя подняться из-за укрытия, которое давала тележка. Наш маленький караван двинулся обратно той же дорогой, что пришел.

Лейтиф стоял между нами и враждебной деревушкой. Он держал простыню вытянутыми руками, словно хотел защитить ею всех нас. Медленно и очень осторожно он стал пятиться, видимо не очень представляя себе, что произойдет, если он повернется к баррикаде спиной и пойдет вместе с нами.

Тележка, возле которой шел я, уже была на повороте дороги, за которым мы были бы вне досягаемости защитников баррикады, когда прозвучал последний выстрел. Те, кто был без тележек, бросились врассыпную по обочинам, остальные потащили поклажу бегом. Мы остановились, лишь когда поворот дороги увел нас с

линии огня.

Спустя несколько секунд к нам присоединился Лейтиф. Он был весь в поту. Пуля пробила простыню и задела рукав его куртки. Возле локтя болтался оторванный кусок ткани около десяти сантиметров длиной. Пройди пуля парой сантиметров выше, была бы раздроблена кость руки.

Ночью, когда я уже лежал в спальном мешке, мне пришла в голову мысль, что события прошедшего дня укрепили авторитет Лейтифа. Я радовался, что мои мысли остались при мне, иначе я выглядел бы большим трусом, чем на самом деле. Впервые с тех пор, как Изобель забрали афримы, я ощутил жалость утраты и желание именно ее; меня терзали лживые воспоминания о счастливых днях нашей половой близости.

Во второй половине дня я провел около часа с Салли, пока Изобель ходила в ближайшую деревню, чтобы попытаться добыть еды. Деньги стали главной проблемой – от взятой с собой суммы у нас оставалось не более пары фунтов.

Разговаривая с Салли, я вдруг заметил, что впервые отношусь к ней, как к взрослому человеку. Она не могла знать о чем мы говорили с Изобель, но в ее манере держаться внезапно возросло чувство ответственности. Мне было очень приятно.

Большая часть вечера прошла в молчании; мы с Изобель обменялись всего парой слов. Наступила

ночь и мы улеглись в своих палатках, как повелось с самого начала: Изобель и Салли в одной, я в другой.

Я сожалел, что разговор с Изобель не привел к окончательному разрыву. Казалось, мы так ни до чего и не договорились.

Сон не приходил целый час, затем он сморил меня. Почти в тот же момент, по крайней мере мне так показалось, меня разбудила Изобель.

Я протянул руку и прикоснулся к ней; она была нагишом.

– Что...? – заговорил я.

– Шш-ш. Разбудишь Салли.

Она расстегнула молнию моего спального мешка и легла рядом. Я обнял ее – еще полусонный и не думая о том, что произошло между нами днем, – стал ласкать ее тело.

Наши роли в том, чем мы занимались, не очень соответствовали одна другой. Мой разум еще не стряхнул с себя сон, я был не в состоянии сосредоточиться и достиг оргазма лишь спустя довольно долгое время. Изобель же была ненасытна, какой я никогда не знал ее прежде, шум ее тяжелого дыхания почти оглушал меня. Оргазм у нее наступил дважды; первый привел меня в замешательство своей неистовостью.

Мы несколько минут лежали после этого, не шелохнувшись, затем Изобель что-то пробормотала и попыталась выскользнуть из-под меня. Я повернулся на бок

и она стала подниматься. Я попытался удержать ее, обняв за плечи. Она ничего не сказала, но поднялась на корточки и выбралась из палатки. Я лежал на спине, нежась в тепле, оставленном нашими телами, и незаметно снова уснул.

Утром мы с Салли обнаружили, что остались одни. На следующий день состоялась политическая дискуссия, поводом для которой стал, главным образом, недостаток у нас продуктов питания. После скрупулезной проверки запасов мы установили, что оставшихся продуктов хватит только на два дня. После этого еще неделю мы могли бы продержаться на галетах и шоколаде.

Это был первый случай появления реальной перспективы голода. Она никому не понравилась.

Лейтиф обрисовал открытые для нас альтернативы. Он сказал, что мы могли бы продолжать действовать, как до сих пор: ходить от деревни к деревне, заниматься бартером, когда возникает необходимость в пополнении запасов пищи, и воровать товары для обмена в брошенных домах и автомобилях, которые попадутся на пути. Он подчеркнул, что активность военных действий возросла и хотя мы в них не ввязываемся, занимаясь бродяжничеством, игнорировать ситуацию не сможем. Люди, продолжавшие жить в городах и поселках, предпринимают соответствующие этой ситуации меры обороны.

Лейтиф вспомнил историю, о которой прежде ничего не говорил. Дело было в поселке на севере страны, который заняла группа негров, заявлявших, что они — подразделение регулярных афримских сил. Хотя чернокожие не создали в поселке настоящий гарнизон и не выглядели подчинявшейся воинской дисциплине частью, подозрений у жителей не возникло. Спустя неделю, когда пришла весть о появлении поблизости частей армии националистов, чернокожие обезумели и перебили несколько сот мирных граждан, прежде чем прибыли националистические силы.

И это, сказал Лейтиф, не единственный случай. Сообщения о подобных преступлениях поступали из всех уголков страны, причем совершались они вооруженными формированиями всех трех конфликтующих сторон. С точки зрения мирных граждан со всеми пришлыми надо обращаться, как с врагами. Такое отношение становится повсеместным, говорил он, поэтому наши попытки вступления в торговые отношения с гражданами населенных пунктов становятся все более опасными.

Другой альтернативой могло бы быть формальное присоединение к той или другой стороне, добровольное поступление на военную службу. Аргументы в пользу такой альтернативы сильны: рационализм нашего существования; тот факт, что все мы отменно здоровые мужчины, годные для несения воинской служ-

бы. В сложившейся ситуации эти аргументы произвели на всех нас глубокое впечатление.

Мы могли бы присоединиться к националистам, так называемой «законной» армии, защищавшей политику правительства Трегарта, которая превратилась теперь в политику неприкрытого геноцида. Можно было бы встать на сторону Королевских отступников, белых сторонников афримского дела, которые, хотя и числились официально вне закона и все до единого считались приговоренными к смертной казни, пользовались громадной общественной поддержкой. Если правительство Трегарта падет, либо в результате военной победы над ним, либо дипломатических действий ООН, вероятнее всего именно Отступники возьмут в свои руки или сформируют новый кабинет. Могли бы мы присоединиться и к силам мира Организации объединенных наций, которые формально и не участвовали в конфликте, но фактически вмешивались в него во многих случаях. Либо можно было вступить в союз с внешними участниками происходивших событий, вроде корпуса морской пехоты США (который взял на себя ответственность за гражданскую политику) или теоретически не связанных никакими обязательствами формирований благополучия, которые мало влияли на разжигание войны, если не считать внесения ими дополнительной неразберихи в уже сложившуюся ситуацию.

Третий возможный для нас выбор, говорил Лейтиф, – подчиниться какой-нибудь гражданской благотворительной организации и постепенно возвратиться к псевдо-легальному статусу. Хотя этот путь в идеале был наиболее привлекательной альтернативой, возникло сомнение, найдутся ли беженцы, которые действительно готовы пойти по нему. Пока не утихнет военное противостояние, а усилия общественности не ликвидируют истоки возмущения афримов, искать прибежища в такой организации рискованно. В любом случае это прежде всего означало бы, что нам придется жить под властью правительства Трегарта, которое и втянуло нас в этот кризис.

В заключение Лейтиф напомнил, что нашему участию в происходящем сопутствовала удача и это наилучший аргумент в пользу принятия на дальнейшее того, чем мы занимались до сих пор. В любом случае главным для большинства из нас оставалось стремление воссоединиться со своими женщинами, а подчинение себя любой из конфликтовавших сторон наверняка уменьшит шансы добиться этого.

Состоялось голосование и мы отдали предпочтение предложенному Лейтифом выбору. Поселок, к которому мы тут же двинулись, лежал в восьми километрах к северу от нашего лагеря.

Я снова заметил, что большинство наших людей укрепились в доверии Лейтифу не только благодаря

его мужеству во время вчерашнего обстрела с баррикады, но и разумной аргументации возможных альтернатив нашего существования. Я не собирался вступать с ним в борьбу за власть, но с наличием у меня карабина ему, тем не менее, придется считаться.

Всю дорогу я шел рядом с ним.

К тому времени, когда я стал проводить уикенды с Изобель, у меня уже был собственный мотоцикл.

Первые дни безрассудства миновали и, хотя меня продолжало радовать ощущение быстрой езды, в большинстве случаев я не выходил за рамки установленных правилами ограничений. Я очень редко по собственной воле разгонял мотоцикл до максимальной скорости, но когда на заднем сидении была Изобель, она зачастую подстрекала меня к этому.

Наши отношения развивались медленнее, чем мне бы хотелось.

До знакомства с ней у меня было несколько любовных интрижек с другими девушками, неизменно доставлявших радость физической близости. Хотя Изобель не могла представить никаких моральных, религиозных или чисто физических причин, которые могли бы помешать нам спать вместе, она не позволяла мне заходить слишком далеко. По какой-то причине я не желал отказываться от нее.

Как-то после полудня мы заехали на мотоцикле на вершину находившегося неподалеку от городка холма,

где был клуб планеризма. Глазеть на планеры в небе нам довольно скоро наскучило.

На обратном пути Изобель повелела свернуть с дороги в небольшую рощу. На этот раз она взяла инициативу наших поцелуйных ласк в свои руки и не остановила меня, когда я снял с нее часть одежды. Однако в тот момент, когда моя рука забралась ей под бюстгальтер и коснулась соска груди, она отшатнулась. Я не захотел останавливаться и настойчиво продолжал. Она снова попыталась воспрепятствовать мне и в завязавшейся борьбе я сдернул с нее бюстгальтер, а затем и юбку, которая в результате порвалась.

После этого продолжать не было смысла. Она оделась и я отвез ее в родительский дом. В тот же вечер я вернулся в университетское общежитие и увиделся с Изобель только через три недели.

Когда новость дошла до нас, возникла масса домыслов о том, что кроется за разразившейся войной. Главной опасностью была возможность ее распространения с африканского континента на остальной мир. Хотя бомбардировки продолжались всего несколько дней, никто в действительности не знал или не хотел обнародовать сколько было в Африке ядерных боеголовок.

Две главные ядерные державы вели в это время формальные переговоры о разоружении в присутствии делегаций наблюдателей со всех континентов. Глав-

ную опасность, что беспокоило обе договаривавшиеся стороны, представлял Китай, накапливавший ядерные запасы с конца шестидесятих годов. Территориальные интересы Китая в Африке никому не были известны и не было возможности предсказать, сколь значительным может быть его влияние на этом континенте. Месторождений руд расщепляющихся материалов, непосредственно пригодных для производства ядерного оружия, в Африке не было, не обладал этот континент и необходимой технологией. Из этого следовало, что одна или обе сверхдержавы осуществляли незаконные поставки в африканские страны.

Каким бы ни был источник, ядерное оружие в Африке оказалось и оно было использовано.

Через четыре дня после первой волны бомбардировок прокатилась вторая. Остальной мир находился в тревожном ожидании, но вторая волна оказалась последней. Все пришло в движение: благотворительные организации предлагали грандиозные программы оказания помощи выжившим, великие державы вступили в перебранку, перешли к угрозам, но потом поутихли. В Британии новость была воспринята спокойно: бойня в Африке была, конечно, ужасной трагедией, но для нас непосредственной угрозы, казалось, не представляла. Да и помимо всего прочего, наша страна подошла к последним стадиям всеобщих выборов; одна ознаменовалась заявлением Джона Трегарта спустя шесть ме-

сыяцев после его прихода к власти, во второй он сплотил вокруг себя большинство.

Между тем из Африки приходили сообщения об ужасных последствиях термоядерных взрывов. Большинство главных городов было частично или полностью разрушено, нетронутыми остались очень немногие. Но Африка велика; большинство населения выжило после бомбардировок. Многие из выживших погибли от ожогов, радиационного облучения и остаточной радиоактивности... однако оставались в живых многие миллионы. Работники организаций по оказанию помощи в большинстве случаев не смогли добиться успеха. Люди погибали; умерло не менее пяти миллионов и далеко не все в результате последствий бомбардировок.

Несмотря на громадную смертность, миллионы продолжали жить; свирепствовал голод, люди обезумели. Казалось, на африканском континенте больше невозможна человеческая жизнь; ширился отток людей с континента.

Начинался он медленно, но за три месяца превратился в массовый. Использовалось любое судно или самолет, которые были исправны. Эмигранты держали путь куда угодно, лишь бы... подальше от Африки.

Они высаживались во всех частях мира: в Индии, Франции, Турции, на Ближнем Востоке, в Америке, Греции. За период эвакуации Африку покинуло семь или восемь миллионов человек. В течение года только

в Британии высадилось более двух миллионов африканцев.

Африканцы, или афримы, нигде не были желанны. Но они обосновались всюду. И везде это вызвало какие-то социальные последствия; но в Британии, где на волне обещаний экономических реформ к власти пришло неорасистское правительство, эти последствия оказались много более серьезными, чем в других частях мира.

Я прибыл на призывной пункт в назначенное время: в час тридцать пополудни.

В течение нескольких дней по телевидению и в прессе шла интенсивная реклама продления срока добровольного поступления на военную службу, но одновременно сообщалось о введении обязательной воинской повинности в ближайшие несколько недель. В заявлении правительства подчеркивалось, что добровольцы окажутся в предпочтительном положении по сравнению с призывниками.

От друзей я узнал, что определенные категории мужчин будут призываться в первую очередь. Моя должность на текстильной фабрике определяла принадлежность к одной из таких категорий.

Работа на фабрике радости не доставляла, а жалование в армии было выше того, что я тогда зарабатывал. В общем, мотивов моего появления на призывном пункте для медицинского освидетельствования было

достаточно.

Я подал заявление на получение офицерской подготовки, зная из объявлений, что для такого притязания достаточно ученой степени. Меня направили в особое помещение, где какой-то главный сержант в парадном мундире объяснил мне, что я должен делать; давая разъяснения, он заканчивал каждую фразу словом "сэр".

Мне был предложен тест умственного развития, за который отметку выставили в моем присутствии. Я получил подробное разъяснение каждой своей ошибки. Затем пришлось отвечать на поверхностные вопросы биографического характера и политического толка. После этого мне было велено снять одежду и идти в соседний кабинет.

Освещение там было очень ярким. Вдоль одной стены стояла длинная деревянная скамья, на которую мне сказали сесть и подождать доктора. Мне показалось странной задержка перед кабинетом врача, потому что кроме меня на приеме никого не было. Я ждал уже десять минут, когда появилась медсестра. Она села за письменный стол напротив. Меня смущала собственная нагота в ее присутствии. Я сидел, сложив руки на груди, и боялся шелохнуться, чтобы не привлечь ее внимание. В попытке соблюсти приличия, я положил ногу на ногу.

Я чувствовал себя в положении какого-то сексуаль-

но озабоченного изгоя и хотя она почти не обращала на меня внимания, сколько бы я ни твердил себе, что эта девушка привыкла видеть обнаженных мужчин, ее присутствие не давало мне покоя. Спустя несколько мгновений я ощутил напряжение в паху и с ужасом обнаружил, что начинается эрекция.

Как я ни пытался пристыдить себя, это не помогло. Я попробовал зажать взбесившийся орган ногами, но вскоре стало просто больно. Как раз в этот момент медсестра оторвала взгляд от своей писанины и посмотрела на меня. Пенис тут же вырвался из плена моих ног и предстал перед ней в красе полной эрекции. Я мгновенно прикрыл его руками. Медсестра опустила взгляд к своей работе.

– Доктор осмотрит вас через несколько минут, – сказала она.

Я сидел неподвижно, прикрывая предателя ладонями. Часы над головой медсестры показали, что истекли еще десять минут. Эрекция была еще в полной силе, когда в дальнем конце помещения открылась дверь и мужчина в белом халате пригласил меня войти. Поскольку мне представлялось неестественным идти через кабинет, прикрывая руками чресла, я неохотно опустил руки по швам. Мне казалось, что взгляд девушки следует за мной неотступно.

Едва я вошел в главный кабинет медицинской комиссии, эрекция стала спадать и менее чем за минуту

прекратилась вовсе.

Я прошел стандартное медицинское освидетельствование, мою грудную клетку посмотрели в рентгеновских лучах, взяли на анализ кровь и мочу. Мне дали подписать бланк, в котором говорилось, что, в случае признания меня годным по медицинским показателям, я направляюсь в Британскую Националистическую Армию в качестве стажирующегося второго лейтенанта и что я обязан явиться в указанное в моем мобилизационном предписании место и время. Я подписал бумагу и получил обратно свою одежду.

Далее состоялось собеседование с мужчиной в гражданской одежде, который задавал бесконечное количество вопросов, так или иначе касавшихся моего характера и личных качеств. Собеседование было неприятным и я несказанно обрадовался, когда оно закончилось. Помню, что я раскрыл свое бывшее членство в проафримском обществе колледжа.

Неделей позже я получил по почте уведомление, что медицинской комиссией у меня обнаружена болезнь печени и что мое временное назначение стажером по этой причине недействительно.

За день до получения этого уведомления я узнал о воинской повинности, вновь введенной Министерством внутренней безопасности, и соответствующем усилении военной активности в лагере афримов. Еще через месяц, после резни националистических войск

в колчестерских казармах и прибытия первого американского авианосца в Ирландское море, стало ясно, что военная обстановка в стране гораздо серьезнее, чем я себе представлял. Хотя с призывом на действительную службу мне повезло, повседневная жизнь становилась все менее легкой; не лучше, чем у любого другого.

После уведомления военных я нанес визит доктору, который обследовал мою печень. После нескольких дней размышлений над анализами он уверил меня, что с печенью все в порядке.

Мы повстречались с большой бандой негров, но сразу не разобрались в чем дело. Было три возможности действовать: бежать от них, продемонстрировать с помощью карабина, что мы можем постоять за себя, или вступить с ними в переговоры.

Больше всего нас смущало отсутствие у этих людей афримской униформы. Они были одеты так же, как мы. Может быть, это гражданские беженцы, но мы слышали, что националистские войска обращались с беженцами их расы чрезвычайно жестоко. В результате этого большинство гражданских негров отдались благотворительным организациям, а те немногие, что не пошли на это, объединялись с белыми группами.

Люди, с которыми мы познакомились, вели себя дружелюбно, выглядели неплохо питающимися и, казалось, не были вооружены. Правда, они владели тре-

мя большими ручными тележками, к которым нам не позволили приблизиться. Возможно в них находилось оружие.

Несколько минут мы поговорили, обмениваясь новостями, что было в обыкновении у беженцев, не имевших иной информационной сети. Чернокожие не выказывали ни признаков повышенной нервозности, ни какого-то намека на то, что нам следует их остерегаться.

Тем не менее какое-то возбуждение в их поведении ощущалось, но его причину мы определить не смогли. Нашей главной заботой во время встречи были собственные мешки, поэтому и об их поведении мы судили не так, как могли бы при других обстоятельствах. Но мне показалось, что за этим возбуждением крылось ликование или какое-то нетерпеливое ожидание.

Наконец наша группа двинулась дальше, оставив чернокожих возле леса. Мы пересекли поле и больше не были у них на виду. Лейтиф подозвал меня к себе.

– Это афримские партизаны, – сказал он. – Вы должны были заметить их опознавательные браслеты.

Мы с Салли несколько часов ждали, чтобы проверить, собирается ли Изобель вернуться. Я не чувствовал необходимости объяснять Салли почему она оставила нас; по поведению ребенка я даже решил, что Салли ожидала чего-то в этом роде. Думаю, она сожалела, что это произошло, но была в состоянии смириться с новой ситуацией.

Изобель взяла ровно половину остававшихся денег, чемодан со своей одеждой и немного продуктов. Все туристское снаряжение и спальные принадлежности она оставила нам.

К середине дня стало ясно, что Изобель не вернется. Я начал готовить еду, но Салли сказала, что этим займется она. Я уступил и стал упаковывать пожитки. Я чувствовал, что с места пора сниматься.

Когда мы поели, я объяснил Салли, как смог, что мы можем себе позволить.

В тот момент меня обуревало ощущение несуразности собственных решений. Это касалось и моей способности правильно определять наши перемещения, и жестоких сомнений по поводу истинных причин разрыва моего брака. Я чувствовал, что Салли грозит опасность из-за новых ошибок, которые я могу совершить. Советуясь с ней о нашей следующей перемене места, я понимал, что не только даю Салли возможность почувствовать себя участницей принятия решения, но и сам стараюсь обрести внутреннее равновесие.

Я объяснил Салли, что мы с ее матерью договорились разделиться, что Изобель отправилась в Бристоль, а мы возвращаемся в Лондон. В свой дом мы не пойдем, а подыщем себе другое жилье. Салли сказала, что все поняла.

Тогда я заговорил о наших трудностях: о том, что нам нельзя оказаться в гуще происходивших в стране со-

бытий, что у нас очень мало денег, что нет возможности вернуться в Лондон на машине, что нам, вероятно, придется прятаться большую часть пути.

– Не могли бы мы поехать на поезде, папа? – спросила Салли.

Дети настолько легкомысленно подходят к любой проблеме, что способны разглядеть возможные решения, которые даже не приходят в головы их родителям. За время нашей жизни в сельской местности я даже ни разу не вспомнил о существовании железных дорог. Мне было любопытно, упустила ли Изобель это из вида, как и я, или именно таким способом решила добраться до Бристоля.

– Это вопрос денег, – ответил я. – Скорее всего у нас их недостаточно. Но мы можем разузнать. Ты считаешь, что этим мы должны заняться в первую очередь?

– Да. Я больше не хочу жить в палатке.

Я уже научился не загадывать слишком далеко. Однако от возвращения к вопросу, что делать по возвращении в Лондон, если ситуация там не лучше, чем на момент нашего отъезда, не уйти. Если занятие домов воинственными африками продолжается, а правоохранительные органы по-прежнему расколоты, то мы не будем единственными, кому нужна крыша над головой. Если обстановка так плоха, как я опасался, то нам снова придется убраться из Лондона. Если такое случится, то единственным местом, куда мы смо-

жем податься, останется дом моего младшего брата в Карлайле. Если даже у нас появится возможность у него обосноваться, мы столкнемся с трудностями почти пятисоткилометрового путешествия. К несчастью, я не видел никакой альтернативы – после смерти родителей четыре года назад и гибели старшего брата Клайва в известной стычке под Брэдфордом у меня не осталось родственников, кроме младшего брата.

Как бы там ни было, успокоить Салли мне удалось. Мы собрали остатки наших пожитков и упаковали их. Я понес чемодан и рюкзак, Салли досталось нести мешок с одеждой. Мы двинулись на восток. Нам не было известно, где находится ближайшая железнодорожная станция, но мы чувствовали, что направление выбрали верно. Прошагав километра два, мы вышли на мощеную щебнем дорогу. Мы двинулись по ней на север и она привела нас к телефону-автомату. Естественно, я поднял трубку, чтобы проверить, работает ли телефон. Мы уже неоднократно натыкались на телефоны-автоматы с исправными на вид аппаратами, но линии не работали.

На этот раз я услышал серию гудков, а затем женский голос.

– Центральная. Какой вам нужен номер?

Я медлил. Не ожидая услышать ответ, я растерялся.

– Я бы хотел позвонить... в Карлайл, соедините, пожалуйста.

– Простите, абонент. Все главные линии заняты.
Голос прозвучал окончательным отказом, словно она собиралась положить трубку.

– Э-э... в таком случае, соедините меня, пожалуйста, с номером в Лондоне.

– Простите, абонент. Все линии с Лондоном заняты.

– Не могли бы вы позвонить мне сюда, когда появится свободная?

– Наша центральная обеспечивает только местную связь. – Тон снова звучал желанием прекратить разговор.

Я заговорил быстро:

– Послушайте, я надеюсь, вы могли бы помочь мне. Мы пытаемся добраться до железнодорожной станции. Не подскажете, в каком направлении нам идти?

– Откуда вы говорите?

Я назвал ей координаты телефона-автомата, которые были на табличке передо мной.

– Не кладите трубку. – Я ждал. Минуты через три телефонистка заговорила снова, – Ближайшая к вам станция – Уорнхэм, до нее около пяти километров. Всего хорошего, абонент.

Связь оборвалась.

Салли ждала возле телефонной будки. Я пересказал ей содержание разговора. В это время слышался грохот тяжелых дизельных грузовиков и через несколько минут мимо нас промчалось семь армейских

машин с солдатами. В кузове последнего стоял офицер; он что-то нам крикнул. Мы не расслышали. Припоминаю появившееся у меня в тот момент ощущение возрождавшейся уверенности, хотя быть свидетелем перемещения войск мне довелось впервые.

Когда грузовики проехали, я понял причину моего прежнего беспокойного состояния. Мы не видели вокруг себя людей.

Пока мы жили в палатках, контакты с людьми ограничивались встречами в продуктовых магазинах. Там мы, конечно, наблюдали увядание торговли и отчуждение людей, какого не бывало до начала всех этих неприятностей. Но сейчас мы с Салли были совершенно одни.

Чем ближе мы подходили к Уорнхэму, тем больше встречалось признаков активности военных, но совсем не попадались люди в штатском. Это нас насторожило.

В полутора километрах от телефонной будки мы вошли в поселок. На улицах никого не было, только в окнах последнего дома мы заметили фигуру мужчины. Я махнул рукой и окликнул его, но тот, то ли не услышав, то ли решив не отзываться, исчез из вида.

За деревней мы наткнулись на позицию тяжелой артиллерии, где было несколько сотен солдат. Все сделано на скорую руку, но батарея охранялась, от дороги ее отделяла колючая проволока. Едва мы сошли с дороги, чтобы приблизиться к ней, нам приказали про-

ходить мимо. Я попытался заговорить с часовым, но он только вызвал сержанта. Тот повторил приказ, добавив, что если мы до наступления ночи не уберемся подальше, то поставим под угрозу свои жизни. Я спросил, не националистические ли это войска, но ответа не получил.

Салли сказала:

– Папа, мне не нравятся пушки.

Пока мы добирались до Уорнхэма, над нашими головами несколько раз пролетали реактивные самолеты, иногда звеньями, иногда поодиночке. Мне попалась какая-то старая измятая газета, которую я стал читать на ходу, надеясь понять происходившее вокруг.

Это оказался малоформатный выпуск, скорее нелегальный. в чем я почти не сомневался. Две недели назад мы слышали по радио, что издание газет временно приостановлено. Найденный листок показался мне отвратительным; плохая печать, безобразная писанина, тошнотворная склонность к откровенному расистскому неприятию иностранцев. В заметках шла речь о поножовщине и проказе, пальбе из пистолетов и венерических заболеваниях, изнасилованиях, людоедстве и чуме. Приводились подробные инструкции по изготовлению в домашних условиях оружия вроде бензиновых бомб-бутылок, залитых свинцом дубинок и удавок. Под рубрикой «новости» сообщалось о массовом изнасиловании афримскими вояками и налетах верных

родине вооруженных сил на афримские опорные пункты. На обратной стороне в самом низу говорилось, что газета выпускается раз в неделю для гражданского населения Британской Националистской армией (Дивизион внутренних дел).

Я сжег свою находку.

Подходы к вокзалу Уорнхэма охранялись еще большим количеством солдат. Когда мы оказались у них на виду, Салли крепко схватила меня за руку.

Я сказал ей:

– Не о чем беспокоиться, девочка. Они здесь просто для того, чтобы никто не попытался помешать движению поездов.

Она не ответила, возможно поняв, что меня тоже насторожило их присутствие возле станции. По существу, это означало, что поезда продолжали ходить, но под контролем военных. Мы подошли к ограждению и я заговорил с лейтенантом. Он был вежлив и согласился помочь. Я заметил на его рукаве полоску ткани с вышитой надписью "Верые отступники". Интересоваться ее смыслом я не стал.

– Можно отсюда добраться поездом до Лондона? – спросил я.

– Это возможно, – ответил он, – но поезда ходят не часто. Вам придется навести справки в здании вокзала, сэр.

– Мы можем пройти?

– Конечно.

Он кивнул двум солдатам и те открыли для нас проход в заграждении. Я поблагодарил офицера и мы направились к кассе.

За стеклом сидел гражданский служащий в обыкновенной форме Британских железных дорог.

– Мы хотим попасть в Лондон, – сказал я. – Можете вы сказать, когда будет следующий поезд?

Он наклонился над стойкой, приблизил лицо к стеклу и посмотрел сквозь него на нас.

– Вам придется ждать до утра, – сказал он. – Здесь можно попасть на поезд, только если за сутки заказана его остановка.

– Вы хотите сказать, что поезд здесь не останавливается?

– Именно так. Если кто-то не пожелает его остановить. Вы должны позвонить на станцию отправления.

– Но нам надо уехать срочно.

– Вы должны позвонить на станцию отправления.

– Уже слишком поздно просить об остановке сегодня? – спросил я.

Он важно кивнул:

– Последний поезд проследовал час назад. Но если вы сейчас же приобретете билеты, я позвоню на станцию отправления вместо вас. Одну минуту.

Я повернулся к Салли:

– Послушай, любовь моя, нынче ночью нам снова

придется спать в палатке. Не возражаешь? Ты слышала, что сказал этот джентльмен.

– Хорошо, папа. Но мы наверняка поедем завтра домой?

– Да, конечно.

Служащему я сказал:

– Сколько за билеты?

– По девяносто пенсов за каждый, пожалуйста.

Я вытащил из кармана остававшиеся у нас деньги и пересчитал их. У нас было меньше фунта.

– Могу я заплатить завтра? – спросил я.

Он отрицательно покачал головой:

– Необходимо заплатить вперед. Хотя если у вас с собой недостаточно денег, я могу взять задаток, а остальное вы заплатите завтра.

– Этого хватит?

– Так и быть. – Он бросил мелочь в ящик кассы, набрал полученную сумму на кассовом аппарате и протянул мне полоску бумаги с отпечатанным текстом. – Принесете мне ее завтра вместе с остальными деньгами. Поезд будет около одиннадцати до полудня.

Я взглянул на полоску бумаги. Это была просто расписка в получении денег, а не билет. Я поблагодарил и мы пошли к выходу из вокзала. Начинало моросить. Я слабо представлял себе, каким образом к утру добуду денег, но с мыслью о том, что их придется украсть, я уже почти смирился.

Возле заграждения тот же молодой лейтенант кивнул нам.

– Только завтра? – с состраданием в голосе произнес он. – То же самое случается здесь с массой людей. Вы беженцы?

Я подтвердил его догадку, хотя прежде избегал распространять это понятие на нас.

– В Лондоне у вас будет все в порядке, – продолжал он. – наших там масса, они уже наводят порядок.

Он назвал мне адрес организации в Лондоне, которая пытается подыскать жилье для бездомных. Я записал и поблагодарил его. Лейтенант выразил озабоченность по поводу предстоявшей нам ночи ожидания.

– Я мог бы устроить вас на ночлег, – сказал он. – Прежде мы это делали. Но теперь кое-что изменилось. Нынче ночью мы уходим отсюда. Как вы устроитесь?

– У нас есть туристское снаряжение, – ответил я.

– О, тогда все в порядке. Но на вашем месте я ушел бы отсюда как можно дальше. Мы получили приказ отходить. Националисты всего в нескольких километрах отсюда.

Я еще раз поблагодарил его и мы пошли. Нам с Салли польстили его радушие и явное желание помочь. Но сказанное им возродило чувство тревоги и я решил учесть его предостережение. Мы удалились от станции километров на пять к югу и только тогда стали искать место для лагеря. Наконец выбрали склон невысокого

холма, с трех сторон окруженного лесом.

Лежа в одной палатке, мы слышали звуки артиллерийской канонады, над нашими головами ревели реактивные самолеты. Всю ночь в северной стороне полыхали вспышки взрывов. В полукилометре от нас по дороге маршем прошли войска, в лесу позади разорвался шальной снаряд. Салли жалась ко мне, я пытался ее успокоить. Артиллерийская пальба была непрерывной, взрывы снарядов звучали либо очень близко от нас, либо совсем далеко. Время от времени мы слышали ружейную стрельбу и человеческие голоса.

Утром снова пошел мелкий дождь, вокруг стало тихо. Не желая шевелиться, словно боясь, что стоит нам тронуться с места и весь этот ужас возобновится, мы с Салли не вылезали из палатки до самого последнего мгновения. В десять часов, наскоро упаковав вещи, мы отправились на станцию. Добрались незадолго до одиннадцати. Солдат не было. Здания вокзала тоже, рельсы в нескольких местах искорежены. Мы смотрели на руины, оцепенев от ужаса. Расписку я потом выбросил.

Вечером нас схватил отряд афримских сил. Состоялся наш первый допрос.

Мы с Изобель лежали в темноте. На полу. В комнате этажом выше спали ее родители. Они не знали, что я в доме. Хотя я им нравился и они поощряли наши свидания с Изобель, известие о том, чем я пытаюсь зани-

маться в их гостиной, вряд ли могло доставить им удовольствие.

Шел четвертый час ночи, важнее всего было не наделать шума.

Я снял куртку и рубашку.

На Изобель уже не было платья, комбинации и бюстгалтера. К этому времени наши отношения достигли такого развития, что во время поцелуев она позволяла снимать с нее почти всю одежду и ласкать груди. Прикасаться к нижней части ее живота мне не позволялось никогда. Большинство девушек, с которыми мне приходилось иметь дело раньше, относились к сексу без предрассудков и явное отсутствие к нему интереса у Изобель ставило меня в тупик. Сначала ее сдержанность подхлестывала меня, но Изобель продолжала вести себя по-прежнему и теперь у меня начинало создаваться впечатление, что она действительно боится секса. Хотя мой первоначальный интерес к ней носил почти исключительно сексуальный характер, чем больше мы узнавали друг друга, тем больше она мне нравилась и мой натиск раз от раза становился все более нежным. Сочетание ее физической красоты и житейской неотесанности постоянно восхищало меня.

После многочисленных серий поцелуев и продолжительных ласк я лег на спину и стал направлять руку Изобель, ладонь которой легонько поглаживала меня по груди и животу. Она ласкала мое тело не без удо-

вольствия и мне хотелось, чтобы рука скользнула под брюки и потрогала пенис.

Рука двигалась все ниже, пока не стала упираться в пояс брюк. Ее пальцы случайно попали под ткань и сразу же притронулись к кончику пениса. Очевидно не подозревая о подобном проявлении моего возбуждения, он мгновенно отдернула руку, отвернулась от меня, но продолжала лежать, дрожа всем телом.

– В чем дело? – шепнул я, спустя минуту или две, зная что не получу ответа и не сомневаясь, что последует дальше. – В чем дело?

Она молчала. Через некоторое время я положил ей на плечо руку. Кожа была холодной.

– В чем дело? – шепнул я снова.

Она все еще не отвечала. Несмотря на происшествие, эрекция не проходила; травма, причиненная ей, меня не тронула.

Прошло еще какое-то время и она снова подкатилась ко мне. Лежа на спине, Изабель взяла мою руку и положила себе на грудь. Как и плечо, она была холодной. Сосок сморщился и стал бугристым на ощупь.

– Давай, – сказала она, – сделай это.

– Сделать что?

– Ты знаешь. То, что тебе хочется.

Я не шелохнулся; просто продолжал лежать, не снимая ладони с ее груди, не желая делать никакого определенного движения – ни того, о чем она говорила, ни

попытки убраться рукой.

Не услышав от меня ответа, она снова схватила мою руку и втиснула ее в развилку ног. Второй рукой сдержнула с себя трусики и положила мою руку на свой лобок. Я ощущал тепло мягкой плоти. Изобель затряслась.

Я сразу же набросился на нее. Это было болезненно для нас обоих. И удовольствия не доставило. Мы производили очень много шума; так много, что я боялся, как бы не услышали ее родители и не пришли посмотреть, в чем дело. Во время оргазма пенис выскользнул и половина семени оказалась на полу.

Я постарался побыстрее отодвинуться от нее. Какая-то часть меня не хотела признать, что мой сексуальный опыт обернулся лишь юношеской неопытностью, которая столкнулась с безразличием невинности; другая моя часть неудобно скорчилась на полу, не желая шевельнуться...

Первой шелохнулась Изобель. Она встала и включила неяркую настольную лампу. Я взглянул на нее. Это стройное молодое тело обнаженным я видел впервые; оно тоже впервые в жизни обнажилось для познания таинства секса. Изобель натянула на себя одежду и ногой пододвинула ко мне мою. Я оделся. Взглядами мы не встречались.

На ковре, где мы лежали, осталось небольшое влажное пятно. Мы попытались ликвидировать его с помощью бумажных салфеток, но малозаметная грязь все

же осталась.

Я готов был уйти. Изобель подошла ко мне и шепнула на ухо, чтобы я вывел мотоцикл на дорогу, не заводя мотор. Потом поцеловала меня. Мы договорились встретиться в следующий уикенд. Выходя в коридор, мы держали друг друга за руки.

Ее отец сидел на нижней ступеньке крыльца. Он был в пижаме. Выглядел утомленным. Когда мы проходили мимо, мне он ничего не сказал, но крепко схватил Изобель за запястье. Я уехал, заведя мотоцикл прямо у дома.

Мы не использовали никаких противозачаточных средств. Хотя Изобель сразу не забеременела, это все равно случилось за несколько недель до нашей свадьбы. После первого раза мы занимались сексом при любом удобном случае, но, насколько мне известно, до оргазма она доходила редко. За время ее беременности наша сексуальная зависимость друг от друга побавилась и после рождения Салли я стал интересоваться другими женщинами, которые давали мне то, что не могла дать Изобель.

В минуты благодущия я бывало бросал на Изобель взгляд как бы издалека, снова видел ее в бледно-голубом платье, любовался юной прелестью ее лица и меня охватывало горькое сожаление.

Мне казалось, что чем больше дней отделяло нас от похищения наших женщин афримскими солдатами,

тем упорнее становились мои поиски, тогда как у других мужчин это стремление убавлялось. Я непрестанно задавался вопросом, направлены наши блуждания всецело на поиск безопасного места для лагеря и приемлемого источника получения продуктов питания, или мы все еще преследуем цель отыскать женщин.

Вспоминали о них все реже и реже, а после посещения публичного дома Августина временами все выглядело так, будто их никогда с нами не было. Но о том, что с ними могло произойти, мы были вынуждены снова вспомнить на следующий день после встречи с афримскими партизанами.

Мы подошли к группе домов, которые были отмечены на карте, как деревушка под названием Стоуфилд. На первый взгляд это место ничем не отличалось от сотен других, через которые нам приходилось проходить.

Наша группа приближалась к деревушке с обычными предосторожностями на случай возможности немедленного отступления, если она окажется забаррикадированной.

О том, что баррикада когда-то была, стало ясно по куче булыжника на дороге возле первого дома. Однако камни были разбросаны по сторонам, открывая проход, достаточный для грузового автомобиля.

Обследовав пространство за бывшей баррикадой, мы с Лейтифом нашли несколько десятков стреляных

гильз.

За полчаса мы осмотрели каждый дом и нам стало ясно, что жители эвакуировались. В нескольких домах обнаружили консервы и мы пополнили наши запасы.

Началось обсуждение догадок о людях, совершивших налет на деревню. Возможно большинство из нас судило предвзято, полагая, что это дело рук афримов, но наш опыт подсказывал, что они именно так действуют против небольших поселений, если натыкаются на баррикады.

Что случилось с жителями, сказать было трудно. Позднее, когда мы снова обшаривали дома, чтобы выбрать получше место для ночлега, кто-то стал сзывать к себе остальных.

Мы с Лейтифом подошли первыми. Едва увидев обнаруженное разведчиком, Лейтиф крикнул остальным подождать внизу. Мне он дал знак остаться.

В верхней комнате лежали тела четырех белых женщин. Все четыре были обнажены и изнасилованы. Сердце учащенно забилося, как только я увидел их, потому что именно такой представлялась мне судьба Салли и Изобель. Через две-три секунды я понял, что никогда не видел этих женщин, но и после этого еще несколько минут сердце готово было выскочить из грудной клетки.

Первая тревога повергла меня в шок, затем превратилась в злобу. Все женщины были молоды и привле-

кательны. Смерть каждой наступила после долгой агонии: выражение муки осталось на их лицах. Руки и ноги всех четырех были связаны, они явно до последней минуты жизни стремились вырваться из пут.

Совершившие насилие мужчины изуродовали их тела штыками или ножами, нанеся множество ударов в область гениталий. Весь пол был залит кровью.

Мы с Лейтифом посоветовались, что делать. Я предложил сжечь тела, но ни один из нас не испытывал желания взяться за вынос тел. Лейтиф сказал, что можно спалить дом. Он стоял достаточно далеко от ближайших к нему и казалось маловероятным, что огонь перекинется на другие дома.

Мы спустились вниз и рассказали остальным. Двоим стало дурно, всех без исключения стошнило. Предложение Лейтифа было принято и через несколько минут дом превратился в факел.

Лагерь мы устроили на другом конце деревушки.

По множеству причин я был одним из немногих мужчин, работавших в цехе резки тканей. Несмотря на законодательство о равной оплате труда, принятом в последние месяцы перед приходом к власти Трегарта, оставалось еще очень много видов работы, которая выполнялась исключительно или почти исключительно женщинами. Резка рулонов ткани на штуки – одна из таких работ.

Коллег моего пола было всего двое – старина Дейв

Харман, пенсионер, который приходил по утрам подметать пол и готовить чай, и юноша по имени Тони, пытавшийся флиртовать с молодыми женщинами, но они все относились к нему, как к неоперившемуся птенцу. Я так и не смог определить его возраст, но парню было не меньше двадцати. Как он попал на эту работу, я не знал. Между нами установилось некое мужское взаимопонимание, объединявшее в противостоянии вульгарности женщин.

Мои личные отношения с работницами раз и навсегда приобрели приемлемую форму, как только удалось преодолеть трудности их новизны.

Значительное их большинство думали, например, что я поставлен неким надзирателем над ними или контролером. Когда бы я ни пытался заговорить, наталкивался на холодную вежливость. Моя хорошо поставленная дикция лектора колледжа мало могла помочь установлению с ними нормальных отношений. Как только я догадался о вероятной причине трений, мне с болью в сердце пришлось разъяснить женщинам свое истинное положение в этом цехе резки тканей. Атмосфера вокруг меня сразу же значительно потеплела, хотя одна-две женщины продолжали держать дистанцию. Через несколько недель от былой напряженности не осталось и следа и к моему присутствию в цехе стали относиться с благосклонностью.

Вместе с ослаблением напряжения возрастала

вульгарность их поведения.

До этого момента моей сравнительно обособленной жизни – обособленной в том смысле, что мне не приходилось бывать в гуще рабочего люда, – я жил с уверенностью, что женщины более сдержанны во всем, что касалось секса. Не исключено, конечно, что в национальном масштабе развивалась ситуация, которая побуждала к ослаблению морали, как реакции на новые репрессивные законы, или дело было просто в том, что эти женщины знали одна другую многие годы и были продуктом одной и той же среды. Как бы там ни было, любой трудовой день не обходился без непристойностей, отвратительных шуток и многочисленных прямых или косвенных упоминаний наших с Тони половых органов. Тони рассказал мне, что незадолго до моего появления в цехе одна из женщин полушутя-полусерьезно расстегнула молнию на его брюках и попыталась запустить внутрь руку. Говорил он как бы между прочим, но я не сомневался, что огорчения этот случай ему не доставил.

На резке тканей работало несколько цветных женщин. По мере усиления напряженности афримской ситуации я мог наблюдать за изменением их реакции на происходившие события. В цехе было пять индианок или пакистанок и семь негритянок. На первый взгляд их поведение заметно не менялось, хотя во время особенно агрессивных подшучиваний над нами было за-

метно, что эти женщины помалкивают.

В тот период у меня было заведено съедать во время ленча бутерброды, которые Изобель давала мне с собой. Отчасти мы пошли на это в целях экономии, а отчасти по той причине, что качество пищи в общественных столовых значительно ухудшилось.

Я видел, что компания не получает того количества заказов, какое имела прежде; соответственно рабочая нагрузка на наш цех уменьшалась. При вводимых правительством ограничениях за сокращение штатов взимались огромные финансовые штрафы, поэтому наши трудовые ресурсы оставались прежними. Вскоре после моего прихода в цех перерывы на ленч увеличились с полутора часов до двух, а ко времени первых расколов в вооруженных силах удлинились еще на полчаса. Нашими работодателями поощрялся отпуск по болезни, однако после объявленного правительством временного прекращения выдачи пособий от Министерства здравоохранения отсутствие на работе по болезни стало редкостью.

Появилась необходимость находить способы праздного времяпрепровождения в обществе друг друга.

Из дома стали приносить настольные игры и колоды игральных карт. Некоторые женщины брали на работу шитье или вязанье, другие писали в этот долгий перерыв письма. Я использовал свободное время для чтения, но вскоре обнаружил, что если стану слишком

злоупотреблять этим при тусклом освещении цеха, то причину вред зрению. Раз или два некоторые женщины гурьбой отправлялись по магазинам, но превращение таких походов в норму поведения считалось рискованным.

Не знаю, как это началось, но несколько женщин собирались на перерыв возле раскладочного стола и, сгрудившись тесным кружком, устраивали импровизированный спиритический сеанс с самодельной планшеткой. Я впервые понял это, когда однажды стал прогуливаться по соседнему складу, чтобы немного размять мышцы. В качестве планшетки-указателя они пользовались перевернутой донышком вверх пластмассовой стопкой, а буквы алфавита были нацарапаны на клочках бумаги, разложенных по кромке стола.

Одна пожилая женщина задавала вопросы в пространство, а стопка давала ответы по складам, двигаясь под воздействием напряженного давления кончиков пальцев семи участниц на крышку стола. Некоторое время я замороженно наблюдал за происходившим, не в силах определить, действительно ли стаканчик движется независимо от воли этих женщин. Раздосадованный тем, что мне так и не удалось установить это, я отошел от них.

В дальнем конце склада за рулонами ткани я наткнулся на Тони и девушку, с которой он работал. Хотя оба были в одежде, они лежали в нормальной по-

зе полового совокупления, а его рука была у нее под платьем на одной из грудей. Ни он, ни она меня не заметили.

Когда я повернул обратно, из группы собравшихся возле спиритического стола раздалось несколько громких голосов. Одна женщина-негритянка вырвалась из кружка и побежала в цех резки. Через несколько секунд я услышал ее громкий разговор с подругами, а потом чей-то плач.

К концу следующей недели все цветные женщины оставили фирму.

Уже наступила ночь, а дом все еще горел; на сотню метров от него все пылало оранжевым светом. Настроение группы неуловимо изменилось. Для меня – я осмеливался предполагать, что и для остальных тоже, – зверское изнасилование четырех молодых женщин стало наглядным воплощением судьбы похищенных у нас. Одно дело – воображать жестокость, совсем другое – быть ее свидетелем.

Думаю, каждый оказался по-своему ошеломлен и подавлен... Но наша групповая реакция была гораздо более определенной – не позволить втянуть себя в гражданскую войну. О поиске женщин речь не заводилась; однако увиденное в догоравшем доме еще более укрепило мою решимость. Меня беспокоила Салли. Дочь занимала все мысли. Не жена, а моя невинная дочь Салли.

Как только тьма сгустилась, я отошел от группы и направился в дом метрах в двадцати от того, что мы подожгли. Ощущался жар тлевшего дерева. Пламени уже не было, но дому еще предстояло дымить несколько часов. Воздух был наполнен сладковатым дымом, его запах доставлял нескончаемое удовольствие.

Я сидел в старом кресле в одной из верхних комнат занятого мной дома и размышлял о том, что стану делать утром.

Время шло. Слух уловил гул моторов, но сперва я не придал этому значения. Потом гул стал громче, он заглушил все мои мысли. Я вскочил с кресла, промчался по дому и выбежал в огород через заднюю дверь.

Небо было безоблачным, четвертушка луны давала достаточно света, чтобы смотреть под ноги. В доме я сидел в темноте (временно занимая чужое жилье, мы никогда не пользовались светом) и моим глазам не надо было привыкать к этому слабому освещению.

Потребовалась лишь пара секунд, чтобы определить источник звука: боевой порядок вертолетов, которые на низкой высоте быстро приближались с юга и должны были пролететь над деревушкой. Когда они оказались совсем близко, я упал на землю, не выпуская из руки карабин. Я пересчитал их: двенадцать. Через несколько секунд они снизились и приземлились в поле за деревней.

С того места, где я лежал, их не было видно. Я вско-

Чил на ноги и выглянул из-за изгороди. Рев двигателей разом уменьшился до низкого ровного мычания.

Я ждал.

Прошло десять минут, а я продолжал стоять, соображая, как бы вернуться к остальным. Никакое объяснение появлению вертолетов в голову не приходило; не мог я и догадаться, знают ли прилетевшие о нашем присутствии в деревушке. Они не могли не заметить дотлевавший дом.

Меня напугали внезапный артиллерийский залп на близком расстоянии и два или три громких взрыва. По вспышкам я догадался, что стреляли на дальней стороне большого леса, что тянулся вдоль главной дороги примерно в полутора километрах от деревушки. Я увидел там столбик белого пламени, взорвавшийся в небе ярким красным светом.

Почти сразу же вертолеты взлетели, по-прежнему держа боевой порядок. Они набрали высоту и направились к лесу. Я стал терять их из вида, но шум двигателей слышал отчетливо.

Позади меня возникло какое-то движение: дверь дома открылась и снова закрылась.

– Это вы, Уитмэн?

Был виден силуэт мужчины. Пока он подходил, я разглядел, что это Олдертон, с которым у нас было всего лишь шапочное знакомство.

– Да. Что происходит?

– Никто не знает. Лейтиф послал меня найти вас. Какого черта вы тут делаете?

Я ответил, что искал еду и что через несколько минут вернусь в лагерь.

– Лучше бы вам вернуться прямо сейчас, – сказал Олдертон. – Лейтиф говорит, надо уходить. Он считает, что мы расположились слишком близко к главной дороге.

– Полагаю, надо узнать что происходит, прежде чем уходить.

– Это дело Лейтифа.

– Так ли? – Без особой на то причины я ощущал бунтарский протест против того, чтобы мне указывали что делать. В любом случае дискутировать с Олдертоном мне не хотелось.

Далекий гул вертолетов изменил тон. Мы вернулись на то место, где я только что стоял и стали смотреть в сторону темневшего за полями леса.

– Где они? – спросил Олдертон.

– Я не вижу.

Прозвучал новый залп, затем раздался пронзительный свист и почти одновременно четыре взрыва. Над лесом взметнулся и быстро погас сверкающий шар пламени. Артиллерийская канонада не умолкала, потом над деревней заревел мотор вертолета. Плышался новый свистящий звук и новые четыре взрыва. Когда над нашими головами пролетел второй вертолет,

повторилось то же самое.

– Ракеты, – пробормотал Олдертон. – Что-то крушат на дороге.

– Кто они?

– Лейтиф думает, что афримы. Он сказал, что эти вертолеты похожи на русские.

Барражирование вертолетов главной дороги продолжалось. Время нанесения ударов определялось очень точно. Едва стихали взрывы одного ракетного залпа, на цель выходила следующая машина. Между взрывами до нашего слуха доносилась трескотня ружейного огня.

– Думаю, это партизаны, – сказал я, неожиданно даже для себя, – которые встретились нам вчера. Кому-то они устроили засаду на главной дороге.

Олдертон промолчал. Чем больше я думал об этом, тем более вероятным выглядело мое предположение. Негры что-то скрывали, в этом ни у кого из нас сомнения не было. Если догадка Лейтифа верна и этими русскими вертолетами управляют афримы, то ситуация вполне объяснима.

Сражение продолжалось еще несколько минут. Мы с Олдертоном смотрели во все глаза, но видели только пламя взрывов и боевые вертолеты, выходившие на огневую позицию над нашими головами. Я вдруг заметил, что считаю количество атак. После двенадцатой наступила небольшая пауза и мы услышали шум двига-

телей вертолетов, перестраивавшихся где-то довольно далеко от нас. Затем одна из машин снова появилась над лесом, но на этот раз ракетного залпа не было. Вертолет пожужжал над нашими головами, затем присоединился к остальным. Мы продолжали ждать. В лесу разрасталось оранжевое сияние и время от времени раздавались небольшие одиночные взрывы. Это явно были не артиллерийские выстрелы.

– Думаю, все кончилось, – сказал я.

– Один из них еще кружит, – ответил Олдертон.

По тому, что я слышал, казалось, что эскадрилья вертолетов удаляется, но единообразия в реве двигателей не было. Я продолжал озираться, но ни одной машины не видел.

– Вон он! – сказал Олдертон, показывая вправо от нас.

Только теперь я разглядел его. Вертолет летел медленно и низко над землей. Навигационных огней на нем не было. Он шел прямо к нам, у меня возникла шальная мысль, что летчик ищет именно нас. Сердце учащенно забилося.

Машина пролетела над полем впереди нас, затем повернула и, немного набрав высоту, прошла над нами. Она зависла над дымившимися остатками дома по другую сторону дороги.

Мы с Олдертоном вошли в дом, поднялись на второй этаж и стали наблюдать за вертолетом. Он парил

метрах в шести над пожарищем и раздувал лопастями тлевшее пожарище. Некоторые балки снова охватило пламя, повалил дым и его понесло в нашу сторону.

Поднимавшееся с земли сияние осветило машину и мне стала хорошо видна ее кабина. Я поднял карабин, тщательно прицелился и выстрелил.

Олдертон подскочил ко мне и оттолкнул ствол в сторону.

– Тупой ублюдок! – крикнул он. – Они узнают, что мы здесь.

– А мне плевать, – ответил я, внимательно следя за вертолетом.

В первый момент мне казалось, что выстрел был безрезультатным. Затем обороты двигателя резко возросли и машина метнулась вверх. Вертолет завертелся вокруг оси, стабилизировался, стал вращаться снова. Он продолжал подниматься, смещаясь в сторону от нас. Двигатель неистово выл. Я заметил, что пилоту удалось выровнять машину, но потом ее стало бросать из стороны в сторону. Внезапно вертолет бросило вниз и он, теряя высоту, пролетел над пожарищем и скрылся из вида. Еще через две секунды мы услышали грохот его падения.

– Подонок, тупой ублюдок, – снова выругался Олдертон. – Остальные вернутся, посмотреть что произошло.

После того, как Изобель ушла, меня и Салли не по-

кидало ощущение страха и полной потери ориентации в обстановке. Думаю, причина была в первом четком осознании кризисности ситуации для себя лично: крушение всех составляющих жизни, к которой мы привыкли до начала боевых действий. Я знаю, что Салли смотрела на дело иначе; как все дети, она искала конкретных виновников своих бед.

Отсутствие Изобель пробудило во мне совершенно неожиданные реакции. Во-первых, появилось болезненное ощущение откровенно сексуальной ревности. Я понимал, что у Изобель были и возможность, и мотивы для обзаведения любовником. Но у меня никогда не возникало подозрений о его существовании. Однако в нынешней ситуации неопределенности мои мысли то и дело возвращались к ней.

Во-вторых, при всей конфликтности наших отношений, мне явно недоставало ее компании, хотя я чувствовал, что разрыв был неизбежен.

Мы с Изобель всегда отдавали себе отчет в том, сколь безрадостное будущее нас ожидало после того, как Салли вырастет и оставит наш дом. Это должно было стать концом брака, концом того, что по существу и не начиналось.

Нынешняя жизнь с Салли в сельской местности вызвала ощущение, что предрешенное течение нашей жизни резко оборвалось, что теперь невозможно что-то планировать, что жизнь просто кончилась, что буду-

щее осталось в прошлом.

Прошел еще час, прежде чем Лейтиф и остальные присоединились к нам. Ночь была тихой, только в лесу иногда возникали слабые вспышки света, напоминавшие о войне, только что грохотавшей вокруг нас.

Меня одолевали противоречивые чувства. Хотя я ощущал ауру завистливого уважения к тому, что мне удалось сбить вертолет, Лейтиф и еще один или двое других недвусмысленно заявили, что это было неразумно. Страх репрессий всегда был велик и стань о моем поступке известно пилотам других вертолетов, они наверняка атаковали бы деревушку.

Теперь, когда дело уже сделано и период наибольшей опасности миновал, я мог объективно оценить свой поступок.

Во-первых, у меня не было сомнения, что пилотами боевых машин были либо афримы, либо кто-то из их сторонников. И поскольку уже всем ясно, вне зависимости от расовых и национальных предубеждений, что афримы – единственный общий враг, выстрел из карабина в моем конкретном случае представлялся мне жестом личной мести за похищение женщин. Я чувствовал, что в этом я все еще отличался от других мужчин, хотя можно, конечно, возразить, что поскольку карабином владел только я, никто другой и не смог бы позволить себе подобный жест. Во всяком случае я получил ни с чем не сравнимое наслаждение от своего пер-

вого весомого участия в гражданской войне. Теперь я сделал выбор.

Возник спор о наших дальнейших действиях. Я устал и с удовольствием поспал бы. Но остальные за-теяли дебаты – то ли взглянуть на рухнувший вертолет, то ли двинуться к лесу и посмотреть на что афримы обрушили свой удар.

Я сказал:

– Мне не нравится ни то, ни другое. Давайте немного поспим, а в путь тронемся перед рассветом.

– Нет, здесь спать рискованно, – сказал Лейтиф. – Незачем подвергать себя опасности. Мы должны уйти, но нам необходимы товары для обмена на продукты. Заберем, что сможем, с вертолета, а затем подадимся как можно дальше от него.

Один из споривших по имени Коллинз высказал предположение, что в лесу могут быть более ценные вещи. Его поддержало несколько человек. Чем бы ни оказалась цель, ставшая достойной внимания вооруженных сил, для нас она была потенциальным источником товаров для бартера. В конце концов было решено, что, вопреки обычной тактике, мы разделимся. Лейтиф, я и еще двое направятся к рухнувшему вертолету, а Коллинз и Олдертон поведут остальных в лес. Группа, которая закончит работу первой, пойдет навстречу другой.

Мы вернулись в лагерь на другом конце дереvушки,

упаковали наши пожитки и разделились на группы, как планировалось.

Вертолет разбился в поле за сгоревшим домом. Когда он ударился о землю, взрыва не было и машина не загорелась. По этой причине подходить к нему было, по крайней мере, не опасно. Главной опасностью был оставшийся на борту экипаж. Если они погибли, для нас это большая удача. Если же кто-то еще жив, мы можем оказаться в рискованном положении.

Мы шли, не разговаривая. С кромки поля рухнувшая машина выглядела громадным раздавленным насекомым. Никакого движения возле вертолета не было, но мы на всякий случай присматривались еще несколько минут.

Затем Лейтиф пробормотал:

– Пошли, – и мы двинулись вперед.

Я держал карабин наготове, но сомневался, хватит ли у меня мужества пальнуть снова. Лейтиф взял меня с собой явно в качестве вооруженного адъютанта напомним неприятный инцидент возле баррикады.

Последние тридцать или сорок метров мы преодолевали по-пластунски, двигались медленно, были готовы ко всему. Оказавшись возле обломков, мы поняли, что если кто-то и есть внутри машины, он не в состоянии представлять для нас угрозу. Все основные конструкции фюзеляжа были искорежены, одна из лопастей винта вонзилась в кабину.

Мы поднялись с земли.

Обходя обломки, мы присматривались, чем бы поживиться. Разглядеть что-то в темноте было трудно.

Я сказал Лейтифу:

– Для нас тут ничего нет. Если бы дело было днем..

Едва я заговорил, изнутри вертолета послышался шум движения и мы мгновенно отбежали от него, настороженно присев на корточки. Раздался мужской голос, запинаящийся и едва слышный.

– Что он говорит? – спросил один из наших.

Мы прислушались, но слов разобрать не смогли. Потом я уловил звуки языка суахили. Этого языка я не знал, но его звучание мне было знакомо по радиопередачам, потому что последние несколько месяцев большинство из них сопровождалось переводом на суахили. Для европейского уха это невнятная тарабарщина.

Но чтобы понять этого человека, знание языка не требовалось. Он был в ловушке и изнемогал от боли.

Лейтиф достал фонарик и осветил на обломки, не поднимая луч вверх, чтобы не обнаружить себя тем, кто мог быть поблизости.

В первое мгновение мы ничего определенного не увидели, хотя на одном не очень поврежденном куске металла была инструкция буквами кириллицы. Мы подошли ближе и Лейтиф осветил внутрь. В груде металла лежал негр. Повернутое к нам лицо было в крови. Он снова заговорил и Лейтиф выключил фонарик.

– Мы должны оставить это дело, – сказал он. – Нам не следует лезть внутрь.

– А как же этот человек? – спросил я.

– Не знаю. Мы мало что можем сделать.

– И не попытаемся его вытащить?

Лейтиф опять включил фонарик и осветил на обломки. Негра почти целиком скрывали куски разбитой кабины и искореженного фюзеляжа. Чтобы освободить его, нужна лебедка.

– Нечего и надеяться, – сказал Лейтиф.

– Мы не можем просто оставить его.

– Боюсь, придется. – Лейтиф положил фонарик в карман. – Пошли, мы не можем задерживаться. Здесь мы слишком на виду.

Я возразил:

– Лейтиф, мы обязаны что-то сделать для этого человека!

Он повернулся ко мне и подошел вплотную.

– Послушайте, Уитмэн, – сказал он. – Вы ведь видите, что мы ничего не можем сделать. Если бы вам не нравилась кровь, вы не стали бы сбивать этот чертов вертолет. Верно?

Чтобы не дать разгореться перебранке, которой ему хотелось, судя по тону голоса, я ответил:

– Верно.

– У вас есть карабин, – продолжал он. – Воспользуйтесь им, если хотите.

Он и двое других направились через поле в сторону домов.

– Я догоню вас, – крикнул я им вслед, – только посмотрю, что можно сделать.

Ни один из них не ответил.

Понять, что Лейтиф по существу прав, было делом нескольких секунд. Освободить африма возможности не было. Звучание его голоса то поднималось до высоких нот, то он был едва слышен и часто прерывался внезапными сбоями дыхания. Будь у меня фонарик, я бы не отказался от соблазна посветить внутрь и еще раз взглянуть на него. Без света нелегко угадать направление и я вправе не делать этого. Тем не менее, я сунул дуло карабина внутрь, прицелившись примерно туда, где было лицо мужчины.

И замер...

Мне не хотелось убивать его; после выстрела по вертолету меня покинули все эмоции. Тот факт, что я один на один с афримом – едва ли можно было убедить себя, что именно он повинен в похищении Салли и Изобель, – к делу отношения не имел. Практические соображения, вроде возможности привлечь внимание находившихся в округе войск звуком выстрела, тоже значили мало. Само нажатие на курок и хладнокровное убийство человека было бы в полном смысле актом... таким актом, который подтвердил бы, что я действительно выбрал для себя участие в происходившем

в стране.

И все же инстинкт человеколюбия, который удержал меня здесь, продолжал убеждать, что быстро убить этого человека гораздо лучше, чем оставлять его умирать мучительной смертью.

Последней пришла в голову мысль, что мне не дано знать насколько тяжело он ранен. Утром его могут обнаружить и, если он еще будет жив, его возможно спасут. Если на это есть надежда, подобный акт с моей стороны был бы бесчеловечным.

Я вытащил ствол из дыры в обломках и отошел от них на пару шагов. Затем дважды выстрелил в воздух. Голос под обломками умолк.

Мои взаимоотношения с Изобель распались в течение двух лет после рождения Салли. Мы научились доставлять друг другу страдания; неприязнь все в большей степени звучала в наших голосах, стало неприятно смотреть в глаза друг другу, вызывало раздражение даже соприкосновение спинами в постели.

Один приятель пытался втолковать мне, что цель новых законов состоит не в преследовании афримских иммигрантов, а в их защите. Он сказал, что правительство исходило из того, что эти люди полагались на наше милосердие, поэтому мы должны видеть в них временных иждивенцев, а не незваных гостей. Население страны не должно предаваться панике при виде одного-двух иноземцев, которые, возможно, вооружены.

Как незаконным иммигрантам, им и не оставалось ничего иного, кроме противозаконных действий до тех пор, пока законы представляли для них угрозу. В этом вся суть нового Закона о порядке.

Я возразил, что мне приходилось слышать множество историй о преследованиях, изнасилованиях, убийствах и похищениях. В печати широко освещалось дело об издевательствах некоего Гортонна над десятью африканскими женщинами, которые были изнасилованы, изувечены и в конце концов зверски убиты.

Приятель согласился со мной и сказал, что как раз такого сорта жестокость и призван предотвратить новый закон. Ограничение прав и свободы перемещения чужеземцев обеспечит им большую степень защиты со стороны официальных органов власти, одновременно вынуждая их самих подчиняться правопорядку. Тот факт, что большинство афримов продолжает отвергать эту защиту, всего лишь еще одно подтверждение их чужеродности нашему обществу.

Он пошел еще дальше и напомнил мне о первых шагах политической карьеры Джона Трегарта, когда этот безвестный независимый «заднескамеечник» парламента сделал себе имя достойной похвалы политикой патриотизма, национализма и расовой чистоты. Меритом его искренности была верность взглядам в период временной нео-либеральной терпимости ко всему иностранному, от которой не осталось и следа, как только

ситуация только начинала становиться критической.

Теперь, когда он поднялся на высший пост, нация увидит, что ее дальновидность в предпочтении партии Трегарта на выборах, будет вознаграждена сторицею.

Я сказал, что остаюсь под впечатлением поддержки дорогостоящей избирательной компании по приходу Трегарта к власти воротилами различных видов бизнеса.

Мой приятель и на этот раз согласился, подчеркнув, что само создание совершенно новой политической партии – дорогостоящее дело. Тот факт, что эта партия проиграла всего одни всеобщие выборы, прежде чем взяла в свои руки кабинет министров, стало еще одним доказательством ее безмерной популярности.

Я возразил, что лишь раскол оппозиции позволил Трегарту обрести в конце концов последователей.

Мы некоторое время молчали, понимая, что политические разногласия способны разрушить дружбу, если спор выйдет за рамки доброжелательности. Я не задумался, каким образом существовавшее в стране положение влияло на мою жизнь. Я полагал, что дни моего участия в политике миновали вместе с окончанием университета, но перед глазами был живой пример воздействия на человека политического экстремизма.

Приятель напомнил, что Трегарт пришел к власти за несколько месяцев до начала афримской ситуации и что в том, каким образом правительство сейчас ве-

дет себя, вопросу о расовой дискриминации просто нет места. В трудных обстоятельствах необходима твердость и какими бы гуманными ни были мотивы заявлений некоторых сторон, факт остается фактом – афримы враждебные и опасные чужеземцы и относится к ним необходимо соответственно.

Я догнал Лейтифа и двух других уже в деревеньке. Мы двинулись в сторону леса. Лейтиф ничего не сказал о летчике. Видимо я переоценил важность этого инцидента.

Когда мы вышли из деревни на главную дорогу, которая шла через лес, навстречу вышел пожилой мужчина из числа отправившихся с Коллинзом. Он был в крайнем возбуждении.

– В лес! Коллинз говорит, это там!

– Что? – спросил Лейтиф.

– Он послал меня за вами. Мы нашли их.

Лейтиф рванулся мимо него и быстро зашагал в направлении пожара. Я последовал за ним, на ходу поглядывая на часы, но их пришлось приблизить к лицу, потому что света луны было маловато. Циферблат был едва виден: половина четвертого. С каждой минутой усталость ощущалась все больше, но на устройство в ближайший час нового лагеря надежд не было. Мы давно поняли, что спать днем опасно, если не найти хорошее убежище.

Чем ближе мы подходили к кромке леса, тем больше

дыма попадало в легкие. Его ароматы были не из хорошо мне знакомых, но явно ощущалась смесь многих сгоревших вещей. Однако преобладающим был запах бездымного пороха; главный аромат войны, вонь стреляных гильз.

Перед нами открылась сцена засады. Поперек дороги стоял тяжелый сельскохозяйственный фургон. В двадцати метрах от него были обломки головного тяжелого грузовика колонны. Он получил, по крайней мере, одно прямое попадание ракеты боевого вертолета и узнать транспортное средство в том, что от него осталось, было трудно. Позади было еще несколько изуродованных машин. Я насчитал только семь, хотя позднее слышал, как Лейтиф говорил о двенадцати. Как к нему попали эти сведения, я не знал. Сколько бы их в колонне ни было, четыре машины еще горели. По обе стороны дороги тлел подожженный взрывами кустарник и дым от него смешивался с дымом сгоревших грузовиков. Ветра почти не было, поэтому возле грузовиков совершенно нечем было дышать.

Я стоял рядом с Лейтифом. Мы пытались определить, какой из воюющих сторон принадлежали грузовики; в этой необъявленной гражданской войне противостоявшие силы редко прибегали к использованию цветных отличий, поэтому транспортные средства обычно не несли на себе опознавательные знаки. Логично было предположить, что грузовики вела

войсковая часть националистов или отступников, коль скоро атаковавшие их вертолеты пилотировали афримы, но точно сказать было невозможно. Я подумал, что грузовики могли принадлежать американцам, однако ничего определенного никто из нас не придумал.

Из дыма вышел мужчина и остановился перед нами. В оранжевых отсветах пожара мы узнали в нем Коллинза. Нос и рот были завязаны тряпкой, он тяжело дышал.

– Думаю, это была колонна националистов, Лейт, – прохрипел он.

– Что-нибудь для нас осталось? – спросил Лейтиф.

– Продовольствия нет. Да и остального немного. Но пойдем вместе посмотрим, что мы нашли.

Лейтиф достал из кармана лоскут ткани и завязал на лице. Я последовал его примеру. Когда мы были готовы, Коллинз повел нас мимо первых двух грузовиков к третьему, который не горел.

Видимо ракета ударила в его переднюю часть и разнесла водительскую кабину, но огонь не перебрался на кузов. Грузовик столкнулся с шедшим впереди, уже горевшим, но двигавшийся позади до него не доехал. Он стал жертвой прямого попадания и все, что от него осталось, уже догорело. Возле не охваченного огнем грузовика стояло восемь или девять наших людей; они выжидательно смотрели на Лейтифа.

Коллинз показал на лежавший на земле ящик:

– Мы нашли это в кузове.

Лейтиф опустился на колени, открыл крышку и достал карабин. Он положил его на землю.

– Есть еще оружие?

– Полный кузов.

В этот момент взорвался грузовик метрах в пятидесяти от нас. Мы пригнулись к земле. У меня в руках был карабин, я инстинктивно попятился к ближайшим деревьям. Из-за них я наблюдал за Лейтифом.

Он огляделся. Послышался его вопрос:

– Патроны есть?

– Да.

– Быстро выносите их. Как можно больше, Келк! – Один из наших уже бежал. – Бегите за тележкой. Опожогните ее. Мы будем вывозить на ней карабины.

Отступив за деревья, я неожиданно для себя стал сторонним наблюдателем.

Мне было ясно, что если грузовик с патронами взорвется, то вероятнее всего люди, копошившиеся во круг, погибнут. Я заметил, что трава и кустарник возле этого грузовика почернели от жара, а вокруг вились искры, долетавшие до него от горевших машин. Я спрашивал себя, много ли топлива в грузовиках и нет ли поблизости неразорвавшихся снарядов. Возможно патроны – не единственный взрывоопасный груз в этом кузове, что если там есть материалы, которые взрываются от прикосновения. Хотя для моих страхов су-

ществовали логические основания, было в них и что-то иррациональное...ощущение, может быть суеверное, что если я пойду помогать остальным, то каким-то образом накличу беду.

Я стоял за деревьями, карабин у меня в руке выглядел совершенно лишним.

Лейтиф отошел от остальных и, стоя спиной к грузовику, стал вглядываться в деревья. Он окликнул меня.

Я дождался, пока к удовлетворению Лейтифа разгрузка завершилась. Затем, когда тележку покатали последний раз, я последовал за остальными на благо разумном расстоянии, пока почти в километре от попавшей в засаду колонны не было выбрано место для лагеря. Я придумал для Лейтифа оправдание: мне показалось, что за деревьями промелькнула фигура человека и я решил проверить. Затем предложил первым охранять добытое из огня оружие. Еще один по имени Педро вызвался составить мне компанию на первые два часа.

Утром каждый получил карабин и патроны. Лишние карабины и амуницию сложили на тележки.

Шли недели. Мы с Салли были одни. Некоторое время пришлось снова спать в палатке, но в конце концов посчастливилось найти ферму, где мы получили позволение жить в одном из домиков для батраков. Пожилая пара хозяев фермы проявляла к нам мало интереса. Мы не платили за постой, а за помощь по хозяйству

получали еду.

В тот период у нас появилась видимость безопасности, хотя мы ни на минуту не забывали о расширении боевых действий в сельской местности.

Район находился под контролем сил националистов и наша ферма считалась стратегически важным пунктом. От случая к случаю армейские наведывались, чтобы помочь в работе, на одном из полей была поставлена зенитная батарея, хотя, насколько я знаю, она никогда не использовалась.

Поначалу я проявлял повышенный интерес к ходу гражданской войны, но вскоре научился его сдерживать. Я всего раз поговорил с фермером о политической ситуации и понял, что тот либо не хотел, либо не мог вступать в дискуссию. Он сказал, что когда-то у него были телевизор и радиоприемник, но их забрала армия. Его телефон не работал. Единственной информацией о положении в мире была малоформатная армейская газета, которая бесплатно раздавалась всем гражданам. Случайные встречи хозяина с другими фермерами никаких новостей не приносили, поскольку все были в одинаковом положении.

Я несколько раз заговаривал с армейскими, которые работали на ферме. От них тоже мало что удавалось узнать. Им, очевидно, было приказано не разговаривать с гражданами о ходе войны и хотя этот приказ не всегда строго выполнялся, было очевидно, что основ-

ную часть своих сведений эти люди черпали из пропагандистских речей командиров.

Однажды ночью в начале октября ферма стала целью налета вражеских сил. После первого появления самолета-разведчика я отвел Салли в наилучшее из имевшихся убежищ – низенький свинарник, обладавший тем преимуществом, что его стены были сложены из крепкого кирпича, – где мы просидели до окончания налета.

Наш домик не пострадал, но хозяйский был разрушен. Сами хозяева пропали.

Утром ферму посетил командир войсковой части националистов и забрал оставшееся оборудование. Зенитная батарея была брошена.

Не желая сниматься с места, мы с Салли остались в домике. Мы ощущали сомнительность своего положения, но перспектива снова жить под брезентом нас не прельщала. Во второй половине дня ферму занял смешанный отряд афримских и отступнических солдат и мы подверглись пристрастному допросу командовавшего отрядом лейтенанта-африканца.

Мы с большим интересом наблюдали за солдатами, так как впервые видели белых мужчин, действительно воевавших на стороне африканцев.

Всего в отряде было пятьдесят человек. Из них примерно пятнадцать – белые. Оба офицера – африканцы, но один из старших сержантов был белым. Дисци-

плана казалась отменной и обращались с нами хорошо. Нам позволили временно остаться в домике.

На следующий день ферму должен был посетить офицер-отступник высокого звания. Я узнал его, как только увидел, по фотографиям, которые регулярно печатались в газете националистов. Его звали Лайонел Кулсдон; до войны он был видным участником компании за гражданские права. В период афримского проникновения в частные владения в городах он вернулся на военную службу в присвоенном ему ранее звании и стал одним из вождей отступничества в пользу афримов в открытой вражде внутри вооруженных сил. Теперь он был полковником в армии бунтовщиков и жил приговоренным к смертной казни.

Перед нашим отбытием он вручил мне лист бумаги, в котором доходчивым языком объяснялись долгосрочные цели отступников.

Речь шла о восстановлении законности и порядка; немедленной амнистии всем сторонникам националистов; возврате к парламентской монархии, которая существовала до гражданской войны; возобновлении нормального судопроизводства; чрезвычайной программе жилищного строительства для перемещенных граждан; и британском гражданстве всем временным афримским иммигрантам.

Нас доставили на грузовике в деревушку в тридцати километрах от фермы. Это, как нам сказали, бы-

ла освобожденная территория. Мы заметили поблизости от деревни небольшой афримский армейский лагерь и обратились к его властям с просьбой помочь нам найти временное пристанище. К нам отнеслись далеко не с продемонстрированной полковником-отступником любезностью и пригрозили заключением под стражу. Мы сразу же ушли.

Деревенька оказалась очень неприветливым местом, мы столкнулись в ней всего с несколькими людьми, но все они отнеслись к нам с недоверием и враждебностью. Ночь мы провели в поле на склоне холма под брезентом в пяти километрах к западу от деревни. Салли во сне плакала.

Через неделю нам удалось найти дом с небольшим садом. Он стоял вблизи главной дороги, но был укрыт от нее лесом. Мы подходили к дому робко, но несмотря на настороженность, с которой нас встретили, назад не повернули. Дом занимала пара молодоженов, которые предложили нам разделить крышу над головой, пока мы не подыщем себе другое жилье. Мы оставались там три недели.

Я впервые видел Лейтифа напуганным.

Мы устали после событий этой ночи и нервы у всех были натянуты до предела. Чувства Лейтифа выдавало его напряжение; не в состоянии решить, сниматься нам с места или нет, он рыскал туда и сюда, сжимая в руках новый карабин, будто расстанься он с ним, и кто-

то тут же посягнет на его власть. Остальные тревожно поглядывали на предводителя, в душе явно не радуясь резкому повороту нашей жизни.

Мне досаждали собственные сомнения. Причиной растущей тревоги было овладение нами оружием. Я уже слышал толки о создании активной партизанской организации против афримов. До меня доносились обрывки фраз, в которых громко звучали слова "чернокожие ублюдки", повторявшиеся гораздо чаще, чем когда-либо, даже чаще, чем в те часы мстительной злобы после похищения женщин.

В фокусе моих страхов был Лейтиф, пугало и настроение остальных. Сейчас, как никогда прежде, у меня было ощущение, что все наши действия определяются исключительно его волей.

Поводом для моих дурных предчувствий была демонстрируемая Лейтифом нерешительность. Он боялся самого себя; боялся оставаться здесь лагерем, который мы соорудили менее чем в километре от засады на колонну; не хватало ему и храбрости приказать сниматься.

Страх перед тем и другим был понятен. Оставаться так близко к месту нападения на колонну означало быть обнаруженными первой же командой, которая прибудет для расследования обстоятельств ее гибели. Но движение с грузом такого большого количества карабинов грозило бедой, если мы попадемся на глаза

любой из воюющих сторон. Руководство нами давно стало второй натурой Лейтифа и хотя сейчас все смотрели на него в ожидании команды, эти взгляды молчаливо угрожали сместить его с командного поста в случае ошибки.

До настоящего момента мы оставались на месте, будто в самом бездействии было что-то похожее на принятое решение.

Я и еще трое провели инвентаризацию оружия, которое оказалось в нашем владении. Кроме карабинов, которые выдали каждому, было еще двенадцать ящиков по шесть стволов в каждом. Патронов тоже оказалось несколько ящиков. Эта куча оружия была едва ли не больше, чем мы могли унести. Большую его часть мы нагрузили на ручные тележки, но все это выглядело уложенным не для дальней дороги.

Я взглянул на сидевшую под деревьями группу озлобленных людей, их новообретенные карабины поблескивали у плеча каждого. Потом стал следить за стоявшим поодаль Лейтифом, он явно заблудился в собственных мыслях.

Я чувствовал, что за последние недели стал для Лейтифа самым близким в нашей группе. Спустя некоторое время я подошел к нему. Вмешательство в его мыслительный процесс не доставило ему удовольствия, тем более мое. Я сразу же увидел, что серьезно ошибся в своем суждении, и понял, что следовало

оставаться с остальными.

Он спросил:

– Где вы, черт бы вас побрал, были ночью?

– Я уже говорил вам, что произошло. Я подумал, что заметил кого-то.

– Надо было сказать мне. Будь это афримы, они могли вас застрелить.

– Я подумал, что всем угрожает опасность. У меня был карабин и кроме меня вас некому было защитить, – ответил я. У меня не было желания говорить ему правду.

– Теперь у всех нас есть карабины. Вам незачем рисковать собой ради нас. Мы можем постоять за себя сами. Премного благодарны, Уитмэн.

В тоне его голоса была не только горечь. Слышалось нетерпение, раздражение, смущение. Но на уме у Лейтифа было нечто иное; он заговорил со мной, просто вспомнив события ночи, но беспокоило его вовсе не это.

– Карабинов у вас больше, чем нужно, – сказал я. – Что вы собираетесь с ними делать?

– А что бы вы предпочли с ними сделать?

– Думаю, нам следует их бросить. Они доставят больше проблем, чем принесут пользы.

– Нет... Я их не брошу. У меня другая идея.

– Какая же? – спросил я.

Он ухмыльнулся и медленно покачал головой:

– Скажите-ка мне вот что. Предположим, вы могли бы уйти отсюда с ними, как бы вы поступили?

– Я вам уже сказал.

– Устроили бы оружейный бартер? Или попробовали сбить побольше вертолетов?

Я понял куда он клонит и сказал:

– Дело не просто в обладании оружием. Если оно есть у каждого, а не у пары человек, теряется эффективность самого обладания им.

– Значит, когда вы человек с ружьем номер один, все в порядке. Теперь же различия нет, в этом дело?

– Я объяснил вам свое понимание этого дела в тот день, когда мне достался карабин. Один карабин – это форма обороны; всеобщее вооружение опасно его агрессивностью, – возразил я.

Лейтиф задумчиво посмотрел на меня:

– Возможно у нас меньше разногласий, чем я думал. Но вы все еще не сказали мне, как бы воспользовались оружием практически.

На мгновение я задумался. У меня по-прежнему был единственный мотив, каким бы непрактичным он ни выглядел.

– Попытался бы что-то сделать, чтобы разыскать дочь, – ответил я.

– Я знал, что вы так скажете. Но вам прекрасно известно, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Если хотите знать мое мнение, что бы ни вышло,

это будет лучше того, что мы сделали до сих пор.

– Неужели вы не понимаете? – сказал Лейтиф. – Мы ничего и не могли сделать. Лучшее, на что вы можете надеяться, – они в лагере для интернированных. Более вероятно, что изнасилованы и убиты, возможно обе. Вчера вы видели, как они поступают с белыми женщинами.

– И вы просто миритесь с этим? – повысил я голос. – Для вас, Лейтиф, это совсем другое. Они забрали моих жену и дочь. Мою дочь!

– Эта беда постигла не только вас. Женщин было семнадцать.

– Но ни одна не была вашей.

Лейтиф сказал:

– Почему вы не можете примириться с этим, как другие мужчины, Алан? Мы ничего не можем сделать, чтобы их найти. Мы вне закона. Подойди мы близко к любым властям, и немедленно будем арестованы. Мы не можем пойти к этим африкам прежде всего потому, что не знаем где они, и ни в коем случае не можем ожидать, что они признаются в похищении наших женщин. Нам нечего ждать расположения людей ООН. Все, что нам дозволено, – пытаться жить.

Я злобно поглядел по сторонам:

– Вы это называете жизнью? Мы живем, как звери.

– Вы хотите положиться на самого себя? – Тон Лейтифа изменился; теперь он старался говорить убедительно.

тельно, – Послушайте, вам известно сколько таких же беженцев, как мы?

– Этого никто не знает.

– Потому что нас слишком много. Тысячи... может быть миллионы. Просто мы действуем на небольшой территории страны. По всей Англии бродят такие же бездомные, как мы. Вы говорили, что нам не следует быть агрессивными. Но почему? У каждого отдельного беженца есть превосходный повод участия в этой войне. Но обстоятельства против него. Он не имеет определенного законом статуса. Небольшая ошибка в одну сторону, и он потенциально опасен для вооруженных сил, потому что беженец подвижен, потому что война идет на его глазах; лишний шаг по другой дорожке, и он втянут в политику. Вам известно отношение правительства к беженцам? Для него это люди, братающиеся с отступниками. Вам хочется взглянуть на концентрационный лагерь изнутри? Каждый беженец делает то же, что и мы: он живет и спит кое-как, он кучкуется с такими, как сам, занимается бартером, крадет и держится подальше от кого угодно.

– И у него отбирают женщин, – добавил я.

– Если угодно судьбе, да. Положение отвратительное, но готовой альтернативы нет.

Я ничего не ответил, понимая, что он, вероятно, прав. Мне самому казалось, что будь хоть какая-то альтернатива этой несчастной бродячей жизни, мы до-

копались бы до нее. Но то, что приходилось видеть в различных учреждениях во время доставки нас в них для коротких допросов, всякий раз убеждало, что для лишенных крова граждан подходящего места нет. Большие и среднего размера города жили по законам военного времени, городки и поселки находились либо под управлением военных, либо оборонялись силами гражданской милиции. Нашей была сельская местность.

Через пару минут я возразил:

– Но так не может продолжаться вечно. Это нестабильная ситуация.

Лейтиф ухмыльнулся:

– Нет, теперь это не так.

– Теперь?

– Мы вооружены. Это меняет дело. Беженцы могут объединяться, защищать себя. С карабинами мы сможем вернуть наших... свободу!

– Это безумие, – я попытался охладить его пыл. – Едва мы покинем этот лес, нас остановит первый же отряд регулярных войск.

– Партизанская армия. Нас тысячи, по всей стране. Мы сможем занимать деревни, устраивать засады на дорогах. Но придется вести себя осторожно, оставаться невидимыми.

– Что же тогда изменится?

– Мы будем организованы, вооружены, станем

участниками войны.

– Нет, – сказал я. – Мы не должны в нее ввязываться. Участников и без нас слишком много.

– Пошли, – сказал он, – обсудим с остальными. Это будет демократично, идея сработает, лишь если все заодно.

Мы шли между деревьями к тому месту, где нас ожидали другие члены группы. Я сел на землю немного поодаль от Лейтифа и стал разглядывать тележки, нагруженные ящиками с карабинами. Лейтифа я слушал вполуха; в моем мозгу прокручивалась картина действий этой неорганизованной банды мужчин. Я представлял себе тысячи подобных банд в каждой сельской местности страны, готовых взять реванш у безликих вооруженных сил и гражданских организаций всех конфликтовавших сторон.

Я наперед видел, что если нынешние беженцы, которые в пожаре гражданской войны представляют собой отчаявшуюся, но совершенно нейтральную массу, превратят свою организацию в боеспособную партизанскую силу – не дай бог, чтобы эта задача оказалась выполнимой, – то это лишь углубит хаос, раздирающий страну.

Я поднялся на ноги и стал пятиться. Спотыкаясь о корни деревьев, я ускорил шаг, безумно желая оказаться подальше от этих людей. До моего слуха долетел крик единодушного одобрения. Мой путь лежал на юг.

В паре метров от моего столика сидела девушка. Я узнал ее и подошел.

– Лаура! – сказал я.

Девушка удивленно уставилась на меня. Потом тоже узнала.

– Алан!

Обычно я не страдаю ностальгией, но по какой-то причине имел обыкновение посещать в парке ресторанчик, который автоматически ассоциировал с Лаурой Макин. Хотя память о ней была жива, встреча оказалась для меня сюрпризом; я не знал, что она продолжала бывать здесь.

Лаура пересела за мой столик.

– Зачем ты здесь?

– Разве это не очевидно?

Оба долго смотрели друг другу в глаза:

– Да.

Мы заказали вина, чтобы отпраздновать встречу, но оно оказалось слишком сладким. Ни один не захотел его пить, однако официанту мы претензий не предъявили. Тост в честь встречи мы провозгласили, а остальное не имело значения. Во время еды я пытался разобраться, зачем, все-таки, сюда ходил. Это не было поиском возврата в прошлое. О чем я думал нынче утром? Память подвела, как я ни старался вспомнить.

– Как твоя жена?

Этого вопроса мне не задавали давно. Я не ожидал

услышать его и от нее.

– Изобель? Все та же.

– И ты все тот же.

– Никто за два года заметно не меняется.

– Не знаю.

Мы поели, выпили кофе. Паузы в разговоре стали смущать меня. Я пожалел, что мы встретились.

– Почему ты ее не оставляешь?

– Ты знаешь почему. Из-за Салли.

– Это ты говорил и прежде.

– Это правда.

Снова помолчали.

– Ты не меняешься, не так ли? Я чертовски хорошо знаю, что Салли всего лишь оправдание. Все так же плохо, как и прежде. Ты слишком слаб, чтобы от нее освободиться.

– Ты не понимаешь.

Мы заказали еще кофе. Мне хотелось прекратить разговор и оставить ее. Вместо этого я продолжал слушать. Это было проще. Мне пришлось признать, что ее упреки справедливы.

– И тем не менее, я не могу придумать ничего настолько убедительного, что изменит тебя.

– Нет.

– Я пыталась и прежде. Ты понимаешь, что именно по этой причине я не захотела с тобой больше встречаться.?

– Да.

– И ничто не изменилось.

Со всем прямодушием, на какое был способен, я сказал ей:

– Я все еще люблю тебя, Лаура.

– Я знаю. В этом-то и загвоздка. Я люблю тебя за твою слабость.

– Мне не нравится, когда ты так говоришь.

– Ничего не поделаешь. Что есть, то есть.

Она третировала меня, как прежде. Я совсем забыл об этой способности Лауры: причинять боль. И все же то, что говорила Лаура, было правдой и я продолжал ее любить, в чем не желал признаваться даже себе, пока мы снова не встретились. Из всех женщин, которых я знал после женитьбы, Лаура была единственным объектом моих более глубоких чувств, чем физическое желание. И причиной было ее умение видеть и понимать меня таким, каков я есть. Как ни больно признаваться, для меня была привлекательной способность Лауры не щадить мою неспособность порвать с Изобель. Я не знаю, за что она любила меня. Вполне я с ней так и не разобрался. Она существовала в своеобразном личном вакууме... жила в нашем обществе, но не принадлежала ему. Ее мать была ирландской иммигранткой; произведя дочь на свет, она умерла. Отец был матросом из цветных, Лаура никогда его не знала. Кожа Лауры была белой, но черты лица не-

гроидными. Она стала одной из первых жертв афримской ситуации: погибла во время второго лондонского мятежа. Тот ленч в парковом ресторанчике стал нашей последней встречей.

Я узнал в предводителе группы того мужчину, с которым встретился в разрушенной деревне и вместе грабил рухнувший вертолет. В тот раз он назвался Лейтифом, но это имя не дало мне разгадки его происхождения. Развитие событий приобретало тогда такой характер, что я все меньше доверял людям с цветной кожей, сколь бы незначительной ни была ее пигментация.

Группа, которой он руководил, состояла примерно из сорока человек, включая семерых детей. Хорошей организации у них не было.

Я наблюдал за ними с верхнего этажа старого дома, надеясь, что они разбудят своим шумом Салли. Мы пережили еще один долгий день страданий и были голодны. Этот дом служил беженцам лишь временным пристанищем; надвигалась зима и мы знали, что должны найти более долговременное жилье.

Проблема состояла для меня в том, обнаруживать или нет наше присутствие.

Я считал, что вдвоем с Салли нам не так уж плохо. Пришлось убираться всего из пары домов, когда пошли слухи, что незарегистрированные граждане и те, кто давал им приют, подлежат отправке в лагерь для интернированных лиц. Хотя это постановление вскоре

было отменено, мы решили, что лучше быть от греха подальше и оказались в этом доме.

Я наблюдал за группой и не мог решиться.

Если мы будем сами по себе, то опасность быть схваченными меньше, но присоединение к сформировавшейся группе означало более регулярное пищевое довольствие. Ничего привлекательного не было ни в той, ни в другой перспективе, но живя в доме молодоженов, мы слушали сводки континентальных радиостанций, поэтому нам были известны природа и размах гражданской войны. Мы с Салли входили в число наиболее пострадавших: двух миллионов лишившихся крова граждан, которые вынуждены жить бродяжничеством.

Больше всего беженцев в средней и северной Англии, там условия их существования предполагались наихудшими. На юге беженцев много меньше; радиобозреватели полагали, что жить им здесь легче, но и здесь, по их оценкам, в этой части Англии бродяжничество около ста пятидесяти тысяч граждан, живших за счет сельского населения.

Спустя некоторое время прибывшая группа беженцев стала устраиваться на ночлег; они поставили две или три палатки. В дом зашел мужчина и набрал из-под крана два ведра воды. В огороде развели костер и достали продукты.

Затем я обратил внимание на женщину, которая во-

зилась с двумя маленькими мальчиками. Она пыталась заставить их умыться, но успеха не добилась. Она и сама выглядела грязной и усталой, волосы уложены в неопрятный узел на голове. Я узнал Изобель.

Это открытие, казалось, должно было заставить меня колебаться еще больше, но вместо этого я спустился вниз и попросил Лейтифа принять нас в его группу.

Я шел на юг. Один я чувствовал себя в большей безопасности, чем с Лейтифом и остальными. С карабином я расстался, не было у меня и никакого другого оружия. Я нес лишь сумку с личными вещами, спальный мешок и немного продуктов. Мне нетрудно избегать нежелательных встреч с вооруженными силами, а входить в контакт с людьми в забаррикадированных деревнях и державших оборону домах было проще, чем если бы я был с группой. Первую ночь я спал под забором, вторую – в сарае, на третью мне отвели комнату в доме.

В четвертый день одинокого бродяжничества я вошел в контакт с другой группой беженцев. Как только предварительная договоренность была достигнута, я поговорил с предводителем.

Он спросил, почему я оставил Лейтифа и его людей. Я рассказал о карабинах и намерениях Лейтифа, поделился своими страхами по поводу активного участия беженцев в гражданской войне. Поделился я с ним и надеждами разыскать жену и дочь.

Мы разговаривали под навесом, который защищал когда-то место парковки автомобилей возле бара. Остальные люди его группы готовили еду и что-то мыли в помещении кухни брошенного здания.

– Ваша группа была больше нашей?

– Первоначально больше, – сказал я. – До налета нас было двадцать девять мужчин и семнадцать женщин.

– Кто были эти женщины? Ваши жены?

– В большинстве. Остальные, моя дочь и три одинокие девушки.

– Нас тридцать пять. И женщин больше, чем мужчин.

Он рассказал, как однажды их окружила какая-то часть националистов. Мужчинам подходящего возраста предложили на выбор: интернирование в концлагерь или мобилизация в армию. Прибывшая в лагерь команда инспекторов ООН освободила отказавшихся воевать, но многие мужчины остались сражаться на стороне националистов.

Я зло пошутил по поводу тяги одной из воевавших сторон к мужчинам, а другой к женщинам.

Мой собеседник спросил:

– Вы уверены, что ваших женщин похитили афримы?

– Да.

– В таком случае, мне кажется, что я знаю, где они могут быть. – Он бросил на меня взгляд, словно хотел

что-то понять по моей реакции. – Я слышал, хотя это только слухи, что афримское командование распорядилось о создании нескольких публичных домов белых женщин для своих войск.

– Слухи, вещь надежная, – заметил я.

Он кивнул.

Я тарацил на него глаза, был потрясен и молчал.

Потом прошептал:

– Она еще ребенок.

– У меня здесь жена, – сказал он. – Всегда есть что-то, от чего все мы должны искать защиты. Все, что мы можем, – прятаться до окончания войны.

Мне дали немного продуктов и мы обменялись всеми сведениями о продвижении войск, какими располагали. Они хотели знать о группе Лейтифа как можно больше и я подробно объяснил, где видел группу в последний раз. Мне сказали, что причина их интереса в стремлении объединить силы двух групп для охраны женщин, но по моему разумению он разгорелся из-за моего рассказа о карабинах.

Я жалел, что не удержал язык за зубами и видел, что неумышленно выступил в роли спонсора движения, к которому сам не пожелал присоединиться.

О публичных домах я постарался выведать как можно больше. Инстинктивно я чувствовал, что Салли и Изобель судьба забросила в один из них. Было отвратительно и страшно думать об этом, но в одном от-

ношении все же успокаивало, потому что оставался шанс, что если публичные дома находятся в ведении командования, то можно будет апеллировать либо к самому командованию, либо к одной из благотворительных организаций.

Я спросил:

– Где находятся эти публичные дома?

– Ближайший, как я слышал, к востоку от Богнора.

Так назывался приморский городок, в котором я как-то нашел бензиновые бомбы-бутылки.

Мы проверили место по нашим картам. Городок лежал в шестидесяти километрах к юго-западу от нас, а место, где я расстался с Лейтифом, примерно на таком же расстоянии к северу. Я поблагодарил группу за продукты и сведения и оставил их. Они собирали лагерь и готовились в путь.

Участок побережья, куда я направился, был мне не очень хорошо знаком. Городки переходили здесь один в другой и снова сменялись сельскохозяйственными угодьями. В детстве мне приходилось проводить в этих местах каникулы, но я мало что мог вспомнить.

Всего через несколько километров пути местность стала похожей на окраину городской застройки. Я пересек несколько магистральных дорог; встречалось все больше и больше домов. Многие выглядели незастроенными, но я не стремился обследовать их получше.

Когда по моим прикидкам до побережья оставалось километров семь-восемь, я подошел к добротной сделанной на дороге баррикаде. Защитников не было видно, но я шел как можно более открыто, готовый в любую минуту свернуть, если возникнут затруднения.

Выстрел прозвучал неожиданно и озадачил меня. Либо патрон был холостым, либо стрелок промазал преднамеренно.

Я присел и быстро метнулся в сторону. Последовал второй выстрел, на этот раз пуля пролетела очень близко. Я неловко упал на землю и подвернул лодыжку, нога неестественно согнулась, по ней прокатилась резкая боль. Я лежал, не шевелясь.

Потом мой приятель забавлял меня смешными историями. Он крупный мужчина; ему едва за тридцать, но на вид гораздо больше. Радуюсь собственным шуткам, он щурил глаза и хохотал, широко открывая рот. Мы были знакомы всего несколько месяцев. Он регулярно приходил в тот же кабачок, что и я; привычка к вечерней выпивке нас сблизила. Особого расположения я к нему не испытывал, но он искал моего общества часто.

Он рассказал байку о белом мужчине, который встретился как-то на дороге с рослым негром, который нес утку. Поравнявшись с негром, мужчина сказал:

– Какая уродливая у тебя обезьяна.

– Это не обезьяна, – возразил негр, – а утка.

Белый мужчина поднял взгляд на негра и сказал:

– С чего, черт побери, ты взял, что разговаривают с тобой?

Приятель стал смеяться, я присоединился к нему, несмотря на абсурдность анекдота. Еще смеясь, он начал рассказывать второй. На сей раз речь шла о белом, который хотел поохотиться на горилл в Африке. Поскольку гориллы были редкостью в той части джунглей, все выражали сомнение, что ему удастся встретить хотя бы одно животное. Минут через десять он вернулся и сказал, что распугал стадо из тридцати голов, но у него кончились патроны. Никто ему, конечно, не поверил, тогда он предъявил в качестве доказательства кучу велосипедов, на которых ехали гориллы.

Соль анекдота была понятной, но я не увидел в нем ничего смешного, поэтому хохотать с ним вместе я не стал. Вежливо улыбнувшись, я заказал нам еще по стаканчику.

По дороге домой в тот вечер я вдруг осознал, что в подпитии мы уже явно обнаруживали какое-то не уловимое смирение с присутствием в нашем обществе афримов и им сочувствующих. Чтобы рассказать анекдоты, этот приятель отвел меня в тихий уголок бара, будто намеревался раскрыть какой-то государственный секрет.

Расскажи он их во всеуслышание, это могло бы привести к неприятностям. Примерно в километре от кабачка было афримское поселение и одно его присут-

ствие омрачало существование местных жителей.

Путь к дому лежал в нескольких сотнях метров от этого поселения и мне не доставляло удовольствия то, что приходилось видеть. Группы взрослых мужчин и молодежи околачивались на уличных углах, явно ожидая случая устроить потасовку. За последние несколько недель уже было несколько нападений на сочувствующих афримам.

На подъездной дорожке одного из домов, мимо которых я шел, стояла полицейская машина. Она была без огней. Внутри сидело шесть человек.

Я отчетливо ощущал, что ситуация в обществе набирает инерцию саморазрушения и никаким гуманным решениям больше не остается места.

Салли была рада воссоединению с матерью, хотя мы с Изобель поздоровались холодно. Некоторое время я продолжал вспоминать о ранних годах нашего брака, когда казалось, что ребенок может компенсировать отсутствие нашего взаимопонимания. Теперь я разговаривал с Изобель только о практической стороне вещей, рассказал ей о нашей попытке вернуться в Лондон и о том, что произошло после этого. Она поведала, как присоединилась к Лейтифу и его группе. Мы снова и снова благодарили судьбу за то, что она опять свела нас вместе.

Первую ночь мы спали втроем. Хотя я и чувствовал, что мы должны сделать какие-то усилия для восстано-

вления сексуальных отношений, предпринять первый шаг не смог. Не знаю, было ли дело только в присутствии Салли.

К счастью для нас и всех беженцев вроде нас зима в этом году была мягкой. Часто шли дожди и было ветрено, однако период сильных морозов оказался коротким. Мы устроили что-то вроде постоянного лагеря в старой церкви. К нам несколько раз наведывались работники Красного креста и обе воевавшие стороны знали о нашем присутствии. Зима миновала без особых происшествий, единственной помехой продолжало оставаться отсутствие новостей о событиях в стране.

В тот же период я впервые разглядел в Лейтифе любителя пофантазировать на социальные темы. Он говорил об увеличении нашей группы и превращении ее в какую-то значимую общественную единицу, которая могла бы сама себя обеспечивать до тех пор, пока не разрешатся все трудности. К этому времени каждый из нас уже потерял надежду вернуться в собственный дом и мы понимали, что в конечном счете окажемся в руках той стороны, которая добьется успеха в создании какого-то действенного правительства. Лейтиф убеждал нас держаться до этого времени вместе и просто ждать развития событий.

Думаю, в тот период мое настроение становилось все более благодушным. Я находился под прямым влия-

янием Лейтифа и много времени проводил в разговорах с ним. Хотя мое уважение к нему росло, мне кажется, я презирал его, возможно по той причине, что был явно не в состоянии придерживаться каких-то определенных политических взглядов.

За зиму в церкви появились и другие группы беженцев, которые задерживались на некоторое время, а затем уходили. Мы стали видеть в своем лагере что-то вроде ядра. В определенном смысле мы процветали. Короткие периоды отсутствия продуктов питания случались редко, наш полуоседлый статус давал возможность организовывать заготовительные экспедиции. У нас появился хороший запас одежды и много всякой всячины для бартера.

С приходом весны мы вскоре увидели, что были не единственными, кто воспользовался затишьем во враждебных действиях для упрочения своего положения. В конце марта и начале апреля в небе появилось много летательных аппаратов, которые, судя по незнакомым очертаниям, были явно иностранного происхождения. Возобновилась активность сухопутных войск, по ночам по дорогам двигались большие колонны грузовиков. В отдалении слышалась артиллерийская канонада.

Мы обзавелись радиоприемником и заставили его работать. Однако к нашему возмущению много узнать из передач нам не удавалось.

Вещание Би-Би-Си было приостановлено, его заменила станция под названием "Национальный голос". Ее передачи были под стать малоформатной газете, номера которой мне доводилось видеть: политическая риторика и общественная пропаганда, перемежаемая многочасовыми музыкальными заставками. Все континентальные и заморские передачи глушились.

В конце апреля мы узнали, что было предпринято генеральное наступление против мятежных и иностранных группировок на юге, что завершается их окончательное подавление. Сообщалось также, что силы, верные короне, вскоре будут изгнаны со всей территории, где мы обосновались. По тому, что мы видели собственными глазами, в это верилось с трудом, но нас очень беспокоила возможность нарастания военных действий в ближайшем будущем, если в этих сообщениях была хоть какая-то толика правды.

В один весенний день нас посетила большая делегация организаторов благотворительных акций Объединенных наций. Они показали нам несколько правительственных директив с перечнем настроенных враждебно группировок, которые объявлялись диссидентскими. В их число были включены и белые гражданские беженцы.

Представители благотворительных организаций разъяснили нам, что эти директивы выпущены несколько недель назад и вскоре были отменены из-за

ряда вызванных ими неприятных недоразумений. Однако наш общественный статус продолжает оставаться неопределенным, поэтому они советовали нам либо отдаться в руки центров ООН по восстановлению прав граждан, либо уйти из церкви. Прислушаться к их совету было самое время, говорили они, потому что вокруг много войсковых соединений националистов.

Дебаты по этому поводу оказались очень долгими. В конце концов Лейтиф настоял, что мы будем продолжать жить вне закона. Мы чувствовали, что пока большое число беженцев будет оставаться в таком же положении, мы сможем оказывать сильное, правда пассивное, давление на правительство, которому придется искать способ разрешения конфликта и обеспечения нас жильем. Отдаваться под опеку ооновского восстановления в правах означало бы добровольно отказаться даже от этого незначительного участия в решении своей судьбы. В любом случае условия существования в переполненных и недоукомплектованных персоналом лагерях были значительно хуже наших нынешних.

Некоторые, однако, отправились в лагеря... главным образом те, у кого были дети. Но большинство осталось с Лейтифом и мы снялись с места.

Перед тем, как двинуться в путь, мы договорились о тактике поведения. Было решено, что будем перемещаться по широкому кругу, через каждые шесть недель

возвращаясь в окрестности церкви. Договорились, что будем останавливаться лагерем на ночлег только в таких местах, которые по нашему собственному опыту или по сведениям от других беженцев относительно безопасны. У нас было все необходимое туристское снаряжение и несколько ручных тележек.

Четыре с половиной недели мы странствовали строго в соответствии с планом. Затем добрались до сельскохозяйственной низины, которая, по сообщениям, находилась под контролем афримов. Это известие не нарушило наши планы, потому что мы и прежде часто проходили по афримской территории.

В первую ночь нам никто не досаждал.

Вторую половину дня я провел в колледже. Настроение у меня было подавленное. Я провел три занятия, но целиком сосредоточиться на работе так и не смог. Изобель не выходила из головы, было очень неприятно сознавать, что мне никак не избавиться от чувства вины.

Я покончил с одной любовной интрижкой две недели назад. Это не было усложнено никакими эмоциональными подтекстами, если не считать стойкого безразличия к сексу, которое выработалось у меня из-за отношения к нему Изобель. Я провел в квартире этой женщины несколько вечеров и однажды остался на ночь. Она мне не особенно нравилась, но в постельных делах была многоопытна.

В тот период я еще лгал Изобель, ссылаясь на занятость, но уверенности, что она не знает правды у меня не было.

К четырем часам я все же принял решение и позвонил приятельнице по имени Элен, которая обычно соглашалась посидеть с Салли, когда у нас с Изобель появлялось желание провести где-нибудь вечер. Я спросил, свободна ли она и договорился, что жду ее в семь вечера.

Из колледжа я ушел в пять и поехал прямо домой. Изобель гладила белье, а Салли, которой было тогда четыре года, пила чай.

– Отложи все это, – сказал я Изобель, – Мы выходим в свет, соберись как можно быстрее.

На ней была какая-то бесформенная блузка и старая юбка. Ноги без чулок, домашние тапочки, волосы были перевязаны сзади эластичной лентой, однако несколько прямых прядей ниспадали на лицо.

– Выходим в свет? – переспросила она. – Но я не могу. Я должна все перегладить и мы не можем оставить Салли.

– Придет Элен. А закончить ты можешь и завтра.

– Зачем нам идти? По какому поводу праздник?

– Без всякого повода. Просто мне захотелось.

Она окинула меня неопределенным взглядом и отвернулась к утюгу:

– Не смей меня.

Это не шутка. – Я наклонился и выдернул вилку утюга из розетки. – Брось это и собирайся. Я уложу Салли.

– Разве мы не должны поесть? У меня все на плите.

– Съедем утром.

– Но с огня снимать еще рано.

– В холодильнике сохранится и недоваренное.

– Как твое настроение? – скороговоркой спросила она.

– Что?

– Ничего. – Она снова склонилась над утюгом.

Я сказал:

– Слушай, Изобель, не упряжься. Мне захотелось провести где-нибудь вечер с тобой. Если ты против, так и скажи. Я думал эта идея тебе понравится.

Она подняла на меня взгляд.

– Я... не против. Извини, Алан. Я просто не ожидала.

– Так тебе тоже хочется пойти?

– Конечно.

– Долго будешь собираться?

– Нет. Приму ванну и помою голову.

– Хорошо.

Она догладила то, что было на доске, убрала утюг и доску на место; потом минут пять повозилась в кухне, разбираясь с тем, что стояло на плите.

Я включил телевизор и посмотрел новости. На этот раз говорилось о возможной дате всеобщих выборов и независимом члене парламента правого толка Джоне

Трегарте, который вызвал жаркие споры, заявив, что отчетность Казначейства искажена.

Салли допила чай и я отнес в раковину грязную посуду. Салли обрадовалась приходу Элен и обещала хорошо себя вести. Ей нравилась эта женщина и она была счастлива остаться с ней. Я вошел в ванную за своей бритвой, Изобель сидела в воде. Я наклонился и поцеловал ее. Она ответила на поцелуй, повременив секунду или две, потом отстранилась и улыбнулась. Это была забавная улыбка; одна из тех, смысл которых мне всегда был непонятен. Я помог Салли переодеться, затем почитал ей, пока Изобель не вышла из ванной.

Позвонив в ресторан, я заказал столик на восемь часов. Разговаривая, я смотрел, как Изобель, появившаяся в банном халате, сушила феном волосы. Элен появилась ровно в семь и мы вместе отвели Салли в детскую.

Изобель надела бледной расцветки платье, которое очень ладно сидело на ней, подчеркивая фигуру, и аккуратно расчесала свои красивые прямые волосы. Она немного подкрасилась, главным образом глаза, и надела ожерелье, которое я подарил ей в первую годовщину нашей свадьбы. Она выглядела красавицей, какой я не видел ее много лет. Когда мы уже ехали, я сказал ей об этом.

– Зачем мы все-таки выбрались из дома, Алан? –

спросила она.

– Я же говорил тебе. Я просто почувствовал, что мне этого хочется.

– И предполагал, что я не захочу?

– Ты же захотела.

Я заметил ее неловкость и понял, что до сих пор судил о ее настроении только по поведению. За холодностью и красивой внешностью скрывалось внутреннее напряжение. Когда мы остановились перед светофором, я посмотрел на нее. Скучной, сексуально холодной женщины, которую я видел каждый день, не было... вместо нее рядом со мной сидела та Изобель, на которой я когда-то мечтал жениться. Она достала из сумочки сигарету и закурила.

– Тебе нравится, когда я так одета, верно?

– Да, конечно, – ответил я.

– А в другое время?

Я пожал плечами:

– У тебя не всегда есть такая возможность.

– Верно. И ты не часто даешь мне ее.

Я заметил, что пальцами свободной руки Изобель поглаживает ногти той, что держала сигарету. Она сделала затяжку.

– Я помыла волосы и надела чистое платье. Ты сменил галстук. Мы едем в дорогой ресторан.

– Мы и прежде бывали в ресторанах. Несколько раз.

– А как давно мы женаты? И вдруг такое событие.

Сколько ждать следующего раза?

– Можем позволять себе это почаще, если хочешь, – ответил я.

– Хорошо. Давай, раз в неделю. Заведем такой обычай.

– Ты ведь знаешь, что это непрактично. А что будет с Салли?

Она закинула руки за голову, сгребла ладонями свои длинные волосы и сильно их натянула. Я то и дело поглядывал на нее, отвлекаясь от дороги. Сигарета во рту, губы немного искривлены.

– Ты мог бы нанять домработницу.

Некоторое время мы ехали молча. Изобель докуривала сигарету и бросила окурки в окно.

Я сказал:

– Тебе незачем ждать, пока я приглашу тебя куда-нибудь. если ты заранее позаботишься о своей привлекательности.

– Ты никогда прежде не обращал на это внимание.

– Обращал.

Это было правдой. Очень долгое время после жень-шеньбы она прилагала массу усилий, чтобы сохранить привлекательность, даже во время беременности. Я восхищался ею, даже несмотря на возникавшие между нами преграды.

– Я отчаялась в возможности тебе нравиться.

– Сейчас ты мне очень нравишься. – сказал я. – У

тебя на руках ребенок. Я не могу требовать, чтобы ты все время была так одета.

– Но ты требуешь, Алан. Требуешь. В этом вся проблема.

Я был признателен ей за этот разговор не по существу. Мы оба прекрасно знали, что манера Изобель одеваться приподнимала самый краешек нашей проблемы. Я лелеял образ той Изобель, которую увидел впервые, и у меня не было охоты с ним расставаться. Он жил во мне и на мой взгляд в определенных пределах это присуще всем женатым мужчинам. Истинную причину отсутствия у меня интереса к Изобель мы никогда открыто обсуждать не решались.

Мы посидели в ресторане, съели поданные блюда. Ни одному это удовольствия не доставило. Разговор тоже не клеился. По дороге домой Изобель сидела молча, пока я не остановил возле дома машину.

Только тогда она повернулась и посмотрела на меня. Выражение лица было прежним, но теперь с затаненной улыбкой.

– Нынче вечером я была просто еще одной твоей женщиной, – сказала она.

Двое мужчин приволокли меня к баррикаде. Я повис на их плечах и пытался переставлять ноги, но перенос веса тела на растянутую лодыжку отзывался сильной болью.

В баррикаде открыли проход и провели меня за нее.

Там было несколько человек. Все с карабинами. Я попытался объяснить, кто я такой и зачем хотел войти в городок. Не обмолвившись ни об афримах, ни о своих страхах о том, что Салли и Изобель находились у них в руках, я сказал, что разделился с женой и дочерью. Мне вроде бы удалось убедить их, что я имел основания искать их именно здесь.

Мои пожитки обыскали.

– Ты просто грязный оборванец, кто же еще? – сказал один молодой мужчина. Остальные одарили его взглядами, которые показались мне осуждающими.

Я ответил, стараясь говорить спокойно:

– Я потерял дом и все, чем владел. Несколько месяцев был вынужден жить, где придется. Для меня было бы счастьем принять ванну и сменить белье.

– Все в порядке, – сказал другой. Он куда-то в сторону мотнул головой и тот молодой мужчина отошел, сверкнув на меня взглядом. – Кем вы были до того, как вас выгнали из дома?

– Вы имеете в виду мою профессию? Я преподаватель колледжа, но некоторое время был вынужден заниматься другой работой.

– Вы жили в Лондоне?

– Да.

– Есть места и похуже. Вы слышали, что творилось на севере?

– Слышал. Вы позволите мне войти в городок?

– Возможно. Однако прежде нам необходимо побольше узнать о вас.

Мне было задано еще несколько вопросов. Я не отвечал на них с полной искренностью, но старался добиться ответами расположения к себе. Вопросы касались моего возможного участия в войне. Меня спрашивали, не подвергался ли я нападению вооруженных отрядов, не занимался ли я диверсией, какой из воюющих сторон я предан.

Я спросил:

– Это территория националистов, не так ли?

– Мы верны короне, если вы это имеете в виду.

– Разве это не одно и то же?

– Не совсем. У нас нет вооруженных сил. Мы в состоянии справляться со своими делами сами.

– А как же афримы?

– Здесь их нет. – Категоричность его тона напугала меня. – Они были, но ушли. Было бы легкомыслием позволить ситуации выйти из-под контроля.

Заговорил еще один мужчина:

– Вы еще не рассказали о своей позиции.

– А вам трудно ее представить? – ответил я вопросом. – Африканцы заняли мой дом и я уже год живу не лучше зверя. Эти ублюдки забрали у меня ребенка и жену. Так что, я с вами. Этого достаточно?

– Ладно. Но вы говорили, что пришли искать их здесь. В городке нет ни одного африканца.

– Какой это город?

Он назвал. Предводитель беженцев упоминал другой. Я сказал, как называется городок, куда намеревался добраться.

– Вы попали в другое место. Здесь нет ни одного чернокожего.

– Я понял. Вы уже говорили.

– У нас приличный городок. Я ничего не знаю об африканцах. У нас их нет ни одного с тех пор, как мы вытурили всех их до последнего. Если они – цель ваших поисков, то вы попали не туда. Понятно?

– Вы прекрасно все объяснили. Я ошибся. Прошу извинить.

Они отошли от меня и минуту или две посовещались. Я воспользовался этим, чтобы изучить крупномасштабную карту, которая была прикреплена к одному из бетонных блоков баррикады. Этот район побережья населен очень густо. Хотя каждый городок имел собственное название, их пригороды переходили один в другой. Городок, в который мне следовало попасть, находился в пяти километрах к востоку.

Я заметил на карте отмеченную ярко-зеленой краской границу зоны. Ее самая северная точка находилась примерно в семи километрах от моря. От этой точки граница шла на восток и запад до побережья. Моя цель, как я увидел, была за пределами зеленой черты.

Несколько пробных физических упражнений убеди-

ли меня, что на поврежденную лодыжку я совершенно не могу опираться. Голеностоп опух и я понял, что если сниму ботинок, то надеть его снова не смогу. У меня появилось подозрение, что сломали кость. При первой возможности ногу необходимо показать врачу.

Остановившие меня люди подошли снова:

– Вы можете идти? – спросил один из них.

– Не думаю. Нет ли здесь врача?

– Конечно, есть. Вы найдете его в городе.

– Значит, вы не гоните меня?

– Нет. Но кое о чем должны предупредить. Достаньте чистую одежду и приведите себя в порядок. Это приличный город. Не оставайтесь на улице после наступления темноты... найдите себе жилье. Если не сможете, вам придется уйти. И не болтайте о чернокожих. Все ясно?

Я кивнул:

– Смогу я уйти, если захочу?

– Куда вы можете захотеть пойти?

Я напомнил, что должен найти Салли и Изобель. Для этого будет необходимо пересечь восточную границу с соседним городом. Он сказал, что уйти я смогу по прибрежной дороге.

Мужчина дал знак, что я могу идти. Я с трудом поднялся на ноги. Один из них зашел в ближайший дом и принес трость. Мне было сказано, что я должен вернуть ее, как только лодыжка поправится. Я дал обеща-

ние.

Медленно, испытывая мучительную боль, я заковылял по улице, ведущей к центру города.

При первом шуме я проснулся и метнулся по палатке к тому месту, где спала Салли. Следом за мной зашевелилась Изобель.

Спустя несколько секунд шум приблизился к нашей палатке и входную полость отбросили в сторону. Снаружи стояло двое мужчин. В руках одного был фонарик, он направил его луч мне в глаза. Другой был с тяжелым карабином. Тот, что держал фонарик, вошел в палатку, схватил Изобель за руку и вытащил наружу. Кроме бюстгальтера и трусиков на ней ничего не было. Она закричала, зовя меня на помощь, но нас разделял карабин. Мужчина с фонариком ушел, крики стали доноситься из других палаток. Я лежал тихо, обнимая проснувшуюся Салли, пытаюсь успокоить ее. Мужчина с карабином все еще был в палатке. Он просто молча направлял оружие в мою сторону. Снаружи послышалось три выстрела и я испугался по-настоящему. Затем ненадолго наступила тишина, которую разорвали вопли и отрывистые команды на суахили. Салли дрожала. Дуло карабина маячило в пятнадцати сантиметрах от моей головы. Хотя в палатке была почти полная темнота, мне хорошо был виден силуэт мужчины на фоне неба. В палатку вошел второй, у него был фонарик. Он протиснулся мимо первого с карабином. За

брезентом палатки в паре метров от меня прогремели выстрелы. Мои мышцы напряглись. Мужчина с фонариком дважды пнул меня ногой, пытаюсь оторвать от Салли. Я держал ее крепко. Она завопила. Меня ударили по голове рукой, потом еще раз. Салли схватил второй и яростно дернул. Мы с Салли отчаянно цеплялись друг за друга. Она кричала, умоляя спасти ее. Я больше ничего не мог поделать. Мужчина снова ударил меня, на этот раз в лицо. Моя правая рука ослабела и Салли от меня оттащила. Я кричал, чтобы ее оставили. Я снова и снова повторял, что она еще ребенок. Девочка громко вопила. Мужчины не произносили слова. Я попытался ухватиться за карабин, но его дуло решительно уперлось мне в горло. Я упал на спину и неистово сопротивлявшуюся Салли выволокли за полог. Мужчина с карабином вернулся в палатку и присел возле меня на корточки. Дуло вдавилось в грудь. Я услышал щелчок и внутренне сжался. Ничего не произошло.

Мужчина с карабином оставался со мной минут десять. Я лежал и прислушивался к звукам снаружи. Крики продолжались, но выстрелов больше не было. Вопили женщины, затем заработал двигатель грузовика и он тронулся. Мужчина с карабином не шелохнулся. На лагерь опустилась тревожная тишина.

Снаружи снова послышался шум беготни и донесся голос, отдавший приказ. Мужчина с карабином вы-

скочил из палатки. Загрохотал автомобиль, увозивший солдат.

Я заплакал.

Кроме боли в лодыжке, я ощущал усиливавшуюся тошноту. Болела голова. После каждого шага я делал остановку, чтобы собраться с силами. Несмотря на все страдания, отдыхая, я мог наблюдать за окружающей обстановкой; она меня изумляла.

В нескольких сотнях метров от баррикады я оказался на улице предместья. Она показалась мне странной самой своей нормальностью. Проехало несколько автомобилей, не было ни одного пустующего дома, каждый фасад добротнo подновлен. Я заметил пару, сидевшую в переносных креслах в саду; на меня они смотрели с любопытством. В руках у мужчины была газета, в которой я узнал "Дейли Мейл". Возникло ощущение, будто я каким-то образом был перенесен на пару лет в прошлое.

На пересечении с более широкой улицей дорожное движение оказалось еще интенсивнее, я увидел даже городской автобус. Мне пришлось подождать затишья в движении, прежде чем решиться перейти дорогу. Удалось это с большим трудом и долгой остановкой посреди улицы. Когда я, наконец, добрался до противоположного тротуара, тошнота дошла до позыва к рвоте. На меня обратила внимание небольшая стайка играющих в саду детей, один из них убежал в дом.

Я заковылял дальше, как только собрался с силами. У меня не было никакой определенной цели. Все тело покрылось испариной. Вскоре меня снова вырвало. Рядом оказалась деревянная скамейка и я несколько минут отдохнул на ней. Я чувствовал, что ослаб до крайности.

Мой путь лежал через торговый центр городка, здесь было много людей. Они сновали из одного магазина в другой. Мне снова стало не по себе из-за этой поразительной нормальности уличной жизни. Уже много месяцев я не встречал ни одного населенного пункта, где были бы магазины, где было бы можно просто купить продукты. Большинство торговых точек, которые мне приходилось видеть, оказывались либо разграбленными либо находились под строжайшим контролем военных.

В конце ряда магазинов я снова остановился, внезапно сообразив, сколь необыкновенно я выглядел для всех этих людей. Я уже встречал несколько любопытных взглядов. По моей оценке я оставил баррикаду часа полтора назад и было уже около пяти или шести часов вечера. В дополнение ко всем моим болям я чувствовал невероятную усталость.

Грязная одежда, нечесанные волосы, небритая физиономия, двухмесячной давности запахи въевшихся в одежду пота и мочи, хромота и следы недавней рвоты на рубашке исключали даже попытку заговорить с

кем-нибудь из этих людей.

Боль в ноге стала почти нестерпимой. Меня преследовала мысль, что мой вид оскорбителен для этих людей, и я свернул в первую же боковую улочку. Я шел по ней, пока несли ноги, но слабость взяла, наконец, свое. Пройдя после второго поворота не более сотни метров, я рухнул на землю второй раз за этот день и лежал совершенно беспомощный. Я закрыл глаза.

Через некоторое время надо мной послышались голоса и я был заботливо поставлен на ноги.

Мягкая постель. Холодные простыни. Тело вымыто в полной ванне горячей воды. Боль в ноге и стопе. Картина на стене; фотографии улыбающихся людей на туалетном столике. Неприятные ощущения в желудке. На мне чужая пижама. Наложенный доктором бандаж на лодыжке. Возле меня стакан воды. Приятные слова. Засыпаю.

Я узнал их фамилии – мистер и миссис Джеффри. Его имя – Чарлз, ее – Энид. Он был банковским менеджером, но теперь на пенсии. По моей оценке обоим за шестьдесят, он ближе к семидесяти. Они подчеркнута нелюбопытны, хотя я сказал им, что прибыл из другого города. О Салли и Изобель говорить не стал.

Они сказали, что я могу оставаться у них, сколько пожелаю, но в любом случае не меньше, чем необходимо на поправку ноги.

Миссис Джеффри кормила меня на убой. Свежее

мясо, яйца, овощи, хлеб, фрукты. Сначала я удивлялся, говоря, что даже подумать не мог о возможности все это достать. Она сказала, что местные магазины снабжаются товарами регулярно и не понимает, почему я мог так думать.

– Однако, дорогой, продукты так дорожают, – сказала она мне – что я едва справляюсь с ростом цен.

Я спросил ее мнение о росте цен.

– Времена меняются. Совсем не то, что было в мою молодость. Моя мать платила всего пенни за буханку хлеба. Но ничего не поделаешь, я просто плачу и стараюсь не думать об этом.

Она для меня была непостижима. Что бы я ни попросил, это никогда не воспринималось, как нечто слишком нескромное. Она приносила газеты и журналы, а мистер Джеффри угощал сигаретами и стопочкой шотландского виски. Я с жадностью читал прессу, надеясь получить представление об общественной и политической ситуации в стране. Газета называлась "Дейли Мейл" и была, как сказала мне миссис Джеффри, не выразив при этом ни малейшего удивления, единственной, какую в данный момент можно получить. Редакционные материалы касались, главным образом, зарубежных новостей и содержали много фотографий. Гражданская война вообще не упоминалась. Рекламы совсем мало, в основном касавшейся потребительских товаров. Я заметил, что номер стоил тридцать пенсов,

страниц было всего четыре, выходила газета дважды в неделю, а печаталась где-то во Франции. Ни одним из этих наблюдений я с супругами Джеффри не поделился.

Покой и уют позволяли мне более объективно поразмыслить над ситуацией. Я отдавал себе отчет в том, что заботила меня, главным образом, личная жизнь, а о долгосрочных перспективах страны я особенно не задумывался. Хотя меня мучила собственная бездеятельность, я прекрасно понимал, что было бы чрезвычайной глупостью пускаться в путь, пока не окрепнет лодыжка.

Вопрос оставался все тем же, смогу я найти Салли и Изобель, или нет. В своей негаданной роли беженца я просто обязан был соблюдать нейтралитет. Но мне казалось, что продолжать сохранять его будет невозможно. Я не смогу оставаться в стороне вечно.

Из того, чему я был свидетелем в деятельности и внешнем облике сил отступников, мне всегда представлялось, что их понимание ситуации соответствует наиболее гуманному подходу. У общества нет никакого морального права лишать африканских иммигрантов личного достоинства и голоса. Война тем или иным способом должна завершиться миром. Африканцы теперь неизбежно останутся в Британии и будут жить здесь всегда.

С другой стороны, экстремистские действия нацио-

налистов, которые изначально черпали силы в консервативной и репрессивной политике правительства Треггарта (администрацию этого политика я не любил и не доверял ей), вызывали мое одобрение на уровне инстинкта. Ведь именно афримы лишили меня абсолютно всего, чем я владел.

В конце концов я остановился на том, что решение этого вопроса зависит от того, найду ли я Изобель. Если ей и Салли не причинили вреда, мои инстинкты утихомятся.

О последствиях этих двух альтернатив я особенно не задумывался.

Я чувствовал, что дилемма в значительной мере заключалась в моей нерешительности... если бы я мог сделать свой выбор раньше, то не оказался бы в нынешнем положении. В личностном, сугубо практическом плане я понимал, что каким бы ни оказалось наше будущее, мы не можем в нем обосноваться, пока не будет найдено решение более масштабных проблем вокруг нас.

На третий день пребывания у Джеффри я мог встать и двигаться по дому. Я привел в порядок свою бородку, а Энид постирала и починила мне одежду. Став мобильным, я загорелся стремлением как можно скорее отправиться на поиски Изобель и Салли, но лодыжка все еще болела при ходьбе.

Я помог Чарлзу наладить освещение в саду и провел

несколько часов в беседах с ним.

Меня непрестанно удивляла полная неосведомленность, которую демонстрировали и он, и его жена. Когда я заговорил о гражданской войне, он реагировал так, будто это было где-то за тысячу километров от них. Помня о предписании мужчины на баррикаде не заводить разговоров об африках, я вел себя очень осторожно при обсуждении всего что касалось политики. Но Чарлза Джефффри все это не интересовало. Насколько он понимал, правительству приходится иметь дело с трудной проблемой, но в конце концов решение будет найдено.

В течение дня над домом пролетало несколько реактивных самолетов, а по вечерам мы слышали далекие взрывы. Ни один из нас об этом не заговаривал.

У супругов Джефффри был телевизор, передачу по которому я смотрел вместе с ними на третий день вечером. Известие о возобновлении работы телевидения очаровало меня.

Стиль представления информации был похож на принятый когда-то в Би-Би-Си, заставка станции практически не изменилась. Содержание программ было в основном американским. Довольно поздно вечером прошла короткая сводка новостей, которые касались местных тем городков южного побережья. О гражданской войне не было ни слова. Все программы шли в записи и носили развлекательный характер.

Я спросил Джеффри, откуда ведется трансляция. Они ответили, что в городке кабельное телевидение, которое входит в систему вещания города Уэртинга.

На четвертый день я почувствовал, что лодыжка достаточно окрепла и я могу ходить безболезненно. Я прекрасно отдохнул, но соблазн остаться в уютном доме приветливых Джеффри был велик. Я не мог поверить в реальную возможность подобной жизни и воспринимал ее лишь как искусственную реставрацию нормального существования в совершенно ненормальных внешних обстоятельствах. Супруги Джеффри были не в состоянии это понять и я ничего им не сказал. Я испытывал искреннюю благодарность этим пожилым людям за все, что они для меня сделали, и раз им удавалось сохранять иллюзию нормальности ситуации, у меня не было права колебать ее.

Я оставил их поздно утром, зная, что никогда не смогу в полной мере выразить значение для меня этой непродолжительной остановки на отдых не только им, но и себе. Я отправился в путь по прибрежной дороге.

Никаких затруднений на баррикаде не встретилось. Охранявшие ее мужчины были не в состоянии понять мое желание покинуть город, но раз я недвусмысленно дал им понять, что действительно хочу этого, они не стали мне препятствовать. Я сказал, что возможно к вечеру вернусь, но они предупредили меня, что снова войти в город будет значительно труднее, чем из него

уйти.

Примерно три километра пути я шел по улицам предместья. Все дома были пусты, некоторые повреждены или разрушены. Гражданские лица на глаза не попадались.

Несколько раз я встречал небольшие группы афримских солдат, но меня они не окликали.

В середине дня я зашел в пустой дом, чтобы съесть sandwich с говядиной и салат, которые дала мне в дороге миссис Джеффри. Я выпил чай и ополоснул термос, понимая, что он еще может пригодиться.

Потом я спустился на пляж и шел вдоль берега, пока не добрался до того места, где находилась дача, в которой я как-то обнаружил бензиновые бомбы-бутылки. Ничуть не сгорая от любопытства, я вошел в дом и искал бомбы, но их уже кто-то забрал.

Я снова спустился на пляж и уселся на гальке.

Через полчаса на берегу появился молодой человек и подошел ко мне. Мы поговорили. Он сказал, что примерно в тринадцати километрах к востоку отсюда остановилась большая группа беженцев, которые обзавелись судном и планируют уплыть на нем во Францию. Я спросил, вооружена ли эта группа, и он ответил, что да.

Мы немного поговорили об африках и юноша сказал, что здесь гарнизонный город, но очень слабо организованный. Чернокожих военных многие сотни, но

они плохо управляются и недисциплинированы. Я спросил, известно ли ему что-нибудь об афримском публичном доме, и он подтвердил его существование. Он сказал, что там огромная текучесть персонала и что афримы безжалостно убивают женщин, которые не желают сотрудничать.

По его сведениям этот публичный дом находился менее чем в километре от того места, где мы сидели, и он был готов проводить меня до него, если я захочу.

Я поблагодарил, но отклонил его предложение. Некоторое время спустя он оставил меня, подробно объяснив, как разыскать группу беженцев, у которой есть судно. Я сказал, что если решу присоединиться к ней, то буду там к вечеру следующего дня.

Подождав, пока он исчезнет из вида, я двинулся в том же направлении.

Я медленно подходил к тому месту, где по сведениям юноши находился публичный дом. Пришлось идти по улицам городка. Африканцев здесь было много и никакой возможности подойти к зданию у меня не оказалось. Я пытался приблизиться к нему с разных направлений, но меня каждый раз останавливали и вели идти прочь.

Усталость все больше давала о себе знать и я вернулся на берег. Я сидел на гальке и смотрел в море. На воде было много нефтяных пятен, в нескольких местах пляж покрывала жирная черная слизь.

Тишина страшила меня. Морских птиц не было, маслянистые волны вяло накатывались на берег, не образуя пены. Был отлив. Далеко в море маячил военный корабль, но я не смог определить ни его тип, ни национальную принадлежность.

Сперва мое внимание к трупам привлек взвод афримских солдат, которые спустились к берегу метрах в четырехстах от меня, а затем вернулись в город. Я встал.

Пока я шел, ноги непрерывно скользили на толстом слое покрытой нефтью гальки. Разглядеть трупы было нелегко; я сначала не догадался, что это трупы, приняв их издали за сгустки мазута. Все тела были черными, я насчитал их семнадцать. На них не было одежды. Кроме одного, это были трупы женщин. Черноту коже давали не естественная пигментация и не мазут; тела были раскрашены, либо вымазаны в смоле. Я шел, разглядывая их, и вскоре обнаружил Изобель и Салли.

Во мне не дрогнул ни один нерв. Немного погодя мне стало грустно. Затем грусть сменилась смешанным ощущением ужаса и ненависти.

Ночь я проспал на пляже. Утром убил молодого африканца и забрал его карабин, а к полудню уже снова колесил по сельскохозяйственным угодьям страны.